Пече

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ в Москве В БОЯХ ЗА ОКТЯБРЬ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИЗО
П491

Я. ПЕЧЕ

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ В МОСКВЕ В БОЯХ ЗА ОКТЯБР

ГИЗО
П491

1929

ГИЗО
П491 р

Я. ПЕЧЕ

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ В МОСКВЕ В БОЯХ ЗА ОКТЯБРЬ

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

2-й экз.

1941
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ГИЗО
П491 Р

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ".
Москва, Пименовская, 16.
Главлит № А—23951.
в количестве 3 000
Гиз С—53 № 27371
Зак. 6980
11¾ л.
☆

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Маркса-Энгельса
при ЦК ВКП(б)
98403

БИБЛИОТЕКА
ИМЭ
Спец. фонд
С 90
29180

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

1941
1950

98403 У

ОТ ИСТПАРТА.

История Красной гвардии лишь с недавнего времени становится предметом некоторого внимания со стороны наших исследователей.

Литература на эту тему чрезвычайно скудна. Само собою понятно, что изучение этих в высшей степени интересных страниц истории Октябрьской революции возможно лишь после опубликования основных имеющихся материалов. Под этим мы подразумеваем как те, весьма немногочисленные, документы, которые уцелели кое-где в архивах, так и воспоминания активных работников Красной гвардии.

Книга т. Я. Пече не может быть отнесена к числу исследовательских работ. Это прежде всего его личные воспоминания, в которых автор использовал большое количество документов и собранных им отдельных воспоминаний других участников.

Тов. Я. Пече—один из активнейших организаторов Красной гвардии в Москве в 1917 г. Его воспоминания, подкрепленные рядом документальных данных, дают большой фактический материал по истории возникновения Красной гвардии и ее борьбы в октябрьские и ноябрьские дни в Москве. Однако не весь собранный т. Пече материал,—значительная часть из которого появляется в печати впервые,—может быть назван не вызывающим сомнений, бесспорным материалом. Вот почему приводимые в работе т. Пече фактические сведения, особенно те из них, которые опираются на личные воспоминания автора и опрошенных им участников, необходимо отнести целиком на ответственность т. Пече.

Отмечая значительный труд, положенный автором на выявление ряда фактических материалов, связанных с выступлением Красной гвардии, приходится констатировать известную слабость его общеполитической оценки периода восстания в Москве. По

сути темы, детальная оценка общеполитических событий, выявление роли нашей партии в Октябрьском восстании в Москве могли бы и не требоваться от автора, занятого лишь узко ограниченной задачей—дать только фактический материал о работе Красной гвардии в Октябре. Автор однако значительно расширяет задачу (да, пожалуй, со своей стороны, он и вполне прав). В своей книге он повествует не только о Красной гвардии как таковой, но и пытается дать общую оценку Октябрьского переворота в Москве.

Подходя так к проблеме, он недостаточно останавливается прежде всего на роли и значении большевистской партийной организации, а в значительной части и массового рабочего движения в рассматриваемый период, что должно было бы быть более расширено в настоящей книге.

Являясь организатором Красной гвардии, по уши ушедшим в ее подготовку, в ее боевое снабжение, автор в своих воспоминаниях недостаточно останавливается на внутренних пружинах восстания. Его политические характеристики иногда примитивны. А в оценке уклонов, шатаний и соглашательства (которых в Москве было особенно много) в нашей партийной организации в нем сквозит прежде всего практик-боец, а не историк.

В противовес колеблющимся, нерешительным, особенно зараженным интеллигентскими настроениями некоторым московским руководителям нашей организации—он выдвигает лозунг: если драться, так драться до конца, и с чрезвычайным упорством проводит его в жизнь.

Именно эта решительная политика в конце концов, как известно, и обеспечила в Москве победу.

Несомненно, положение и в ВРК и в МК было более сложным, чем представляется это т. Пече. Если он всегда и всюду видит лишь две стороны: сторонников социалистической коалиции и ее противников,—на самом деле кроме этих двух, основных тогда, группировок были еще и промежуточные, представлявшие собой своеобразный «центр», выступавший далеко не всегда решительно и лишь в конце концов вынужденный логикой борьбы, и считаясь с настроениями низов, занять более определенную позицию.

Несмотря на все вышеотмеченные недостатки в работе т. Пече и его, так сказать, «упрощение» событий,—его оценка общего положения в Москве является более или менее приемлемой.

Интересно с этой точки зрения сопоставить его характеристики с материалами, имеющимися в распоряжении Истпарта.

К числу этого рода материалов в первую очередь надлежит отнести протоколы Московского областного комитета и МК. Согласно докладу т. В. Н. Яковлевой о деятельности Военно-революционного комитета в Москве (доклад этот сделан был на заседании Московского областного бюро нашей партии 9 ноября [1] 1917 г.), сделанному под свежим впечатлением апрельско-ноябрьских событий и записанному самим докладчиком (т. Яковлева состояла секретарем Областного бюро), мы имеем следующую характерную картину развития событий.

В дни 26 и 27 октября, когда в рядах обеих враждующих сторон происходила мобилизация сил, в эти дни «между партийным центром и большевистской частью Военно-революционного комитета происходила,—по сообщению т. Яковлевой,—все время упорная борьба». Сущность этой «борьбы» характеризуется в докладе такими словами: «Партийный центр стоял за решительные действия, Военно-революционный комитет стремился оттянуть момент решительных действий, рассчитывая и надеясь, что можно обойтись и без них». Отсюда можно было бы заключить, что так называемый центр, т. е. орган, выделенный Областным бюро МК и Окружным комитетом для руководящей работы, не имел в своем составе колеблющихся товарищей. В докладе и этот вопрос разъясняется. Там говорят, что «в решительные моменты и партийный центр раскалывался, и часть его переходила на сторону нерешительных». Касаясь характеристики сторонников коалиции, доклад формулирует их аргументы таким образом: «У нас мало сил; мы не знаем на кого опереться; нам нужна передышка для организации сил». Одним словом—аргументы, почти в точности копирующие зиновьевские и каменевские из их «знаменитого» заявления в ЦК против восстания в Питере.

Сторонники этой тактической линии и настаивали на переговорах с Рябцевым, когда обстановка требовала решительных действий, когда ведение переговоров «предопределяло затяжной характер Октябрьской борьбы».

Такие мероприятия, как вызов в распоряжение совета хотя бы одного идущего за большевиками полка для выполнения всех, вызываемых боевой обстановкой, заданий, встречали решительные возражения и отвергались. Даже вопрос о закрытии в боевые

---

[1] Здесь, как во всей книге, даты приводятся по старому стилю.

дни буржуазных газет вызвал, по сообщению т. Яковлевой, в Военно-революционном комитете «большие трения»!

Приведенные нами выдержки подтверждают наличие соглашательской тенденции в действиях значительной части верхушки работников Москвы, что подчеркивает и т. Пече.

Повторяем, период московских октябрьских боев еще требует написания детальной исторической монографии. Вопрос не исследован. Работа т. Пече дает в общем богатый и в известной части совершенно новый материал, хотя и требующий еще соответствующей проверки и проработки, а возможно—и ряда поправок. Выпуская эту книгу, Истпарт рассчитывал, что она вызовет дальнейшие отклики для освещения одной и интереснейшей страницы нашей партийной истории и Октябрьского переворота 1917 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая брошюра имеет целью осветить основные моменты организации Красной гвардии в Москве и ее борьбы за диктатуру пролетариата.

Вокруг Красной гвардии как вооруженной силы рабочего класса, как одного из инструментов в руках ленинской партии для захвата власти,—было много споров, колебаний и ожесточенной борьбы накануне и в октябре 1917 г. В этом отношении особенно отличалась обстановка в Москве, где против ленинской линии выступали объединенным фронтом идеологи социалистической коалиции из правого крыла большевиков—с одной стороны, и троцкистов того времени в лице т. Муралова и прочих—с другой.

Кроме того, немаловажную услугу этим двум явно оппортунистическим течениям оказывала буферная группа большевиков, шатавшихся между решительной тактикой ленинизма и антиленинской тактикой тогдашней оппозиции.

Составленная мною брошюра не претендует на полный охват всех вопросов организации и борьбы Красной гвардии в Москве. Ее целью было осветить и доказать, что только идя по пути т. Ленина и его партии, что только, благодаря большинству выдержанных и стойких членов ленинской партии, твердо веривших в силы революции, тесно сплоченных между собой и связанных с широкими массами рабочего класса и трудового крестьянства, нам удалось справиться не только со всей буржуазной сворой, но и осуществить Октябрьский переворот через голову соглашателей всех разновидностей.

Я. Пече.

22/X 1927 г.

I. ОРГАНИЗАЦИЯ КРАСНОЙ ГВАРДИИ И ВООРУЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

1. ПЕРВЫЕ РЕШЕНИЯ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ О КРАСНОЙ ГВАРДИИ.

В большевистской партии, несмотря на колебания отдельных руководящих работников (например, т. Каменева), уже вначале Февральской революции, еще до приезда т. Ленина, ставился вопрос о воссоздании боевой организации нашей партии.

Так, например, на совещании в МК в конце марта месяца был поставлен вопрос о боевой организации нашей партии с учетом боевого опыта 1905 г. На этом совещании присутствовали товарищи: Штернберг, Варенцова, Мария Петрова, Маленьков, Добрынин, Лидак, Переверзев, Зимин, Юревич, Стрелков, Пан, я и другие (почти все участники борьбы 1905 г.). Здесь обсуждался также вопрос о названии рабочих вооруженных отрядов. Было предложено несколько названий: «Боевые дружины», «Народная милиция» и «Красная гвардия». Было принято последнее название. Решили организовать Красную гвардию в первую очередь на заводах Москвы и в важнейших стратегических пунктах провинции главным образом на оружейных заводах и складах.

После этого мы приступили к учету всех боевиков 1905 г. В нашей среде были некоторые участники Лондонского съезда, на котором, по предложению т. Ленина, прошло постановление о временной ликвидации боевых организаций. Теперь мы с радостью вспомнили слова товарища Ленина: «Спрячьте свое оружие, оно вам пригодится». Мы брали на учет это оружие из «архива» вместе с оружием, приобретенным во время Февральской революции, и усиленно готовились к новым решительным боям с буржуазией.

Приезд т. Ленина и особенно его тезисы значительно способствовали усилению нашей работы, получившей большевистскую теоретическую основу.

Вначале Красная гвардия организовалась из партийных товарищей, составивших ее кадр. В дальнейшем мы начали привлекать в ряды Красной гвардии сочувствующих рабочих и солдат.

При развертывании работы у нас, работников Красной гвардии, была частная беседа с т. Бухариным, который знал принципиальную установку т. Ленина по этому вопросу. Через тт. Бухарина, Дзержинского и Ольминского т. Ленин выяснял, какими боевыми силами располагает московская организация, и назначал ответственных лиц для учета всех большевиков, знакомых с боевой работой партии, и главным образом активистов революции 1905 г.

М. С. Ольминский.

Старые боевики 1905 г., только что вернувшиеся из ссылки, на собрании ответственных работников и актива Московского и районных комитетов во время первого обсуждения тезисов т. Ленина горячо выступали в защиту его тезисов, вызвавших большие разногласия в МК и среди членов нашей фракции президиума и Исполкома Моссовета.

Большинство оказалось на стороне тезисов т. Ленина, а вопрос о создании Красной гвардии был поставлен на заседании Московского комитета партии большевиков 14 апреля 1917 г., под председательством т. Ольминского. Вот выдержка из протокола этого заседания, являющегося основой организации Красной гвардии.

«Присутствуют с правом решающего голоса тт. Берзин, Голенко, Самойлов, Ангарский, Зубков, Аросев, Мих. Конст., Игнатов.

С правом совещательного голоса: Усагин, Рыков, Попов, Сокольников, Сибиряк, Ильин, Антон, Дзержинский, Боголепов и Овсянников [1].

Председательствует т. Ольминский.

Порядок дня: 1) Милиция, Красная гвардия и боевые дружины.

---

1 Следует отметить, что т-щи, пришедшие с опозданием не были зарегистрированы, напр., тт. Штернберг, Знаменский и др.

Милиция.

Тов. Штернберг. Комитет общественных организаций реорганизует милицию, которая должна будет представлять из себя нечто вроде «Красной гвардии». Это должно быть кадром народных войск. Надо, чтобы партия имела туда доступ и дала возможность попасть и другим товарищам. Вношу следующие предложения:

1. Вступать товарищам в «Красную гвардию».

2. Через СРД обратиться в К[омитет] о[бщественных] о[рганизаций] с предложением, чтобы предпочтение отдавалось если не членам партии, то рабочим.

3. Необходимо учредить заводские дружины, которые явились бы охранителями завода. Таким обр. фабриканты должны были бы приобретать оружие.

4. Организовать партийные дружины или стрелковые общества и принять все меры для приобретения оружия.

Тов. Голенко. Людей легко добыть, если понадобится; трудно найти оружие.

Тов. Штернберг. Часть оружия будет в руках товарищей, если они войдут в «Красную гвардию».

Тов. Знаменский. В основание «Красной гвардии» должны войти партийные дружины, а в милицию входить незачем.

Тов. Штернберг. Оружие не будет в наших руках, если мы не пойдем туда. Вступив в «Красную гвардию», мы приобретаем в руки оружие, пролетариат может стать ее ядром и при желании забрать все в свои руки.

Тов. Сибиряк. «Красная гвардия» пусть существует сама по себе, а мы должны организовать свои дружины. Предприниматели не дадут нам денег, и от «Красной гвардии» мы не получим оружия или получим очень мало. В 1906 году у нас были партийные дружины, а оружие добывали.

Тов. Голенко. Фабриканты конечно не дадут денег для приобретения оружия. Купить его нельзя, остается только взять его в «Красной гвардии».

Тов. Сибиряк. В 1906—07 годах мы вывозили оружие из-за границы. Теперь сделать это легче, были бы только деньги. А для этого надо распространять идею партийных дружин, энергично приняться за дело, иметь своих руководителей. Я только что из Богородска, там рабочие с удовольствием дают деньги на что нужно и на оружие.

Тов. Штернберг. Оружие можно привезти из Японии или из Америки.

Тов. Ангарский. К-т О. О-ций[1] решил организовать «Красную гвардию», но оружия, видимо, у них не будет доставать на всех, пользоваться им придется поочереди и храниться оно будет у лиц, которым будут доверять.

Тов. Сибиряк. Руководство будет в руках буржуазии, оружия она не даст или даст очень мало. Чтобы не разбрасываться и не разбивать наши силы, надо целиком заняться созданием своих, партийных дружин.

Тов. Ангарский. Нужно то и другое. Надо организовать свои дружины, но неразумно не входить в «Красную гвардию».

Ставятся на голосование все предложения т. Штернберга и принимаются большинством всех, кроме одного». [2]

---

[1] Общественных организаций.

[2] Из Музея революции.

Здесь же выбирается руководящая комиссия по восстановлению работы военной организации и Красной гвардии. В состав этой комиссии выдвигаются тт. Дзержинский, Обух, Смирнов и другие. Фактически же остался работать в комиссии только т. Дзержинский, и она была пополнена тт. Штернбергом и Пече.

На этом заседании Московского комитета, как видно из приведеного протокола, присутствовал актив бывших боевых руководителей 1905 г. Это товарищи—Штернберг, Маленьков, Усиевич, Петрова, Добрынин, Пан, Стрелков, Переверзев, я и другие, до этого находившиеся в разных концах России и теперь сгруппировавшиеся в Москве.

Инициативная группа Красной гвардии связалась с этими товарищами и приступила к организации по районам Москвы нелегальных штабов Красной гвардии. На некоторых заводах рабочие уже имели свои дружины (завод Михельсона, авиозавод «Мотор», Телефонный завод, завод Военно-промышленного комитета, «Проводник» и др.), состоявшие из кадра боевиков 1905 г.

Таким путем началась фактическая организация боевой силы Красной гвардии.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО И РАЙОННЫХ ШТАБОВ КРАСНОЙ ГВАРДИИ В МОСКВЕ.

2 мая 1917 г. МК вынес официальное постановление о снятии меня с работы на заводе и т. Штернберга с работы в университете. Нам поручалось организовать Красную гвардию по всей Москве и вести техническую подготовку к восстанию. Сначала мы образовали по районам тройки и пятерки. Эти районные штабы посылали по одному представителю в центральный штаб Красной гвардии. Таким образом была установлена непосредственная связь центра с районными штабами.

На основании сохранившихся у меня списков и частично письменных проверенных воспоминаний красногвардейцев были организованы следующие районные штабы:

Замоскворецкий районный штаб. Организатор с марта и начала апреля, а потом начальник Красной гвардии—Пече, начальник штаба—т. Добрынин, помощник начальника штаба—т. Брун, инспектор по обучению—т. Козелев. В районный штаб также входили тт. Ротшильд, Витковский, Наталовский и Файдыш.

Активные работники Красной гвардии: тт. Фельдман (комиссар от центра), Пан, Козлов, Стрелков, Уваров, Козелев (с завода Бромлей), Сычев, Озе-

ров, Борисов, Мышкин, Любанов, Семенов, Прокопенко, Эпштейн, Алсинь, Ратежин (председатель совета), Аратунянц, Бугров, Обгаров, Карпов, Хрустин, Алкснис, Ткаченко, Викман, Шиллерт. В июне районная пятерка Красной гвардии состояла из тт. Пан, Пече, Сычева, Фельдмана и Добрынина.

Пресненский районный штаб. Подпольные работники Красной гвардии: т. Меркулов—руководитель Красной гвардии с марта 1917 г., т. Слесарев—организатор на Прохоровке, т. Жаров—заведующий оружием, тт. Ше-

П. К. Штернберг.

ногин и Кимборт—организаторы на заводе Тильманса, т. Андрианов—на заводе «Свет и лампа», тт. Васильева, Волгина и Найсин—активные работники по организации.

Штаб состоял из т. Слесарева—начальника штаба, т. Шеногина—заведующего оперативной частью.

Городской районный штаб. Начальник Красной гвардии—т. Петров, начальник штаба—т. Морозов, члены штаба ВРК: тт. Скрамс, Петров, Филлер, О. А. Варенцова, Пилацкая и др.

Благушинско-Лефортовский районный штаб. Члены районного штаба Красной гвардии: тт. Гофман, Васильев, Титов, Берклау, Лебедев, Мануковский, Макаревич, Муравьев, Знаменский, Переверзов, Петров.

Военный штаб на заводе Мастяжарт. Тт. Наседкин, Демидов, Переверзов, Стефановский, Шитов, Масленников, Есин, Елохин и Буланов. Представителем от «семерки» и ВРК в октябре был т. Пече.

Рогожско-Симоновский районный штаб. Начальник штаба—т. Моисеев; организаторы Красной гвардии: тт. Шведов, Антонов, Горячкин, Климов; активные работники: тт. Калнин, Бредис, Самойлов, Свободин, Иевлев, Баулич; в октябрьские дни: тт. Лидак, Гончаров и Алешин.

Бутырский районный штаб. Начальник Красной гвардии в марте вплоть до октября и член районного ВРК в октябре—т. Квесис.

Подпольный организатор Красной гвардии на заводе «Дукс» и начальник отряда Красной гвардии в октябрьские дни и после на фронтах—т. Качалин, член штаба—т. Григорьев.

Дорогомиловский районный штаб. Штаб состоял из тт. Федосова, Панова и Панченко. Активные работники (по воспоминаниям): тт. Л. Файслер, Саруль, Горбинов, Петушков, Карпов, Салатанов.

Хамовнический районный штаб. Организаторы подпольной Красной гвардии в районе: тт. Юревич и Вятич. Активные работники (по воспоминаниям): тт. Ангарский, Иванов В. И., Ставрович, Миткевич, Савельев, Саврасов, Розанова, Дрожжин, Савин, Речиков, Кржишталович, Шелехес, Ярема, Панов, Феслер, Попова, Климова, Телешов, Соловьев З. С., Фонченко, Касперович, Лысов.

Сокольнический районный штаб. Начальник Красной гвардии—т. Сиамук, помощники начальника: тт. Алферов, Маленков, Пичугин (левый эсер), Кох.

После июльских дней штаб образовался в составе трех лиц: тт. Маленкова[1], Максимова и Журавлева. Инструкторами Красной гвардии в районе были: тт. Медведь Ф. Д., Мессинг, Филиппов, Чистяков, Пресняков, Митрофанов, Кунина.

Русаковский трамвайный парк. Организаторами Красной гвардии были: тт. Бакин, Панкин, Жикин и Филиппов.

Богородский подрайон. Начальник Красной гвардии—т. Рязанцев, начальник сотни—т. Мануйлов, начальники сотни—тт. Герасимов и Силаев А. П.

Мызо-Раевский огнесклад. В августе была создана боевая пятерка из тт. Волкова, Черняцкого, Нефедова и еще двух товарищей.

Железнодорожный районный штаб. Руководители Красной гвардии с апреля, тт. Сентябов, Пятницкий, Зимин. Штаб Красной гвардии состоял из тт. Зимина, начальника штаба Красной гвардии Гусева и члена штаба Черняк.

Ответственные руководители на дорогах. Тов. Попов на Московско-Казанской жел. дор., т. Смирнов—Московск. перевоз. мастерские, тт. Плющев и Резаков—на ст. Перово, тт. Уткин и Кабанов—на ст. Сортировочная, тт. Орощенко и Зотов—Москва первая Каз. жел. дор., т. Панферов—

---

[1] Маленков с самого основания был фактически руководителем Красной гвардии Сокольнического района, но в то время, когда он был представителем Сокольнического совета, его замещали другие.

Москва вторая, тт. Чистов и Котлин—ст. Люблино, т. Сентябов—Москва, Нижегородская жел. дор., т. Воропаев—Рязано-Уральская жел. дор., т. Ларионов—ст. Бирюлево, т. Парфенов—Северная жел. дор., тт. Ежак, Захаров, Чернышев, Рябинин, Обладуев, Калинин—ст. Лосиностровская и Мызо-Раевский район, тт. Прохоров и Бочаров—на Октябрьской жел. дор., тт. Панов, Ерофеев и Горбунов—Брянский вокзал, тт. Кураев, Лопотко-Романов, Егоров—Александровская жел. дор., т. Сиротин—Виндавский вокзал. Пятерка и депо сортировочная: тт. Бураков, Кабанов, Смирнов И., Опухтин, Наперстков.

По Подольску (из воспоминаний т. Эвальда). Весною 1917 г. т. Эвальдом был организован штаб Красной гвардии из тт. А. Бергмана, Мезис и

Тов. Ведерников предст. от нашей фракции Моссовета.

Добрынин.

Рейнсон. Активными работниками были тт. Колпин, Гедеман, Гайзель, Аузинь, Авенек, Эвальд, Калнин и Мурзов.

Дмитровский уезд (воспоминания т. Минина).

Начальником отряда Красной гвардии был т. Соболев, прибывший из Яхромской фабрики.

Центральный штаб Красной гвардии состоял из тт.: Штернберг (от МК центра), Пече (от центра и Замоскворечья), Добрынин (от Замоскворечья), Зимин (от железнодорожников), Маленьков (от Сокольнического района), Юревич (от Хамовнического района), Квесис (от Бутырского района), Усиевич (от Городского района и от большевистской фракции Моссовета), Петрова (от Городского района), Осипов, Демидов (от Лефортовского района), Бредис и Калнин (от Рогожско-Симоновского района), Захаров и

Лидак (от Симоновского района), Климатов (от штаба Пресненского района), Меркулов (от Пресненского района), Волков (от Пресненского района), Ведерников (от большевистской фракции Моссовета), Берзин, Малиновский и Варенцова (от Военного бюро МК). Из числа этих товарищей была выбрана руководящая центральная пятерка в составе тт. Штернберга, Пече, Зимина, Ведерникова и Добрынина.

После официального оформления штабов Красной гвардии началась оживленная работа по районам и заводам Москвы. На местах инспектировали заводских руководителей, разбивая их с самого начала для конспирации по десяткам. Читали доклады для районных и заводских руководителей об инспектировании и порядке организации, о действиях Красной гвардии в районах. Обращали главное внимание на организацию массового движения.

Таким образом, оформившись с организационной стороны, мы приступили к массовой работе по подготовке рабочего класса к предстоящим решительным боям с буржуазией за власть советов, за диктатуру пролетариата.

3. КАК ВООРУЖАЛАСЬ И ОБУЧАЛАСЬ КРАСНАЯ ГВАРДИЯ.

В 1917 г., до октябрьских дней, Москва не видала серьезной революционной уличной борьбы. Февральскую революцию вынес на своих плечах Петербург. В Москве не было в эти дни серьезной массовой борьбы, за исключением небольших стычек при демонстрациях и при разоружении полиции, снабженной оружием «по последнему слову техники». Наши организаторы боевых сил рабочего класса уже тогда учли момент и агитировали среди рабочих за самовооружение. Когда открыли тюрьмы и обезоружили тюремных надзирателей, их оружие пошло также на вооружение рабочих. Рабочий класс накапливал оружие, хотя еще недостаточно организованным путем. В то же время политзаключенные, освобожденные из тюрем, спешили нам на помощь. Из Бутырок приехал, например, осужденный на каторгу т. Дзержинский. Большевики таким образом получали подкрепление—прибывали новые организаторские и боевые силы. Освобожденные из тюрьмы товарищи становились на привычную свою большевистскую организаторскую работу. Этот приток организаторских сил был очень важен, так как московские рабочие имели по заводам лишь единичные, не связанные между собой группы участников восстания 1905 г. Правда, во время империалистической войны в Москву и ее область были эвакуированы многие за-

воды из Латвии и Польши с большим кадром революционных рабочих и большевиков, организованных в особые большевистские группы, но недостаточно связанные с остальными большевиками города Москвы. Боевые организационные группы образовались и существовали вначале только на крупнейших заводах.

Когда организованное буржуазией и социал-соглашателями Временное правительство увидело, что рабочие вооружаются за счет полиции, оно издало приказ о передаче собранного от полиции оружия в городскую думу. Однако, следуя указаниям партийных работников-большевиков, рабочие оружия не сдавали, а прятали у себя на заводах. Меньшевики и эсеры упорно убеждали рабочий класс Москвы в том, что не надо создавать какой-то новой военной силы рядом со старой армией, а вполне достаточно укрепить ее, привлекая солдат старой армии на сторону народа. Только большевики и немногие передовые рабочие твердо стояли на той точке зрения, что надо создавать свою армию, а старую разложить. Для этой цели большевики считали необходимым достать возможно больше оружия.

Но в этом вопросе и в нашей среде были уклоны от общей большевистской линии. Даже некоторые товарищи из Московского комитета в первые месяцы после Февральской революции считали, что вопрос о подготовке к вооруженному восстанию против Временного правительства не является актуальным, несмотря на то, что т. Ленин на Всероссийской апрельской конференции большевиков (24—29 апреля) во всей широте поставил вопрос о необходимости упорной работы для скорейшего вооружения рабочего класса и подготовки борьбы с Временным правительством за власть советов. Но сторонники «неактуальности» были в меньшинстве, и мы с ними не считались. Оружие рабочие на заводах и фабриках приобретали самыми разнообразными способами и главным образом по почину самих рабочих, фабзавкомов и партийных ячеек. Так, ячейка завода Михельсона получила от меня извещение, что на складах Сибирского банка у Павелецкого вокзала находится оружие, которое меньшевики и эсеры собирались сдать Временному правительству. Ячейка, снарядив отряд, захватывает 200 револьверов и 24 ящика с патронами. Караул складов заменяется красногвардейцами, и оружие вывозится на завод. Это оружие принадлежало варшавской полиции и было эвакуировано из Варшавы во время войны. 120 винтовок, взятых в февральские дни, рабочие этого завода прячут в деревянной стене завода и под полом сцены театра.

98403

БИБЛИОТЕКА

В Лефортове рабочие устраивают платные спектакли, собирая деньги в шапку, и после окончания спектакля отдают весь сбор на приобретение оружия. Рабочие завода Второва отнимают 6 винтовок у караула в Хамовнических казармах. Один завод производит отчисление своего заработка в сумме 3 000 рублей на нужды МК и на покупку оружия. Многие рабочие во всех районах Москвы покупают револьверы, винтовки и даже пулеметы у солдат. Но в огромном большинстве приобретенное оружие испорчено, винтовки старых систем, револьверы самых различных марок устарелого образца, патроны не подходящие к револьверам и винтовкам. Тяга к вооружению настолько велика, что все это не смущает московских рабочих. Тем более не смущает это штабы Красной гвардии, которые в большинстве случаев руководили делом приобретения оружия и, не срывая инициативу частных начинаний, вводили все это дело в организованное русло. Активные большевики, члены Красной гвардии, установили систематическую связь с организациями, работающими в арсеналах, например, в Симоновском и других, а также с казармами, увеличив таким образом технические возможности захвата оружия в нужный момент. На железных дорогах московского узла, вскоре после Февральской революции, Викжель выдал дружинам рабочей охраны оружие из запасов гражданской милиции: паровозным мастерским—100 винтовок «Гра», первому участку тяги Курской железной дороги—30 винтовок «Ветерле» и 15 винтовок—типографии Курской железной дороги. Эта выдача оружия рабочим объясняется тем, что с изгнанием железнодорожных жандармов во время революции дороги остались без охраны. На некоторых станциях уже происходили погромы винных складов. Таким образом Викжель по необходимости должен был обратиться за помощью к рабочим для устройства охраны станций и железнодорожных складов. Часть оружия железнодорожные рабочие приобрели путем разоружения милиции и жандармов. Так, например, на Александровской железной дороге ячейка большевиков главных дорожных мастерских выделила трех товарищей (Кураева, Тихонова и Константинова) для разоружения городовых 2-го Пресненского участка. Эти товарищи захватили 12 браунингов.

Первые опыты по самовооружению в дальнейшем превратились в один из основных методов рабочего вооружения. Рабочие завода Второва в лице красногвардейцев под командой т. Страхова в июле месяце обезоружили 1-й и 2-й участки милиции

Хамовнического района и отобрали 4 берданки и 14 патронов. В Орехово-Зуеве имел место такой случай. Партийный комитет пригласил офицеров на спектакль, угостил их и ухитрился получить у командира 21-го полка, стоявшего в Покрове, распоряжение на отпуск 300 винтовок и 61 000 патрон. Пока офицеры смотрели спектакль, оружие на грузовиках прибыло в Орехово.

Центральный и районный штабы Красной гвардии совместно с комитетами заводов Второва и Михельсона поддерживали тесную связь с полковыми комитетами 55-го, 193-го и других полков. По их ордерам мы приобретали оружие из полковых цейхгаузов. Но все-таки оружия у нас было недостаточно, хотя малое количество оружия не смущало рабочих и их организаторов-большевиков. Рабочие говорили: «Начнется борьба—оружие найдется». Кстати необходимо отметить, что благодаря работе нашего оперативного штаба, были подготовлены планы захвата оружия, и мы в любой момент могли захватить оружие с оружейных заводов Тульского, Владимирского, Кунцевского, Мызо-Раевского, Симоновского и других менее крупных складов. Для подготовки Октябрьского восстания оружие постепенно бралось оттуда, а также и от воинских частей, и пряталось по заводам. Тактикой центрального штаба Красной гвардии в то время было—организовать и сосредоточить в руках рабочих при заводах Москвы как можно больше маленьких арсеналов вооружения.

В Замоскворецком районе мы с т. Штернбергом создали пункт выделки ручных гранат. Завод Михельсона, «Мотор» и Телефонный завод служили нам местом изготовления разных частей ручных гранат. Кроме того, районы проявляли также самостоятельную инициативу. Так, например, т. Фельдман в своих воспоминаниях говорит следующее:

«Невольно возникла мысль: если нет винтовок, если их трудно достать, то нельзя ли вооружить рабочих гранатами и бомбами, приготовление которых не представляло большого труда? Среди нас были старые боевики-поляки, которые разработали план нападения на стоявшие невдалеке юнкерские школы, пользуясь только бомбами и гранатами. Оболочки на заводе приготовить было нетрудно, но достать взрывчатые вещества было нелегко. Немедленно завязали сношения с заводом Второва, где происходила работа по снаряжению гранат. И вот темной ночью, условившись предварительно со второвскими рабочими, небольшая группа подошла ко второвскому заводу. Подали условный

сигнал, и над забором показался один ящик, потом другой, которые мы осторожно сняли и увезли к себе».

Далее т. Фельдман следующим образом описывает подготовительную военно-боевую работу:

«Военно-техническое бюро при Центральном штабе работало в конспиративных условиях. Как всегда бывает, мы думали, что ведем эту работу только одни. Мы негодовали на бездеятельность наших партийных центров, не предполагая, что и там ведется такая же работа в московском масштабе. Потом оказалось, что Московский комитет выбрал техническое бюро, задачей которого было вооружение рабочих. Узнав об этом, мы немедленно принялись разыскивать это бюро. И в один из первых дней октября[1] является на завод т. Пече и вызывает меня. Оказывается, он-то и является представителем этого военно-технического бюро. Немедленно мы условились с ним о дне и часе совещания, которое должно выработать план приготовления ручных гранат в большом количестве и снабжения ими московских рабочих.

Совещание состоялось через день, на моей квартире. В небольшой комнатке собралось нас человек пять: тт. Пече, Л., Пан, Николай и я. Совещание длилось недолго. Мы рассмотрели принесенные формы ручных гранат и бомб и выбрали из них две или три, наиболее легко приготовляемые. Тут же условились о цене, о месте, где будет сосредоточена выработка и склад.

Мы решили устроить центр в нашем заводском клубе. Кроме того, было решено организовать такой же, только районный центр в Хамовниках, и эту работу взял на себя т. Л.

После совещания мы немедленно принялись за работу. Тов. Пан был отправлен на пороховой завод во Владимирскую губернию за пироксилином, мы же занялись приготовлением оболочек. В модельной мастерской были сделаны модели гранат, необходимые для отливки. Но самая отливка вызвала неожиданные трудности. Ее надо было производить так, чтобы она не была обнаружена ни мастером, ни инженером. Литье же их в большом количестве, несомненно, было бы обнаружено.

Это препятствие поставило было нас совершенно втупик, и мы уже начали приходить в отчаяние. Но выручил один из товарищей-литейщиков, являвшийся впоследствии самым активным работником по литью оболочек. Он предложил приготовлять

---

[1] Здесь т. Фельдман ошибается,—это было гораздо раньше, т. е. в конце июля или вначале августа 1917 г. *Я. П.*

в каждую смену не более 20 штук, формовку которых он брался разместить так, чтобы ее не заметило заводское начальство. Он сейчас же, не жалея себя, принялся за работу.

Проба состоялась через несколько дней и дала вполне удовлетворительные результаты.

Работа после этого продолжалась еще интенсивнее, и до двадцатых чисел октября было приготовлено 3 000 гранат [1]».

Так подготовлялась работа на местах. В связи с этой работой из кунцевского пиротехнического завода пишущий эти строки получил через одного члена нашего оперативного штаба, руководившего технической подготовкой восстания, довольно большое количество капсюлей, оболочек, ручных гранат и некоторое количество пироксилиновых шашек. Часть этого материала я передал Замоскворецкому району. Замоскворецкая база в составе тт. Стрелкова, Пана и Фельдмана при общем содействии тт. Шиллерта, Добрынина и при технической консультации т. Гопиуса работала весьма энергично. Испытания новых бомб производились за Даниловской заставой в ямах и дали хорошие результаты. Наполовину было приготовлено около 3 000 ручных гранат, но совсем готовых было немного более 600.

Такое большое количество изготовленных гранат объяснялось тем, что после июльских дней подъем революционного настроения был настолько силен, что рабочие на митингах по всей Москве открыто требовали массового вооружения.

После июльских и особенно корниловских дней, когда Московский гарнизон, ранее шедший на поводу у кадетов, эсеров и меньшевиков, вышел из своего инертного положения и повернулся к большевикам,—доступ, хотя и нелегальный, нашим представителям в казармы был открыт. Этим увеличилась возможность получения ручных гранат, патронов и другого вооружения от революционных солдат, благодаря чему собственное изготовление гранат можно было уменьшить. Работа по изготовлению ручных гранат в связи с этим перешла на второй план. Мы занялись обучением Красной гвардии.

Для обучения отрядов Красной гвардии служило нам оружие, спрятанное на заводах (Михельсона—135 винтовок, «Мотор», 20 винтовок, Тильмапса—40 винтовок, «Каучук»—2 пулемета и несколько бомбометов и несколько десятков револьверов).

---

[1] Из книги «Москва в Октябре 1917 г.», изд. Отд. печати Моссовета, 1919 г. стр. 114—118.

Замоскворечье, Городской, Лефортовский и Хамовнический районы, под руководством наших подпольных штабов, приступили к полулегальному обучению Красной гвардии военному делу.

Комиссары Керенского были в ужасе. И вот по приказу начальника милиции, меньшевика Никитина, были произведены налеты-обыски в Городском районе в то время, когда под руководством тт. Петрова и Усиевича происходили массовые обучения Красной гвардии военному делу. Но, к счастью, большинство оружия успели спрятать, так как в дверях стояли часовые, которые успели предупредить товарищей и временно задержать облаву Никитина. Большинство винтовок было спрятано в специально сделанных хранилищах. В Замоскворечьи был сделан налет на столовую студентов Коммерческого института, где мы с т. Добрыниным производили обучение районных организаторов. Несколько винтовок они успели забрать, но большую часть мы спрятали в общежитии студентов.

Никитин со своей шайкой сделал больше всего налетов на красногвардейские штабы, а не по заводам, где в большинстве случаев Красная гвардия проводила свое обучение, поэтому пришлось усилить бдительность при штабах Красной гвардии, где члены штабов инструктировали заводских инструкторов, где обсуждались стратегические и тактические вопросы в связи с получением оружия и куда часто поступали информационные сведения о количестве оружия.

Принятые буржуазией и социал-соглашателями репрессивные меры против Красной гвардии конечно не могли остановить нашу работу, а являлись лишь еще большим доказательством необходимости вооружения рабочего класса, еще более усиленной подготовки к захвату власти. Благодаря налетам Никитина, мы должны были еще больше законспирировать подпольную работу, но зато эта работа у нас значительно усилилась.

Во время корниловских дней Красная гвардия усилила работу по военно-технической подготовке восстания. Через некоторых товарищей Хамовнического комитета я установил связь с химиками и пиротехниками завода Второва. Через них мы получали пироксилин, динамит и тритол. От солдат, находившихся в Хамовнических казармах, я получил некоторое количество оружия и несколько пулеметов, ручных гранат, винтовок и т. п.

После получения пироксилина был произведен некоторый учет саперных подрывников в Хамовническом районе. Эти товарищи-подрывники накануне восстания были использованы для

подготовки взрывов на железных дорогах и мостах, чтобы не допустить в город враждебные революции войска. Была также установлена связь с саперами, которые были инструкторами при наших лабораториях по изготовлению ручных гранат. Кроме наших инструкторов, боевиков 1905 г., как инструктора по обучению Красной гвардии были использованы сочувствующие нам унтер-офицеры, прапорщики и т. п. Вместе с тем Красная гвардия среди сочувствующих нам солдат вела большую политическую работу, а солдаты снабжали нас патронами, иногда винтовками и бомбами и вели с нами стрелковые занятия. Основной целью, к которой мы стремились и которой достигли, было—парализовать натравливание Временным правительством солдат против Красной гвардии.

Чем ближе к Октябрю, тем больше вооружение рабочих принимало массовый характер. Но требования о вооружении были настолько велики, что удовлетворить всех рабочих не представлялось возможным. Особенное значение имело для нас занятие огнескладов и арсеналов. Мы направляли туда наших испытанных товарищей, чтобы вести подготовительную работу для захвата этих складов и оружия.

Огромным увеличением наших вооруженных кадров явилось присоединение к нам Мастерских тяжелой артиллерии в Лефортове и освобождение из тюрьмы накануне Октябрьского восстания около 670 человек «двинцев», арестованных Керенским.

«Двинцы» по своему составу были главным образом рабочие, со значительным процентом членов нашей партии. «Двинцы» были освобождены по требованию Московского комитета нашей партии, актива Красной гвардии и Военного бюро МК.

Влившиеся к нам изнуренные в тюрьмах 670 человек «двинцев» были распределены по заводам и под руководством штабов Красной гвардии энергично повели работу не только как инструктора, но в значительной степени и как политические пропагандисты. Они внесли новую революционную струю в солдатские массы довольно отсталого в политическом отношении московского гарнизона и сыграли очень большую роль в спайке Красной гвардии с войсковыми частями. Накануне Октябрьского восстания «двинцы» составляли в рядах Красной гвардии солидную часть руководящего кадра. Они дали первый бой юнкерам на Красной площади.

Наша работа в Красной гвардии была конечно связана с работой Военного бюро при Московском комитете большевиков.

Связь с Военным бюро у нас установилась в июне 1917 г., когда Военное бюро выделило в Центральный штаб Красной гвардии тт. Оскара Берзина и Малиновского. Через Военное бюро мы по районам Москвы и в центре держали связь с большевиками, находившимися в войсковых частях, получая таким путем оружие и организационно связывая Красную гвардию с армией.

Военное бюро МК в деле вооружения и военного обучения рабочих масс почти никакой роли не сыграло. Вся эта работа была проведена почти исключительно силами штабов Красной гвардии и происходила под руководством и ответственностью тех членов Московского комитета, которые входили в состав Центрального штаба.

Поскольку в МК не было единого мнения относительно подготовки рабочих масс к вооруженному захвату власти, нам приходилось обходить некоторых наших товарищей и нередко слышать от них резкие упреки по поводу такого вооружения рабочих «подпольным» путем. Однако большинство МК было с нами, и мы всю эту работу проводили под твердым руководством В. И. Ленина, неоднократно наводившего справки и проверявшего нашу работу.

II. ИЮЛЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ И КРАСНАЯ ГВАРДИЯ.

Июльская демонстрация в Москве явилась первыми маневрами, проверкой боевых сил Красной гвардии и революционных воинских частей, составлявших основной кадр демонстрации пролетариата города Москвы.

Постановление о проведении июльской демонстрации было вынесено Исполнительным бюро МК совместно с представителями штаба Красной гвардии и Военного бюро. На демонстрации особенно настаивали представители Красной гвардии районов и заводов, наблюдавшие за ростом революционного настроения рабочей массы.

На заседании МК 6-7 июля было решено, что Красная гвардия выйдет на демонстрацию со скрытым оружием, а войсковые части—вооруженные. Большинство членов МК и Центрального штаба Красной гвардии распределились по районам и энергично принялись за подготовку демонстрации. Когда она наполовину была организована, группа членов МК, выступавшая на заседании за то, чтобы отложить демонстрацию, потребовала экстренного заседания Московского комитета. Но большая часть членов МК была уже в районах, во главе отрядов Красной гвардии.

МК, собравшись в половинном составе, постановил все же отменить эту демонстрацию и немедленно отдал это распоряжение по районам [1]. Но решительное настроение районных комитетов партии взяло верх, и мы, оставшиеся члены МК и штаб Красной гвардии в районах, демонстрацию все-таки провели.

Меньшевики и эсеры во фракции Моссовета, откуда-то узнав, что в МК и особенно в большевистской фракции Московского

---

[1] В вышедшей к десятилетию Октября работе т. Ангарского—«Московский совет в двух революциях» (изд. «Моск. рабочий») этот эпизод освещается иначе, а даты демонстрации и подготовки к ней не совпадают с указанными т. Пече. *Ред.*

совета получилось расхождение по вопросу о демонстрации, повели очень энергичную агитацию против демонстрации.

Однако под влиянием питерских событий июльская демонстрация в Москве вполне назрела. На заводах уже происходили забастовки, которые охватывали все более и более широкие круги московского пролетариата. Вместе с экономическими требованиями рабочим классом Москвы был выставлен и ряд политических требований под лозунгами: «Да здравствуют советы!», «Долой десять министров капиталистов!» и др.

Московский совет, в своем большинстве состоявший из эсеров и меньшевиков, был на стороне Временного правительства и принял резолюцию против демонстрации. Приводим текст этой социал-предательской резолюции.

«Исполнительные Комитеты Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, обсудив на совместном заседании положение, создавшееся в связи с призывом в Петрограде (со стороны одной социалистической фракции) к демонстрации, направленной против Временного Правительства, принимая во внимание, что Всероссийский Съезд С. Р. и С. Д. постановил оказывать Временному правительству, пока в нем останутся социалисты, полное доверие и деятельную поддержку, и присоединяясь к воззванию Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, обращаемся к товарищам рабочим и солдатам с призывом воздержаться от всяких сепаратных выступлений, способных лишь дезорганизовать силы революционной демократии и тем повредить делу революции.

В нужный момент, когда потребуется выступить на борьбу с действительными контрреволюционными попытками господствующих классов, Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, орган революционного действия пролетариата и революционной армии Москвы, стоящий на страже их интересов, призовет товарищей рабочих и солдат дружно и организованно, в согласии с Всероссийским Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов выступить на защиту завоеваний революции» [1].

Несмотря на противодействие буржуазии, эсеров и меньшевиков, несмотря на попытки срыва демонстрации со стороны склонного к оппортунизму меньшинства МК,—на демонстрацию в Москве вышло все-таки 13 районов—50-60 тысяч человек, но не успевших соединиться в общее шествие.

Каждому району пришлось самостоятельно пробиваться сквозь ряды организованных контрреволюционных сил, во главе с меньшевиками и эсерами, превышающих наши силы в два-три раза, а местами в пять раз.

---

[1] Текст этот воспроизводим с копии, найденной нами в Моск. губ. архивн. бюро.

На местах, в районах к моменту формирования демонстрантов собрались под руководством эсеров и кадетов большие толпы, которые врезывались в наши ряды, стараясь агитацией и силой рассеять и сорвать демонстрацию. А когда это им не удалось, тогда они собрались на Остоженке, Воздвиженке, на Лубянской и Театральной площадях, для того чтобы преградить путь демонстрации. Их количество в это время превышало наших демонстрантов раз в пять, особенно в центре, где была мобилизована вся буржуазия.

Произошли столкновения. Многие рабочие и красногвардейцы были избиты, но они даже со сломанными древками от сорванных знамен стойко дрались во главе с большевиками, руководителями штабов Красной гвардии. Имел место и такой случай, весьма характерный для колеблющихся товарищей.

Во время разгара столкновения я был во главе Замоскворецкого района. Ко мне с Тверской прибежали трое членов МК и говорили: «Что вы здесь безобразничаете! Разве вы не знаете, что МК отменил демонстрацию?!» Они требовали от меня распоряжения, чтобы рабочие разошлись по домам. Но видя революционное настроение массы и зная мнение большинства членов МК, я им ответил довольно крепким словом.

После этой пробы сил мы вступили в новую полосу более решительной интенсивной борьбы московского пролетариата. Меньшевикам и эсерам на митингах уже не давали говорить— рабочие их стаскивали с трибун и избивали.

Июльская демонстрация явилась первым испытанием боевых сил рабочего класса. Она была маневром, закаляющим для будущей борьбы. В то же время июльская демонстрация имела и другое значение. Так как Красная гвардия организовалась в нелегальных условиях, то, выйдя на демонстрацию вооруженной, она дала понять буржуазии, что рабочий класс готов на борьбу с ней. Из нелегального положения в этот период Красная гвардия вышла, но кадры ее организаторов после этого еще тщательнее законспирировались, так как после июльской демонстрации агенты Временного правительства, эсеры и меньшевики, узнав, что в нашей среде есть разногласия, начали арестовывать более решительных большевиков. Это обстоятельство заставило нас— организаторов и руководителей Красной гвардии—значительно уменьшить внешние выступления, но зато мы усилили подпольную работу. Большой наплыв заводских рабочих в Красную гвардию после июльских дней явился результатом этой работы.

После июльской демонстрации началось еще более усиленное обучение Красной гвардии, причем это обучение мы тесно связывали с воинскими частями гарнизона. Бывали случаи, что в некоторых частях Красной гвардии не было оружия для обучения. В таких случаях солдаты приходили со своим оружием, скрывая это от своего начальства, как будто уходя для смены караула. А этот «караул» составлялся из сочувствующих товарищей-солдат, которые сначала шли на обучение Красной гвардии, а потом уже, после, меняли свой караул. Это оживление работы Красной гвардии, укрепление ее рядов и тесная спайка с революционными воинскими частями у нас создались в значительной мере только благодаря июльской демонстрации, тесно объединившей все революционные силы против контрреволюции.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА КРАСНОЙ ГВАРДИИ И РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНА ВОССТАНИЯ.

При Центральном штабе Красной гвардии в июле под руководством тт. Штернберга, Петрова, (от Городского района) и моим, был организован весьма конспиративно Оперативный штаб, который занялся изучением стратегических пунктов и составлением плана вооруженного восстания, исходя из «Тактики уличного боя» Вычегодского и боевого опыта 1905 г.

К работе оперативного штаба были привлечены специалисты военного дела тт. Гопиус, Крюков, Демидов, Переверзев, Осипов, Малиновский, Мехлис и др. Оперативная комиссия из работников Центрального штаба Красной гвардии, в которую вошли тт. Штернберг, Ведерников, Малиновский и я, собиралась издать новый, более расширенный сборник с учетом тактики уличного боя, тактики гражданской войны, военной техники и опыта восстания 1905 г. применительно к нашим условиям. Для этого уже были набросаны черновики о тактике новой гражданской войны. Но быстрое развитие событий и боевая обстановка не дали возможности довести эту работу до конца. Она послужила только материалом для инструктирования районных руководителей Красной гвардии и частично солдат старой армии. Мы успели только учесть и организовать все наличие боевых сил Красной гвардии и революционных военных частей гарнизона по распланированным районам Москвы.

Кроме того, от каждого районного штаба Красной гвардии были взяты по 3-5 представителей, которые также работали в оперативном штабе над составлением плана восстания и должны были основательно знать все стратегические пункты своего района, чтобы руководить восстанием самостоятельно на случай потери связи. Представителям штабов, организованных на оружейных заводах и складах, была поручена разработка

планов захвата оружия. Были определены и установлены места для рытья окопов и постройки баррикад. Во время Октябрьского переворота все это было проведено в жизнь главным образом под руководством товарищей, работавших в оперативном штабе.

Этот план восстания по районам и в центре знали только 3-5 человек по районам и те товарищи, которые работали в оперативном штабе над составлением планов. Знали его также и некоторые члены МК. Вообще же план оставался чрезвычайно секретным.

Разрабатывался этот план следующим образом.

В здании МК (бывш. гостиница «Дрезден») было отведено две комнаты. Все стены этих комнат были увешаны планами города Москвы и области, военными картами, добытыми из Главного топографического управления и из кабинета бывш. генерал-губернатора Москвы, с точным определением рельефа местности, с обозначением всех войсковых частей и милиционных участков (бывших полицейских), с указанием телефонной и телеграфной связи между ними. Кроме этих карт у нас были также карты окрестностей Москвы и расположения военных складов, были и карты Московского военного округа.

К картам и планам мы присоединили свои карту и план, разработанные для вооруженного восстания еще в 1905 г. План принес т. Штернберг, сохранивший его с 1905 г. в одной из астрономических обсерваторий. Карту нападения мы противопоставили картам обороны генерал-губернатора Москвы, и нам легко было ориентироваться. Таким путем мы начали по районам определять места войсковых частей противника, нейтральных чстей и частей революционно настроенных полностью или частично. Набросали проекты баррикад.

Таким образом началась более систематическая работа по изучению каждого района в отдельности под руководством тт. Штернберга, Усиевича, Малькова, Ведерникова и моим. Разработка плана, который лег позднее в основу Октябрьского восстания, шла с учетом сведений о силе и действиях наших партийных ячеек, особенно на огнескладах, в арсеналах и военно-технических лабораториях и т. д.

Мне приходится вспоминать основные пункты оперативного плана, так как, к сожалению, самый план не сохранился.

В первую голову было намечено взять почту, телеграф, телефонную станцию, Кремль и склады огнеприпасов—Симонов-

ский, Мызо-Раевский, Тульский, Владимирский и эшелоны с оружием, находящимися в Гжатске, посланные Общеармейским комитетом, как мной выяснено только теперь по документам Военно-исторического архива для наших противников. Во вторую очередь мы должны были взять школы прапорщиков, всю артиллерию, находящуюся в Москве, и особенно Мастерские тяжелой артиллерии. В этих мастерских находилось около 400 орудий, к которым нужно было только доставить снаряды, замки и панорамы, взятые контрреволюционным офицерством и намеренно спрятанные. Через наши партийные ячейки в военных частях они были найдены и взяты на учет. Снаряды были учтены в Мызо-Раевском и Симоновском арсеналах и огнескладах, а также в 1-й Артиллерийской бригаде через Военное бюро МК. В районах ненадежных частей, юнкерских и других, решено было поставить баррикады и вырыть окопы, заняв их красногвардейцами. Замоскворецкий район было решено укрепить по линии Москвы-реки, Городской—в районе Сухаревки и Лубянки; Сокольникам было дано распоряжение принять все меры к охране Мызо-Раевского арсенала-огнесклада и совместно с железнодорожным районом захватить поезд с оружием, стоявший в Гжатске.

Были взяты на учет все транспортные базы, находившиеся в различных районах (Сокольники и др.). Собирались вначале восстания направиться на оружейные заводы в Тулу и во все базы огнеприпасов—Симоновский склад, Мызо-Раевский и другие, чтобы оттуда доставить в Москву вооружение.

Таким образом план вооруженного восстания нашим оперативным штабом был вполне своевременно и достаточно полно разработан и в Октябрьские дни он послужил основой для наших боевых действий.

IV. МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ.

Следующим этапом, повлиявшим на еще большее сплочение Красной гвардии, после июльских дней было так называемое Московское совещание, на котором контрреволюционные силы,—или, как они сами себя называли, «живые силы»,—организовались и готовились к захвату власти. Для своего слета они выбрали Москву, в ней пытались они разработать план закабаления пролетариата. Но к тому времени у нас на заводах уже были сильные партийные и профсоюзные организации. Наша партия большевиков, профессиональные союзы и прочие организации революционных рабочих, объединившись в настоящие живые силы революции, решительно противопоставили себя контрреволюционным силам Московского совещания. Согласно резолюции Общегородской партийной конференции большевиков от 10 августа, в Москве была проведена кампания митингов и протестов против совещания, а в день его открытия—всеобщая забастовка. Во всем этом Красная гвардия принимала самое близкое участие. Большевистская делегация на Московском совещании, имея за собой такую внушительную поддержку московского пролетариата, огласила известную декларацию, разоблачавшую контрреволюционный характер совещания, и демонстративно покинула его.

Всеобщая забастовка в день открытия совещания охватила 410 тысяч рабочих. Эта забастовка была могучим выявлением организованности и революционной воли московского пролетариата.

Красная гвардия усилила свою работу; она улучшила охрану заводов и начала явочным порядком проводить контроль над производством, а также стала частично проводить национализацию заводов. Вплотную встал вопрос об овладении заводами, об удалении из них контрреволюционных администраторов, об управлении предприятиями.

В своей работе по разъяснению массам лозунга: «Вся власть советам» актив московской организации большевиков и актив Красной гвардии подходили к вопросу конкретно и реально. Мы проводили контроль над производством через заводские комитеты, а там, где они были в руках эсеров и меньшевиков,— через наши партийные ячейки совместно с Красной гвардией. Этот контроль выразился в том, что во всех случаях отказа фабрикантов и заводчиков в удовлетворении экономических требований рабочих заводские комитеты под руководством наших партячеек и Красной гвардии [1] проводили контроль соответствующих бухгалтерских книг, фактур и т. п., устанавливая прибыльность или убыточность предприятия.

Такие наши действия вызвали целую бурю негодований среди фабрикантов и заводчиков. Они в громадном большинстве случаев отказывались допускать наш контроль и выполнять экономические требования рабочих.

Препятствием на пути к таким нашим мероприятиям являлась охрана заводов, поставленная администрацией. Чтобы это препятствие устранить, фабзавкомы под руководством наших партячеек заменяли эту охрану сочувствующими нам рабочими. Происходило это так, что Красная гвардия при массовом участии рабочих снимала охрану администрации и расставляла свои посты. Приэтом в большинстве случаев наши посты вооружались отобранным силой или под общим давлением рабочих добровольно сданным оружием заводской охраны.

Таким образом мы осуществляли первые шаги контроля над производством. Все это происходило в чрезвычайно трудных условиях и было бы почти невозможно, если бы эсеры и меньшевики во время июльской демонстрации не так сильно скомпрометировали бы себя в глазах рабочих. Однако в некоторых местах введение контроля над производством не давало желаемых результатов, и рабочие выходками фабрикантов и заводчиков были поставлены перед необходимостью частичной национализации заводов. Приведу несколько примеров. На авиационных заводах Москвы, и в частности на заводе «Мотор», это происходило следующим образом.

Летом 1917 г. рабочие завода «Мотор» предъявили экономические требования и получили отказ от директора и правления

[1] Здесь нельзя провести резкой грани между нашими партячейками и Красной гвардией, ибо почти повсюду кадром Красной гвардии были наши партячейки, и эти два понятия на фабриках и заводах одно от другого неотделимы.

завода с мотивировкой, что комитет фабрикантов и заводчиков постановил в требованиях рабочим отказать. Между тем контроль завкома установил по книгам завода, что требования выполнимы. Тогда было созвано общее собрание рабочих, на которое рабочие пригласили всю администрацию и правление завода, поставив им вопрос ребром о выполнении требований самостоятельно, без санкции общества фабрикантов и заводчиков. Дирекция и правление завода отказались эти требования рабочих выполнить, и тогда общее собрание постановило удалить с собрания дирекцию и правление и, пригласив инженеров, мастеров и весь конторский состав итти вместе с рабочими,—постановило пустить завод и работать без дирекции и правления. Тотчас же был поставлен караул Красной гвардии у денежного шкафа, отобраны ключи от шкафа у дирекции, взяты все договоры и чертежи заказов, поставлен караул у ворот, удалены дирекция и правление, а караулу дано было распоряжение—не пускать их на завод. Одновременно с этим рабочими было выбрано новое правление завода, куда вошли высококвалифицированные рабочие и один инженер. Новое правление и рабочие приступили к работе, и в дни получки рабочие уже получали жалованье по своим новым ставкам. После этого сейчас же приехали представители всех социалистических партий, от Московского совета, от профсоюзов и представители комитета фабрикантов и заводчиков. Попросили созвать общее собрание. На собрании втечение пяти-шести часов шел диспут, в результате которого рабочие остались при своем прежнем решении. Аналогичные события происходили и на других авиационных заводах Москвы и, кроме того, на заводах Гужона, Второва и некоторых других. Такое положение на заводе «Мотор» длилось около полутора месяцев, пока наконец правление завода, комитет фабрикантов и заводчиков и комиссар труда не удовлетворили большинство требований рабочих.

Эти выступления, начавшиеся в июне и продолжавшиеся втечение всего лета и позднее, дали нам возможность проверить свои силы и основательно подготовиться к боям против Корнилова за власть советов в Октябре.

V. КОРНИЛОВСКИЕ ДНИ И КРАСНАЯ ГВАРДИЯ.

Главными и последними маневрами Красной гвардии перед Октябрем, выявившими ее окончательную роль как опоры рабочего класса в борьбе с капиталистами и соглашателями, явилось выступление Красной гвардии в корниловские дни.

В последующий период, от корниловских дней до Октября, уже окончательно обрисовалось лицо всех партий, всех течений, и каждый красногвардеец безошибочно разбирался, кто его попутчик, кто его враг и кто его руководитель в борьбе за власть пролетариата.

Тов. Ярославский приводит один из интересных фактов, характеризующих ту обстановку, которая создалась в то время вокруг Временного правительства.

«2 августа здесь в Москве было созвано совещание, на котором присутствовали Корнилов, Керенский, Алексеев, Каледин. Из 400 тысяч офицеров только 40 тысяч присягнули на верность Керенскому, а все остальные готовы были поддержать Корнилова. Когда готовился уже переворот, мы, большевики, одни только имели власть над Московским гарнизоном. Московский гарнизон шел уже под нашим руководством, и тогда-то сами эсеры, сами меньшевики, которые не пускали нас в казармы, позвали нас и попросили: «Идите в казармы и попросите, чтобы солдаты поддержали Временное правительство». Мы предложили арестовать Корнилова здесь, в Москве... Керенский колебался, он боялся арестовать Корнилова и в то же время он боялся, что Корнилов его арестует. Было два поезда. Поезд Керенского и поезд Корнилова. Они стояли на вокзале втечение двух часов. В одном сидел Керенский, в другом—Корнилов. Они боялись, что каждый друг друга арестует. И вместе с тем каждый боялся это сделать. Мы тогда чувствовали громадные силы. В нашей газете («Социал-демократ») мы раскрывали картину борьбы и говорили определенно, что мы готовились к этой Октябрьской революции»[1].

[1] Из речи, произнесенной на вечере воспоминаний 14 августа 1921 г.

После этого, как известно, генерал Корнилов организовал свое выступление.

В ответ на эту попытку контрреволюционного переворота почти на всех заводах Москвы, по инициативе нашей партии и Красной гвардии, а также новых элементов из социалистов-революционеров и меньшевиков, которые тогда пошли вместе с нами против авантюры Корнилова, мы довольно легко организовали силы для обороны Москвы.

Приводимый ниже документ характеризует нашу оборону в Замоскворецком районе. К сожалению, других документов не сохранилось.

«На 3/IX.

Требуется на дежурства для пикетов 15 чел., для обходов—6-8. (Посты, обслуживаемые Обоз. маст. не в счет.)

К а л у ж. п л.

Калуж. заст.—занята: Новиков, Вдовин, Царьков.
Данил. заст.: 1, 2, 3: Горький, Ряжский, Никифоров, 2—38—63.
Москворец. мост: 1—85—13, 1) Вдовин, 2) Юшин.
Сарат. вокзал: 1) Юркин, 2) Сальников.

С е р п. п л.

Сар. вокзал—на месте 2.
Москворец. м.—на месте 2.
Кал. застава—на месте 2.
Даниловская застава—на месте 5 3/4 часа.
Гущин Петр Вас.: Стремянный п., д. 6, кв. 5.
Зайцев Андр. Пав.: М. Татарская, д. 8, кв. 7.
Макаров Ал. Ал.: р. Островок, д. 8, кв. 15.
Биксон: Спасская заст., 2-й Сорокосвят. п., д. 7, кв. 12.
Путрин Ольга Ив.: 2-й Островский п., д. 1, кв. 11.
Сочейкин Петр Вас.: М. Дворянская, 23, кв. 2.
Даугерт Антон Н.: Спасский тупик, 12, кв. 5.
Харитонов Пав. Фед.: Дербеновская ул., д. Немочк.
Малевик Мих. Еф.: Новослободск. п., д. 8, кв. 4.
Ширко Петр Гр.: Кам.-Калуж. (Серпух.), 23, кв. 4.
Тергин Фил. Вас. 1: Кадашевск. п., д. 2, кв. 3.
Палашевский Фр. Вас.: Стремянный, 31, кв. 1.
Кузнецов Пав. Андр.: Спиридоньевский, 10, кв. 14.
Коскин Сем. Егор.: Б. Калужская, 8, кв. 4.
Ермоленко Адольф Ив.: Крымский п., 11, кв. 30.
Рогинский Ал-р Фр.: Крымский п., 3, 20.
Бирюков: Кожевники, д. 9, у Троицы, кв. 1.
250 ч. 35—89».

Этот документ, составленный в корниловские дни штабом Красной гвардии Замоскворецкого района, характеризует учет мобилизованных и приведенных в боевую готовность сил Красной

гвардии. В документе перечислены фамилии ответственных дежурных красногвардейских отрядов или штабы отдельных заводов или заводских объединений с указанием адресов. Установив такую организационную связь с местами, районный штаб Красной гвардии имел возможность в любое время вызвать отряд или дать ему боевую задачу, например, занять вокзал, послать подкрепление, разведку, выставить посты и т. д.

В связи с этим припоминаю такой случай. Из районного штаба Красной гвардии нами было направлено около 20 красногвардейцев, которые зашли к дежурным заводов «Поставщик», «Циндель» и др., взяли с собой около 200 человек красногвардейцев и заняли Павелецкий вокзал, расставив по железнодорожному пути свои пикеты. Все прибывающие поезда ими контролировались, чтобы предотвратить прибытие или отъезд контрреволюционных офицеров или частей войск. Насколько я помню, там произошло даже одно небольшое вооруженное столкновение.

Отмеченные в начале документа пикеты и обходные группы выставлялись и посылались непосредственно районным штабом, причем функции районного штаба сводились главным образом к управлению отрядами, к поддержанию связи с ними и контролю над их работой. Посты и пикеты главным образом выставлялись заводскими отрядами. Последняя строчка документа: «250 ч. 35—89», наглядно показывает, что по телефону 35—89 мы поддерживали связь с одним из заводских отрядов, численностью в 250 человек. Нужно помнить, что личный состав наших красногвардейских отрядов на 90 процентов состоял из заводских рабочих.

Таким образом как в центре города, так и, особенно, на местах (в районах и на заводах, на которые был перенесен центр тяжести всей работы нашей партии) была мобилизована и поставлена под руководство штабов Красной гвардии вся революционная масса.

Эсерствующие рабочие более чем на 90 процентов были с нами. Эсеровско-меньшевистская интеллигенция колебалась, но неожиданно для себя она вынуждена была итти вместе с нами во главе революционного движения. Она была в панике перед надвигающейся контрреволюцией и революцией и больше всего не понимала, откуда возникла и так быстро организовалась мощная Красная гвардия.

В корниловские дни мы уже были достаточно сильны. Наши организаторы и руководители, посланные в военные огнескла-

ды, успели проделать уже большую работу. Если бы в корниловские дни дошло до вооруженной борьбы, мы бы не растерялись. Немедленно было бы взято оружие из наших военных складов и распространено по заводам. Мы уже были в состоянии контрреволюционное выступление Корнилова превратить в революционное восстание против Временного правительства. Но меньшевики и эсеры струсили. Они боялись революции. Корниловщину они старались замять, ликвидировать мирным путем, но не довести до вооруженного восстания. Благодаря такой измене со стороны меньшевиков и эсеров, мы должны были свое решительное выступление несколько отсрочить, чтобы еще лучше подготовиться и вести рабочий класс в бой уже под руководством одной нашей большевистской партии.

При разработке плана обороны в корниловские дни в Центральном штабе Красной гвардии возник вопрос об использовании транспорта, взятии его научет вначале нашей деятельности. Главное внимание мы обратили на военный транспорт—автомобильные роты, стоявшие в Сокольниках, где работали, как и на огнескладах, связанные с нами товарищи-большевики.

Автотранспортные части уже к моменту корниловских дней как технически, так и политически были подготовлены на случай вооруженной борьбы и охотно отозвались на призыв Центрального штаба Красной гвардии. В корниловские дни с нашей стороны была сделана первая попытка втянуть автотранспорт в революционную боевую работу.

В подтверждение сказанного привожу текст документа об использовании нами автотранспорта в Замоскворецком районе. По другим районам в таких же размерах, с некоторыми изменениями, проводилась та же работа.

Вот полный текст сохранившегося в архиве Октябрьской революции документа.

Автомобили.

	ст.	1893 17 дош. шоферу.
61 т. Скворцов		
к Второву 11½ час.		
231 Майоров 11½ выб. д.		
1893 Макотин 11½ выб.		

Без автомобилей.

Грузовик Чернышев.
Разные Константинов.
61 Скворцов 12½ час.

12—30 Синпашко выбыл в . . . . . Франция.
Суриков
Андреев
Андрюшин
231 Майоров отб. 3 часа
61 Скворцов отб. 3 часа
Прибыли с шоферами
231 Маер
1848 Моклиновский
1948
000 Баранов — . . . Ильичев
231 Мисоров
1526 Безюн
2082 Фаншин
201 Калятов
1893 К°
470 Пустров

Полковников
Хохлов

13063 отобран ноган

Давыдов Б. Дворня, д. 34, кв. 1. П. Давыдов 2 берд. на заводе Шродер Герасимов получ. 2 берд.

Автомобили.

	Время отъезда.	Куда уехал.	Отметки о приезде.	Куда уехал.
1716		Ольцов	на ходу	Каменному мосту за ранен.
231	Когетов 24	на ходу по		8
1943	Мельников	на ходу		
97	Баранов	на ходу		
1526	Брызгин	на ходу		
1263				
2125				
1245	. . . . .	на ходу		
478				
1848				
2140	. . . . .			на Каменный мост
2140	Майоров.	Санитарный отдел		

29 октября

	Время отъезда.	Куда уехал.	Отметка о приезде.	Куда уехал.
1716				
231	автом. задерж. на Александр. уч.			
1943				
97	. . . . .	10 ут.	Коупиц . .	
1526	. . . . .		на д. мотор за бенз.	
1263				
2125				
1245				

478 грузов.	11 ч. ут.	для рытья окопов.
1848		
440		
1275 легковой	10 ут.	к вокзалу
350 груз.	3 ч. ут.	отправлен. при продов.
1255 легк. Чугунов	6 в.	Красный крест
874 легк. Кисляков	5	44 полк.
2226 » »		по городу
2026 легковой	9 ч.	55 полк комиссара.

Из приведенного документа видно, что «к Второву», т. е. на завод взрывчатых веществ и снарядов были отправлены автомобили в 11 с половиной часов. Автомобиль № 231 с. т. Майоровым, выполнив через 3 с половиной часа задание по доставке вооружения, снова получает другой наряд. Другой автомобиль, за №1716, с т. Ольцовым отправляется на Каменный мост за ранеными. Тот же автомобиль за № 231 задержан юнкерами Александровского военного училища, а шофер этого автомобиля, т. Майоров, успел скрыться и управляет другим автомобилем, за № 2140. Это—наглядный пример революционности шоферов, которым иной раз приходилось оставлять свои машины и спасаться, отстреливаясь. Затем из того же документа видно, что автомобиль № 1526 был послан на авиационный завод «Мотор» за бензином, грузовик за № 478 с красногвардейцами—для рытья окопов и т. д.

Не ставя перед собой задачу подробного разбора всего текста приведенного документа, ограничиваюсь расшифровкой нескольких строк его. Но уже расшифрованные немногие строки ярко иллюстрируют напряженность боевой обстановки, быстроту действий и относительную налаженность дела в одной из важнейших отраслей боевой работы—в транспорте.

Приведенный документ был написан в боевые дни Октябрьского переворота, но организованное основание мобилизации транспортных средств для обслуживания революционных сил было положено уже в корниловские дни.

Относительно руководства революционной и боевой работой в корниловские дни необходимо отметить, что, несмотря на наличие у левых эсеров и меньшевиков большого количества интеллигентных сил для выработки организационных мероприятий и несения штабной службы, фактическое руководство оставалось за нами. Левые эсеры и меньшевики-объединенцы буквально засыпали нас массой военных спецов и старых эсеровских дружинников, но мы им не доверяли. Опираясь на военные орга-

низации, МК, который направил к нам небольшой кадр военных работников, и привлекая рабочих, служивших ранее в армии, и бывших унтер-офицеров, мы добились того, что командные кадры Красной гвардии были на 75% большевистскими, и этот процент еще больше возрос после корниловских дней. Не доверяла социал-соглашателям также передовая рабочая масса города Москвы.

Состоявшаяся в конце августа конференция фабрично-заводских комитетов имела огромное значение для распространения наших боевых лозунгов борьбы за власть советов в массах. Вопрос о создании Красной гвардии, о вооружении и самообороне рабочих против контрреволюционных выступлений был основным вопросом внимания конференции.

На этой конференции особенно большую активность проявили работники Красной гвардии, руководители ее Центрального и районных штабов. Вся работа конференции проходила под руководством Комитета партии большевиков. Выступавшие на этой конференции меньшевики и эсеры были окончательно разбиты. Конференция высказалась определенно за вооруженный захват власти советами в Москве. Отсюда вытекает, что уже в корниловские дни рабочие массы больше чем кому бы то ни было доверяли большевикам. Вся практическая революционная работа в период корниловщины протекала почти исключительно под нашим руководством.

Совершенно другое значение имела организованная в корниловские дни «девятка» при Московском совете из представителей всех социалистических партий. Обнаружив несокрушимую силу и организацию Красной гвардии под руководством партии большевиков, меньшевики и эсеры при помощи «девятки» и некоторых большевиков, склонных к соглашательству, предприняли все меры, чтобы вырвать Красную гвардию из рук партии большевиков и подчинить коалиционному руководству.

В этом вопросе политическое соглашательство с меньшевиками и эсерами в Московском совете и в части МК в корниловские дни приняло новые организационные формы борьбы за обладание верхушкой московской Красной гвардии. Приэтом целью коалиции было поставить мелкобуржуазных руководителей во главе Красной гвардии, чтобы отнять у партии большевиков главное орудие борьбы против Временного правительства и подготовки вооруженного восстания. Став во главе

Красной гвардии, коалиционеры хотели таким путем получить оружие, вооружить «надежных» приспешников для охраны заводов, помощи милиции, для восстановления «порядка» в стране. Это означало проведение и поддержку Красной гвардией всех лозунгов меньшевиков и эсеров, основанных на принципе поддержки Временного правительства.

Нам, большевикам, совершенно не было никакой нужды организационно объединяться с эсерами и меньшевиками во время корниловских дней. Мы должны были контактировать работу и выступления, сохраняя за собой организационную самостоятельность. Поступая так, мы провели бы директиву т. Ленина о четком разграничении классовых линий, а у нас, в верхушке, благодаря этой «девятке», получалось некоторое затушевывание классовых границ.

Наши ячейки Красной гвардии под руководством Центрального штаба и большинства МК дружно принялись за организацию самообороны, ведя ее в противовес коалиционной «девятке», параллельно с ней и не связываясь никакими организационными нитями. Только поступая таким образом, мы могли отстоять и сохранить Красную гвардию за партией большевиков.

Корниловская авантюра, явившаяся открытым выступлением контрреволюции, окончательно ликвидировала соглашательские иллюзии, коренившиеся в некоторой части рабочего класса. С другой стороны, она послужила толчком к усиленному росту Красной гвардии, охранявшей в дни корниловского мятежа районы Москвы от контрреволюционных выступлений. С этого момента в рабочей массе, вполне осознавшей контрреволюционную сущность корниловщины, возникает острая потребность в создании рабочих батальонов Красной гвардии для защиты завоеваний революции. Стихийным процессом самовооружения рабочих масс однако вполне планомерно и организованно руководили большевистские ячейки Красной гвардии на заводах и фабриках. Одновременно с момента корниловских дней появляется новая опасность—попытки социал-соглашателей и «коалиционеров» овладеть руководством Красной гвардии.

VI. ВООРУЖЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ И ГЛАВНЫЙ ШТАБ КРАСНОЙ ГВАРДИИ.

Вначале сентября пленум Московского совета постановил создать Красную гвардию. Постановление это о создании Красной гвардии было вынуждено давлением революционных масс, и предложение о создании Красной гвардии было внесено 3 сентября по инициативе МК через большевистскую фракцию Исполкома совета. Первый пункт положения гласил:

«Красная гвардия учреждается для защиты завоеваний революции и охраны порядка в городе наряду с милицией и войсками, а также для усиления охраны заводов от злоумышленных покушений».

Меньшевики, эсеры и объединенцы созвали учредительное собрание для организации «Главного штаба Красной гвардии», в противовес большевистскому Центральному штабу Красной гвардии, имевшему свою базу в рабочем классе и в революционных частях гарнизона. Соглашатели из Московского совета конечно принимали все меры к тому, чтобы организовать штаб Красной гвардии из представителей всех социалистических партий и, получив таким образом в этом штабе соглашательское большинство, сделать его мягким и сговорчивым. Этот штаб, созданный ими без представителей МК большевиков, в достаточной степени отражал «коалиционную» политику, господствовавшую в тот период в Московском совете.

Большевики в лице Московского комитета отказались даже для информации прислать своих представителей. МК только послал в Главный штаб меня как наблюдателя. Меньшевики и эсеры, предлагая создать штаб из всех социалистических партий, рассчитывали, что в коалиционном штабе большевики останутся в меньшинстве, и то на очень короткое время, и штаб будет в распоряжении соглашателей. Но большевики на эту удочку не пошли. Особенно резко против этой мелкобуржуазной ловушки

выступали руководители Центрального штаба Красной гвардии—тт. Маленков, Переверзев, Штернберг, я и другие.

Но вернемся к собранию меньшевиков и эсеров, созванному для организации штаба Красной гвардии. Собравшиеся избрали президиум в составе семи человек: Трифонова и Моравского—от меньшевиков, Спасского и Фролова—от эсеров, Хунтадзе—от объединенцев. Фракции большевиков было поручено доизбрать двух членов. Для приобретения оружия были организованы 4 комиссии и делегированы три человека в Петроград, Сормово и Тулу. Кроме того, собрание решило командировать несколько человек для конфискации скрытого оружия, для обследования заводов, арсенала и милиции, для приобретения ручных гранат.

Необходимо отметить, что в этом собрании приняли участие и некоторые большевики, не имея на то никаких полномочий от своих партийных комитетов. Часть из них это собрание покинула, а оставшиеся были избраны в разные комиссии, в которых они, впрочем, за небольшим исключением, не работали.

Так называемый «Главный штаб Красной гвардии», в который входили представители эсеров и меньшевиков, фактически не имел ни армии, ни оружия,—все это находилось в руках подпольного большевистского штаба Красной гвардии. Кстати сказать, «Главный штаб» находился в одном и том же помещении, где был помещен наш Центральный штаб Красной гвардии, т. е. в гостинице «Дрезден», только двумя этажами ниже. На этой почве часто происходили курьезные недоразумения, когда наши товарищи по ошибке приходили с секретными донесениями в «Главный штаб», и мне неоднократно приходилось путем совершенно недвусмысленной сигнализации уводить их в наш Центральный штаб [1].

Меньшевики и эсеры из «Главного штаба» подозревали, что происходит что-то неладное. Характерно отметить, что «Главный штаб» вместо организации Красной гвардии занимался бумажной перепиской и представлял собой пустое место. Накануне октябрьских боев я самым бесцеремонным образом, на глазах у всех членов «Главного штаба», забрал свои дела и документы и направился в наш штаб на третий этаж, чем конечно кровно обидел «Главный штаб».

Попытки приобретения оружия для коалиционного штаба окончились полной неудачей. Сормовский завод вынес резолюцию:

---

[1] В «Главный штаб» я был послан Московским комитетом партии в первых числах октября, как уже сказано выше,— в целях наблюдения.

«Ни одного патрона, ни одной винтовки Временному правительству, которое хочет вести войну до победного конца». Тульский завод вынес аналогичную резолюцию. Деятели коалиционного штаба ничего добиться не могли. Тогда они обратились в Главное артиллерийское управление, где в то время находились кадеты и монархисты, но и оно им ответило, что даже пустого патрона они не получат. Временное правительство было настолько твердолобым, что не пошло навстречу даже своим мелкобуржуазным приспешникам, льющим воду на его же мельницу.

Этот коалиционный штаб Красной гвардии являлся громоотводом Октябрьского переворота и представлял собой попытку вбить клин в рабочие массы, идущие за большевиками. Несмотря на это, некоторые члены президиума Московского совета из большевиков поддались на удочку соглашателей и взяли на себя заботу получить для «Главного штаба» с Сестрорецкого завода 12 тысяч винтовок, 24 пулемета и 4 миллиона патронов. В выдаче им такого оружия все же было отказано. Главный штаб тем не менее делал все попытки удержаться и 20 сентября послал в меньшевистский комитет РСДРП следующее отношение.

Главный штаб
КРАСНОЙ ГВАРДИИ
при
Московских советах
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ
Сентября 20 дня 1917 г.
№ 15

КОМИТЕТУ РСДРП

Президиум Штаба Красной Гвардии просит Комитет открыть запись инструкторов для Красной Гвардии. Списки же с точным указанием имен, фамилий, адресов и телефонов просит передать в Секретариат Штаба Красной Гвардии „Дрезден" № 115 (2-й этаж).

Председатель (подпись) В. Аванесов.

За секретаря (подпись) М. Додонова.[1]

Неудачи «Главного штаба Красной гвардии» главным образом объясняются деятельностью нашего Центрального штаба Красной гвардии. В то время, когда в «Главном штабе» пошли торги из-за состава руководящей верхушки штаба и о начальнике Красной гвардии, Центральный штаб вел практическую работу по вооружению и обучению Красной гвардии, а также разрабатывал план восстания.

---

[1] Центрархив, д. № 24.

Мелкобуржуазные партии всячески пытались удержать ускользающую из-под их ног почву. «Главный штаб» при Моссовете уже стал изготовлять печати и штампы и под вывеской «Главного штаба Красной гвардии» стал делать легальные сборы денег, устраивая, по примеру Центрального штаба, вечера и производя сборы по заводам. Задачей же Центрального штаба было—разоблачить перед рабочими массами затею эсеро-меньшевиков и агитировать за сборы, организуемые Московским комитетом большевиков через районные комитеты и актив Центрального штаба Красной гвардии.

Работа по сбору средств на вооружение проходила все же в довольно запутанных условиях, так как меньшевики прикрывались тогда именами некоторых наших товарищей, работавших в их «Главном штабе».

Руководители «Главного штаба» несколько раз пытались завязать связи с нашей Красной гвардией, обещая ей денежные средства на организацию и т. д. Но Красная гвардия на эту удочку не пошла, и они остались генералами без армии.

Таким образом всю организационную работу по созданию Красной гвардии проводил наш большевистский Центральный штаб Красной гвардии, работавший в полулегальных условиях до Октябрьских дней и руководивший проведением Октябрьского восстания по разработанному им плану.

VII. УСТАВ КРАСНОЙ ГВАРДИИ.

Центральный штаб Красной гвардии в лице тт. Ведерникова, Штернберга, Усиевича, Малиновского и Пече выработал устав Красной гвардии и через нашу фракцию послал его в Исполнительный комитет Моссовета на утверждение. Там назначили комиссию по разработке устава и положения о Красной гвардии и выделили в нее работников из президиума совета и главным образом членов своего «Главного штаба Красной гвардии». Вошли туда также и некоторые большевики—от Московского совета и от МК. У соглашателей были изготовлены свои проекты. В этой комиссии высказывались разные точки зрения. Эсеры защищали выборное начало сверху донизу. Мы, большевики, защищали назначенство.

В комиссии за основы были приняты проекты, выработанные представителями «Главного штаба». Правда, после ожесточенных прений при обсуждении проекта работникам Центрального штаба Красной гвардии все же удалось внести в проект устава уточнения и изменения.

Несмотря на то, что в основу был принят проект соглашателей, изобилующий выборностью, своей цели они все-таки не достигли, и их надежды провести своих соглашательских руководителей в штабы Красной гвардии рухнули. После июльской демонстрации рабочие уже по опыту узнали, что собой представляют соглашательские партии, и на командные посты избирали главным образом большевиков.

Ниже приводим принятый в комиссии проект устава о Красной гвардии.

Проект устава Красной гвардии.

1) Красная Гвардия учреждается для защиты завоеваний революции и охраны порядка в городе наряду с милицией и войсками, а также для усиленной охраны заводов от злоумышленных покушений.

2) Выступления, действие и формирование Красной гвардии состоят в ведении и под руководством Исп. К-тов Московских С. Р. и С. Д.

3) Для непосредственного руководства действиями и формированием Красной гвардии при Исп. К-те учреждается Центральный штаб, в состав которого входят представители Исп. К-тов С. Р. и С. Д. по фракциям в равном числе по 3 от каждой, всего в числе 24, два представителя от Центр. бюро профсоюзов и начальники районных дружин.

Дружина. Образование дружин приурочивается к районам. Нач-к дружины избирается прямым, равным и тайным голосованием всех дружинников и утверждается Центральным Штабом. Штаб районной дружины состоит из сотрудников и представителей районного Исп. К-та по 3 чел. от каждой фракции. Районный штаб выбирает из себя президиум по одному представителю от фракций. Дружина разделяется на сотни, сотни—на десятки. Сотники и десятники избираются общим собранием и утверждаются штабом дружины. Штаб сотни состоит из десятников.

Дружинники, их права и обязанности. 1) Для зачисления в дружины требуется обязательное письменное ручательство соответственной партийной организации района.

2) Дружинникам принадлежит право избрания начальников.

3) Право товарищеского суда.

4) Заведывание административно-хозяйственной частью дружины, сотни, десятка при посредстве выборных комитетов.

5) Дружинники обязаны беспрекословно исполнять все приказы начальника, касающиеся службы.

6) При выходе без уважительной причины из дружины дружинники обязаны предупредить об этом за две недели.

7) Дисциплинарные взыскания, коим могут быть подвергнуты дружинники, суть: а) товарищеский выговор, б) исключение из дружины (решает суд сотни и утверждается дружинным штабом), в) исключение из завода (решается судом дружины и утверждается Центральным штабом), г) общий бойкот по постановлению Центрального штаба.

Оружие. Оружие выдается на руки дружинникам только для обучения и оперативных действий. (За выданное на руки оружие возлагается личная и денежная ответственность на дружинника и, в случае его несостоятельности, круговой порукой партии, рекомендовавшей дружинника, и т. д.).

Оплата. Дружинники никакого денежного и натурального довольствия не получают. Сотники и нач-ки дружин получают вознаграждение по определению Центр. штаба и т. д.

Средства слагаются из фонда Красной гвардии, составляемого отчислением из заработка московских рабочих и случайных поступлений.

Служба. Прохождение службы производится по уставу строевой службы применительно к воинскому (с сокращениями), а также уставу гарнизонному и полевому. Начальники дружин, сотен, десятков отвечают за дисциплину, порядок и прохождение службы своих частей. (Оружие, не состоящее на руках, хранится в депо центрального и дружинных штабов.).

Контрольная Комиссия. Исп. К-т Центральных Советов рабочих и солдатских депутатов выделяет из своей среды постоянную контрольную комиссию, независимо от штаба гвардии, из представителей всех фракций обоих советов (по одному) для ревизии наличности оружия, денежных сумм, состава и деятельности гвардии.

Этот проект является значительно исправленным по сравнению с тем проектом, который предлагали социал-соглашатели первоначально. Тем не менее и устав и положение конечно не являются большевистскими. К сожалению, наш проект у меня не сохранился. Мы согласились на принятие этого устава, исходя из тех соображений, что таким путем окажется возможным хоть частично выйти из подполья и работать хотя бы полулегально.

Дальнейшее развертывание работы в широком объеме в подполье при имеющейся двенадцатитысячной большевистской Красной гвардии и тринадцати тысячах человек содействующих—было очень трудно. Кроме того, на принятие устава в значительной степени повлияло также сильное стремление колеблющейся части большевистской фракции Исполкома Моссовета к легализации Красной гвардии. Несмотря на достигнутое соглашение всех социалистических партий по вопросам устава и положения о Красной гвардии, этот устав Исполкомом Моссовета был окончательно утвержден и опубликован только 25 октября, когда уже началось открытое выступление Красной гвардии для завоевания власти.

VIII. НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ.

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ И ВЫБОРЫ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА.

В Московском комитете большевиков существовали разногласия по вопросу об отношении к Временному правительству еще с марта месяца. Дело подготовки к вооруженному захвату власти встречало препятствия со стороны колеблющихся большевиков.

Во время июльской демонстрации, которой руководили члены МК, работавшие в Красной гвардии, также получилось некоторое расхождение в нашей среде. Колеблющаяся, меньшая часть МК плелась в хвосте событий, соединившись с частью наших товарищей, работавших во фракции Московского совета. Под напором всей партийной и рабочей массы колеблющиеся товарищи более энергично стали проводить кампанию за создание Красной гвардии, но, к сожалению, это была кампания «коалиционная», т. е. совместно с эсерами, меньшевиками и имела целью создать коалиционное руководство.

Накануне Октябрьского восстания в Московском и областном комитетах нашей партии образовались два течения: большинство безоговорочно высказалось за немедленный захват власти, а меньшинство, представлявшее также значительную часть членов нашей фракции Исполкома Моссовета, колебалось и настаивало на коалиции с социалистическими партиями. Это создавало ряд затруднений в тот момент, когда требовалось решительным выступлением повлиять прежде всего на настроение солдат московского гарнизона. Наряду с революционными частями там были недостаточно распропагандированные, малосознательные солдаты из крестьян, на которых агитация офицерства и обывателей, укрывавшихся в тыловых частях, оказывала свое воздействие. Решительное выступление было тем более необходимо, что в Московском совете солдатских депутатов преобладали эсеры и меньшевики, и пленум его накануне

Октябрьских боев высказался против организации Красной гвардии, считая, что «Красная гвардия не только вредна, но и опасна».

Московским губернским советом крестьянских депутатов руководили также эсеры. Его исполнительный комитет на своем экстренном заседании 25 октября вынес резолюцию против передачи всей власти советам, считая это «гибельным для родины и революции».

Не совсем ясно представляли себе свою роль в момент боевых выступлений и у нас некоторые из наших товарищей-пропагандистов, принимавших до того активное участие в агитационной работе среди военных и красногвардейских частей. Некоторые из них считали, что на их обязанности лежит только агитация за революционные выступления, непосредственная же боевая работа—дело боевиков.

Так было в 1905 г. в Москве, когда боевые руководители работали только в своих боевых дружинах и не были близко связаны с партийной работой. Но совершенно иначе подходили к этому вопросу руководители Красной гвардии в 1917 г.: они считали, что каждый активный член партии должен быть в одно и то же время пропагандистом, организатором и боевиком, и свою точку зрения они отстаивали в районах Москвы и на заводах при организации Красной гвардии.

Тов. Ленин констатировал в заседании ЦК от 10 октября [1], что «замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти советами». И здесь, в Москве, все еще значителен был круг коалиционно настроенных товарищей, более чем равнодушных к вопросу о восстании. Мы видели, что дальше в таком положении оставаться было нельзя. Мы дошли тогда уже до кульминационного пункта, до такой грани, когда революционные рабочие и солдатские массы требовали действий. Оттяжка заставила бы эти массы отхлынуть от нас. На ряде заводов и фабрик в ответ на речи о необходимости отсрочки захвата власти рабочие массы называли товарищей соглашателями и угрожали, что «они сами пойдут и справятся с буржуазией». Тогда-то наша московская партийная организация на местах решительно взяла курс на немедленное вооруженное восстание.

В то же время наши товарищи, державшиеся коалиционной политики еще перед самым Октябрьским переворотом, предлагали

---

[1] См. журнал «Пролетарская революция», № 10, 1922 г., стр. 462

невероятные несуразности. Так, например (протокол МК от 22 октября), т. Илья (Цивцивадзе) по поводу связи районов с МК и руководства вооруженным восстанием говорил следующее:

«Для того, чтобы иметь полную картину работы в районах, обязательно нужно вести ежедневную ведомость (канцелярщина и бюрократизм во время боев! *Я. П.*). Еженедельно же нужно делать сводку ежедневных ведомостей и доставлять в Секретариат,—таким образом и будет учитываться связь между МК и районами» [1].

Вот какую тактику вели наши «коалиционеры» в вопросе о практическом руководстве боевыми действиями.

На том же заседании от 22 октября предлагается в речи того же т. Ильи упразднить Центральный штаб Красной гвардии, перебросив его в районы:

«Военная комиссия и комиссия по работе в Красной гвардии при МК лишние, ввиду того что в каждом районе такие комиссии уже имеются» [2].

Предложение упразднить руководящий орган вооруженного восстания, мотивируемое тем, что в каждом районе имеется штаб Красной гвардии, несомненно, показывают ликвидаторскую точку зрения, царившую тогда у некоторых товарищей из МК. На том же заседании МК, в результате нажима решительной части большинства, штаб не упраздняется, но переизбирается, и оттуда выбывают товарищи, работавшие в Центральном штабе с начала организации Красной гвардии, например, тт. Штернберг, Петров, Зимин и некоторые другие.

В уступку коалиции и буферной группе в Центральный штаб [3] вводится ряд работников военной организации МК.

Таким образом перед самым восстанием создается боевой орган (Комиссия Красной гвардии) из следующих товарищей: Слесарев, Ростовщиков, Ярославский, Пече, Демидов, Павлычев, Стефашкин, Васильев, Мальков, Берзин, Орещенко и Липицкий.

Если на заседании МК от 22 октября «коалиционерами» предлагалось упразднить Центральный штаб Красной гвардии и организовать бумажную связь с районами, то на заседании МК от 25 октября в речи того же т. Ильи Цивцивадзе находим и другие прелести.

---

[1] Музей революции, д. № 18/12.

[2] То же.

[3] Центральный штаб Красной гвардии в протоколах МК именуется «Комиссией по Красной гвардии». *Я. П.*

«Нужно предположить, что Рябцев и меньшевики пойдут с нами (!?), но если этого не будет, наш орган окажется висящим в воздухе, будет ужасная борьба в солдатской среде. В первую голову нужно поставить перевыборы (здесь и ниже подчеркнуто мною, *Я. П.*). Пока у нас не обеспечено большинство с ССД, мы не гарантированы от того, что наша пятерка будет бездеятельна» [1].

Такая же тактика проводится и по линии районных дум, где у нас было большинство. Начиная с середины октября 1917 г., когда, по постановлению ЦК нашей партии, актив московской организации приводился в боевую готовность и когда каждый, и особенно старые большевики были крайне необходимы, чтобы стать во главе боевого руководства восстанием,—проводятся бестолковые собрания гласных районных дум и убивается время большого числа большевиков на совершенно бесполезные и бесцельные споры с кадетами, меньшевиками и эсерами. Так, в момент восстания, когда на Красной площади и в Замоскворечьи происходят боевые столкновения революционных солдат и Красной гвардии с юнкерами и белогвардейцами, когда белые окружают Кремль и отрезывают пути получения оружия из кремлевского арсенала,—на Сухаревской площади в Народном доме происходит собрание всех 17 районных дум города Москвы, где присутствуют более 200 большевиков—гласных районных дум, так необходимых в момент восстания на местах. Это собрание было созвано, как гласило опубликованное объявление в «Известиях Моск. сов. раб. деп.», «в связи с переживаемым моментом» [2].

В чем же выразилась деятельность этого собрания районных дум в момент восстания? Не больше и не меньше как в предложении пустой резолюции о «выражении полного доверия Московскому военно-революционному комитету», за которую конечно кадеты [3], меньшевики и эсеры не голосовали, а ушли, заявив, что они с нами рассчитаются на баррикадах. Кроме того, такая резолюция для самих большевиков была ненужной и ничего практического не давала, тем более, что многие из большевиков-гласных на это собрание не пошли, а занимались на местах практической работой по организации боевых сил и руководству восстанием.

---

[1] Музей революции, д. № 18/12.

[2] «Пролетарская революция», № 10, 1922 г. стр., 192—193.

[3] На собрании активно участвовал, между прочим, кадет князь Шаховской который вел себя самым вызывающим образом.

Интересную и правильную характеристику «работ» этого собрания районных дум там же, на собрании, дал т. М. Ф. Владимирский. Тов. Шлихтер, которому пришлось председательствовать на том же собрании, в своих очень интересных воспоминаниях рассказывает об этом следующим образом:

«Вдруг на эстраду вбегает бледный и задыхающийся от волнения т. М. Ф. Владимирский и просит слова для внеочередного заявления. Получив слово, т. Владимирский говорит:

— Вы тут занимаетесь разговорами, а на Театральной площади уж льется кровь. Командующий войсками Рябцев предъявил Военно-революционному комитету требование распустить себя втечение 15 минут. Комитет выполнить это требование отказался, площадь уже обстреливается контрреволюционными частями. Комитет предлагает прекратить разговоры и всем с.-д. интернационалистам (большевикам) немедленно отправиться на места и быть готовыми к событиям»[1].

Это, хотя и с некоторым опозданием (еще 25 октября об этом было распоряжение ЦК), было единственно правильное, что могли и должны были делать наши товарищи гласные городских дум.

На деле такая погоня за резолюциями, за бескровным взятием власти путем голосований и соглашательства привела к тому, что вначале восстания на верхах Московской организации не было никакого централизованного руководства восстанием. Руководили восстанием наиболее тесно связанные с Красной гвардией отдельные члены Московского комитета и районных комитетов на свой страх и риск.

Отдельные характерные моменты этого замешательства и отсутствия явного централизованного руководства освещены в упомянутых уже воспоминаниях т. Шлихтера.

Вот как т. Шлихтер описывает свои приключения в поисках практической боевой работы после закрытия пресловутого собрания районных дум от 27 октября.

«Звоню в Басманный совет, звоню много раз. Тщетно. Телефон-то звонит, но никто не подходит. Тогда начинаю звонить в Московский совет. После новых нескольких неудач телефон, наконец, откликается:

— Алло!

Я узнаю по голосу т. Ногина.

— Тов. Ногин?

— Да, кто спрашивает?

— Шлихтер. Товарищ Ногин,—обращаюсь я,—не можете ли сказать, куда

[1] Там же, стр. 196 — 197.

бы мне лучше всего сейчас пойти для получения какой-либо конкретной работы? Басманный район, куда я имел намерение отправиться, не откликается.

— Никуда сейчас не надо ходить (подчеркнуто мною. *Я. П.*),— отвечает мне неожиданно т. Ногин тоном, как мне показалось, не то печали, не то безнадежности—и вешает трубку.

Звоню в Московский партийный комитет, который тогда помещался на Советской (тогда Скобелевской) площади, в гостинице бывшей «Дрезден». Откликается чей-то незнакомый женский голос. Я называю себя и прошу сказать, где я могу узнать о распределении товарищей для работы в данный момент (подчеркнуто мною. *Я. П.*) и в частности куда лично мне сейчас надо отправиться.

Мне отвечают, что никакого заранее составленного распределения нет, что есть много товарищей, которые сами отправляются отсюда по разным местам» (подчеркнуто мною. *Я.П.*) [1].

Таково было положение вначале восстания не только среди верхушки «коалиционеров» и буферствующих большевиков, но и среди некоторых товарищей, стойких большевиков, которые, подчиняясь партдисциплине, шли на объявленное собрание районных дум подавать свой голос.

Итак, массы и партия—за решительный отпор контрреволюции во время июльских и корниловских дней. Партия и рабочий класс вместе с революционной армией—за вооруженную борьбу против Временного правительства, а часть членов МК, фракции Моссовета и Городской думы—доверяют меньшевикам и эсерам и стараются проголосовать вопрос в районных думах вначале боев, таким путем добиваясь «санкции»... вооруженного восстания!.. Между тем т. Ленин в своем письме, написанном в дни Демократического совещания еще в сентябре 1917 г., писал:

«Большевики должны взять власть». «...Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет. И Керенский с К⁰ не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания «Демократического совещания» должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Совет и демократические организации. Международное положение именно теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народам—значит победить.

Взяв власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто

---

1 «Пролетарская революция», № 10, 1922 г., стр. 198 — 199.

начнет, может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно». (Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 135).

Но в период этой политической борьбы Красная гвардия все сплоченнее, организованнее подходила к Октябрьскому восстанию. В середине октября месяца т. Лениным было послано МК известное письмо (см. Ленин, Собр. соч., т. XIV, часть 2, стр. 266—267). Оно было вызвано не только принятой резолюцией ЦК, но и политикой коалиционного блока: Каменева, Зиновьева и др. (соглашательская оппозиция). Необходимо отметить, что это письмо в отношении МК было вызвано также недостаточно решительной постановкой вопроса о вооруженном восстании не только в большевистской фракции Моссовета, но и со стороны некоторых членов МК.

Письмо т. Ленина было обсуждено активом московской парторганизации, который на основании докладов с мест констатировал, что революционное движение, достигнув своего кульминационного пункта, в ряде мест начинает ослабевать, благодаря оппортунистически настроенным товарищам, что поэтому особенно важно немедленное исполнение письма т. Ленина, немедленный переход к решительным боевым действиям через голову «коалиционеров» и других соглашателей, минуя всякую дискуссию.

Таким образом когда партия и Красная гвардия подходили уже к порогу вооруженного восстания—взятия власти, соглашательская тактика выявлялась особенно резко. Особенно выявился буфер из Военного бюро МК, который бросился в панику, ища спасения у мелкобуржуазных вождей.

В этот период, 25 октября, в МК намечаются в боевой центр Московского совета тт.: Смирнов В. М., Ломов Г. И., Муралов Н. И., Рыков А. И., Будзинский и Усиевич, составившие впоследствии Военно-революционный комитет. Одновременно утверждается боевой центр партии, «семерка», в которую входят из состава МК тт. Пятницкий и Владимирский, от профсоюзов—Козелев, от Военного бюро—т. Ярославский, от Окружного комитета—т. Соловьев Ив., от Областного бюро—Яковлева Н. и Стуков. Тогда же, 25 октября, на объединенном заседании советов рабочих и солдатских депутатов избирается Военно-революционный комитет для «организации поддержки» Петербургу. За избрание голосовало 394 депутата, против 116 (меньшевики и беспартийные) и воздержались 25 (объединенцы). Тем не менее меньшевики и объединенцы вошли в комитет, но

конечно не для совместной борьбы в рядах пролетариата, а для того, чтобы отстаивать замену Революционного комитета «общедемократическим органом»! Эсеры отказались участвовать в голосовании. В состав комитета вошли: от большевиков—Муралов, Ломов, Смирнов и Ведерников (Рыков, Усиевич и Будзинский—кандидаты), от меньшевиков—Тетельбаум и Николаев и от объединенцев—Константинов.

При голосовании во время выборов Военно-революционного комитета оппортунистическое крыло нашей фракции проводит некоторых своих представителей, которым поручается вести переговоры с Рябцевым с целью достигнуть соглашения мирным путем. Таким образом создается буфер, колеблющийся между социалистической коалицией и ленинской тактикой. В данной обстановке такой буфер оказался более опасным, чем сама социалистическая коалиция, которая открыто выступала и от которой оставалось только отмежеваться.

26 октября в 8 часов 45 минут утра из Петрограда была получена радиотелеграмма от Военно-революционного комитета.

Всем армейским комитетам действующей армии, всем советам солдатских депутатов.

Петроградский гарнизон и пролетариат свергнули правительство Керенского, восставшего против революции и народа. Переворот, упразднивший Временное Правительство, произошел бескровно. Петроградские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов торжественно приветствуют совершившийся переворот, они признали впредь до создания Правительства Советов власть Военно-Революционного Комитета. Оповещая об этом армию на фронте и в тылу, Военно-Революционный Комитет призывает революционных солдат бдительно следить за поведением командного состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились к совершившейся революции, должны быть немедленно арестованы как враги против новой власти.

Петроградские Советы видят спасение революции в немедленном предложении демократического мира, немедленной передаче помещичьих земель крестьянам, передаче всей власти Советам и в честном созыве Учредительного Собрания. Народная революционная армия должна не допустить отправки с фронта ненадежных частей на Петроград. Действовать словом и убеждением, а где не поможет, препятствовать отправке беспощадным применением силы. Настоящий приказ немедленно огласить перед войсковыми частями всех родов оружия.

Утайка армейских организаций этого приказа от солдатских масс равносильна тягчайшему преступлению перед революцией и будет караться со всей строгостью революционного закона. Солдат, за мир, за хлеб, за землю, за народную власть.

Военно-Революционный Комитет [1].

---

[1] Из документов Военно-исторического архива, д. №, 20/37, стр. 124.

26 октября была созвана конференция представителей всех воинских частей московского гарнизона, которая 116 голосами против 18 постановила выразить доверие Военно-революционному комитету и, в противовес Совету солдатских депутатов, состоявшему из меньшевиков, эсеров и кадетов, выбрала гарнизонную «десятку» из большевиков и революционных солдат, стоявших за захват власти большевиками.

Военно-революционный комитет не мог быть достаточно дееспособен, особенно ввиду присутствия меньшевиков, которые в своем заявлении писали, что входят в комитет «не для того, чтобы содействовать захвату власти Советами», а чтобы «возможно безболезненно изжить все последствия этой попытки захвата и авантюризма большевистских вождей».

Во главе штаба Военно-революционного комитета был поставлен т. Муралов Московским и Областным комитетами партии.

Этому назначению Муралова предшествовали довольно продолжительные споры на заседании Московского комитета 25 октября (в доме № 55 по Тверской улице). Часть руководящих работников считала позицию т. Муралова в вопросах вооруженного восстания и взятия власти недостаточно твердой. Но в состав мураловского штаба все же вошли лучшие работники-большевики, которым первое время приходилось преодолевать сопротивление со стороны эсеров и меньшевиков, «работавших» при штабе, а также и колебания самого т. Муралова. Часть этих работников оставалась в штабе, другая часть руководила на местах порученными им войсковыми частями: например, т. Будзинский руководил 55-м полком, т. Блохин руководил автомобильными ротами и т. д. Очень хорошо работала разведка т. Федотова, состоявшая частью из партийных, частью из сочувствующих большевикам. Эта разведка образовалась главным образом из рабочих и активных членов Красной гвардии. В нее входили также «двинцы». Большую роль в разведке играли женщины и отдельные солдаты, в значительной части члены нашей партии.

Образовавшийся Военно-революционный комитет совместно с фракцией Московского совета устраивал много заседаний и много времени уделял обсуждению вопроса о выступлении, а районы, не получая первые два-три дня никаких директив, не знали, что им делать. Это ставило в тяжелое положение руководителей Красной гвардии в центре и на местах.

В своих воспоминаниях т. Цивцивадзе так описывает этот момент.

«27-го вечером, когда на одном из заседаний по вопросу обучения, вооружения и подготовки к бою я сделал информационный доклад о решении МК держаться выжидательной позиции, т. Козычев, рабочий с завода «Бромлей», выступил с резкой критикой такого решения. Он указал, что в городе уже пахнет порохом, что во всех казармах офицеры ведут контрреволюционную агитацию: он сам видел, что юнкеров ротами отправляют в центр, а студенты получают от думы винтовки, и разве можно допустить, чтобы в такой момент руководящие органы не нашли ничего лучшего, как держаться выжидательного положения. Тов. Козычева поддержали тт. Пан, Сычев, Охеров (из трамвайной станции) и другие. Собрание вполне сочувственно отнеслось к протесту и постановило послать делегацию с требованием решительных действий».

Таким образом районы начали уже возмущаться неопределенностью положения и требовали немедленного выступления. Партийная «семерка» поспешила приступить к действиям. Они разослали уполномоченных по районам, чтобы распределить вооруженные силы и вывести часть вооруженных и невооруженных рабочих в центр, а другую оставить в районах, откуда и начать наступление, постепенно занимая все стратегические пункты.

Несмотря на соглашательские течения, господствовавшие в Москве, события, развернувшиеся в Питере, сделали невозможным дальнейшее оттягивание вооруженного восстания.

2. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ШТАБ КРАСНОЙ ГВАРДИИ.

Центральный штаб Красной гвардии вечером 25 октября в бывш. гостинице «Дрезден» собрал всех представителей войсковых частей и Красной гвардии. Заседание затянулось до 12 часов ночи. После этого совещания представители Красной гвардии разошлись на места и совместно с представителями войсковых частей на заводах и в казармах стали подготовлять выступление, употребляя все силы, чтобы хотя частично привлечь к вооруженному выступлению войсковые части. Так, представитель роты 193-го полка поехал в свою роту. В 56-й полк, расположенный в Кремле, отправился т. Берзин, назначенный комендантом арсенала Кремля. Комиссаром Кремля был назначен т. Ярославский. Другие товарищи разъехались по районам для руководства восстанием на местах.

Накануне Октября районные штабы Красной гвардии в полном своем составе превратились в районные военно-революционные комитеты, в которые добавочно вводились новые товарищи для руководства боями.

Накануне Октября районные штабы Красной гвардии в полном своем составе превратились в районные военно-революционные комитеты, в которые добавочно вводились новые товарищи для руководства боями.

Работниками районных ВРК и руководителями боев в Октябре были следующие товарищи:

Замоскворецкий район: тт. Коссиор, Витковский, Ротшильд, Файдыш, Шиллерт, Будзинский. Представитель от руководящей «семерки» МК и ЦВРК,—т. Пече. Впоследствии вошли тт. Штернберг, Волин и Цивцивадзе. С 27 октября председателем Замоскворецкого ВРК был из МК и ЦВРК прислан т. И. К. Штернберг. Он же как член Центрального штаба Красной гвардии руководил общим командованием нашими войсками в Замоскворецком районе.

Краснопресненский ревком организовался в ночь на 27 октября в составе тт. Слесарева, Беленького, Шеногина, Зубкова Ив., Калачева.

27 октября этот ВРК переконструирован в составе тт. Александрова, Меркулова и Рыкунова. Затем т. Рыкунов ушел, и из центра прибыл т. Златоверов. Штаб снова переконструировался и уже 28 октября был в составе тт. Меркулова, Александрова, Беленького, Емельянова, Слесарева, Кондратьева и Златоверова (секретарь).

Басманный ВРК: тт. Иванов, Панкратов-Маркин, Голубев, Забродин, начальник артиллерии—Демидов.

Благушевско-Лефортовский район: тт. Кобозев, Розенштейн, Знаменский, Петров, Коренной, Шленов, Демидов Вл., Муравьев (работал по связи с Московским советом), Васильев И. В., Берклау, Корзинов, Фомин и Пельше.

Сущевско-Марьинский район: ВРК был организован 26 октября 1917 г. из след. тт.: Ходоровского, Щербакова, Сидорова, Ходорова (максималист), Лисовского (от Военно-обмундировочной двинской мастерской), Прохорова (от Военно-артиллерийского завода); впоследствии вошли тт. Людвинская (от партийного комитета Бутырского района) и т. Кузнецов (левый эсер).

Бутырский ревком: тт. Богров, Розова, Коробочкин, один представитель от «двинцев»—фамилия неизвестна—и Квесис.

Ревком Дорогомиловского совета образовался 25 октября из тт.: Фаслера, Блиэ, Шломана, Меднис, Панова, Кобенкова. Этот ревком был разгромлен 27 октября прибывшими в Бутырский район ударниками и 28 октября образовался в новом составе из тт.: Ванторина, Фонченко, Федосова (сведения по воспоминаниям т. Карпова).

Ревком Хамовнического района: тт. Ангарский, Лихачев, Савельев, Саврасов и Лысов—начальник Красной гвардии Хамовнического района; кроме того, в воспоминаниях группы завода «Каучук» как активные участники октябрьских боев упоминаются тт.: Зубарев, Лайва, Дарзнек, Закис, Булимов, Косперович, Каризма и Соловьев.

Сокольнический ревком. Работники штаба Красной гвардии, вошедшие в ревком, тт.: Медведев Ф. Д., Маленков, Сара Бродская, Васьков, Ефремов, Пресняков. «Красный крест» из тт.: С. Волконской и Смирнова.

Ревком Сокольнических снарядных мастерских: тт. Шумкин, Андреев, Кох.

Исполком Казанской железной дороги, являвшийся по существу ВРК, состоял из тт.: Савельева, Кокоткова, Смирнова, Селезнева, Котова, Субботина.

Ревком Алексеево-Ростокинского района: тт. Эйхман, Врублевский, Огильба и Самарин.

Ревком Мызо-Раевского склада огнеприпасов создан 21-22 октября 1917 г. в составе тт.:Стефашкина, Пупцова, Чернышева, Кулешева и полковника Шольт—беспартийный.

Ревком Александровской железной дороги тт.: Кураев, Лопатко, Романов, Егоров, Бакланов, Константинов, Гусев, Зимин, Розит и Буденко. Партийная «пятерка» была выделена перед Октябрем в следующем составе: тт. Пятницкий, Зимин, Черняк, Амосов и Гриша Аронштам.

Ревком Октябрьской железной дороги (бывш. Николаевской): тт. Подзевич и Попов—от паровозной мастерской, Прохоров—от вагонной, Можокина—от технических бригад, Алексеев—от конторы обмена.

Ревком Всесвятского района: тт. Шляпников, Бученков, Белоусов, Шигаев и Бабакин.

Ревком 193-го полка: тт. Шелехес, Попов, Тандитный, Померанцев (сведения по воспоминаниям т. Шелехес).

Активные работники завода «Дукс»: тт. Фирсов, Мизернов, Алексеева, Астраханцев, Филатов, Веселов В. П.

В разведку входили из женщин: тт. Известьева, Соболева, Берзина, Козанова (работница фабрики «Габай»).

Работники «Красного креста» в октябре: тт. Рубинштейн, Дикарева, Щербаков и Визер.

Из национальных самостоятельных боевых дружин следует отметить руководящую боевую «пятерку» латышских большевистских секций (Покровка, 41) в составе тт.: Эвальд, Леппе, Зарин, Ласис и Девингтель.

Это были те руководящие силы Красной гвардии на местах, с которыми мы вступили в бой в Октябре.

Центральный штаб Красной гвардии, совместно с членами МК до и после выборов Военно-революционного комитета и заседания в гостинице «Дрезден», разъезжал по районам и начинал осуществлять самостоятельное выступление по разработанному ранее плану.

Мы приступили к организации через своих комиссаров на всех учтенных нами военных складах военно-революционных комитетов. Туда направлялся мобилизованный нами транспорт для вывоза оружия и посылались подкрепления из ближайших красногвардейских частей. Тогда же приступили к сооружению баррикад и рытью окопов. Одним словом, все силы Красной гвардии окапывались, вооружались и концентрировались на стратегических местах.

В тяжелых артиллерийских мастерских (Мастяжарт) находилось около 400 орудий, из них 60 были уже в боевом порядке. Этот склад орудий под руководством работников Лефортовского и Басманного районов, тт. Демидова, Осипова и Переверзева, был уже приведен в боевую готовность. Здесь были построены баррикады и вырыты окопы, так что «нельзя было проехать по улицам».

Одновременно с подготовкой воинских частей, часть товарищей в штабах Красной гвардии была выделена для мобилизации транспорта. Я лично с некоторыми товарищами объехал все автомобильные роты в Сокольниках, и ночью мы устроили там митинг. Автомобильные роты дали свое согласие на выступление с тем условием, что для охраны их автомобилей будут посланы представители Красной гвардии. Мною было отдано распоряжение на места о высылке охраны, и уже к утру 26 октября приезжали грузовики и легковые автомобили из автомобильных рот. Первая партия пришла в количестве 30 грузовиков. Постепенно, по мере надобности, подготовлялись и новые ча-

сти. Это была уже мобилизация всего транспорта с вооруженными красногвардейцами.

Кроме того, был вызван и прибыл в распоряжение Военно-революционного комитета и штабов самокатный батальон, который приступил к несению службы связи. Такой быстрый и безболезненный захват транспорта явился результатом предварительного, тщательно разработанного плана действий Центрального и районных штабов Красной гвардии.

26 октября рано утром от имени Центрального штаба Красной

Члены оперативного штаба Крррасной гвардии: Переверзев, Демидов, Осипов.

гвардии и Военно-революционного комитета я приехал в склад авиопарка к секретарю большевистской ячейки, чтобы оттуда взять имеющиеся пулеметы. По данным разведки Центрального штаба Красной гвардии, месяц тому назад здесь было 50 пулеметов, но накануне Октябрьского переворота большинство пулеметов, по распоряжению Временного правительства, было увезено. Оставшиеся 12 пулеметов были в разобранном виде, так что ими нельзя было пользоваться. После настойчивого требования собрать и дать пулеметы для охраны Московского комитета от нападения юнкеров, пулеметы были собраны и через 5-6 часов доставлены в Военно-революционный комитет, где я их немедленно расставил на боевые позиции. Несколько позже Военно-ре-

волюционным комитетом был назначен комендантом здания т. Янушевский, который и принял всю охрану здания Московского совета.

В связи с организацией охраны Московского совета и Военно-революционного комитета, которые находились в одном и том же здании, для характеристики тогдашних настроений отдельных товарищей приведу следующий факт.

Когда я руководил установкой пулеметов, ко мне подошли некоторые члены большевистской фракции Московского совета, забеспокоились и сказали: «Что ты делаешь? На каком основании ты выставляешь пулеметы?» Расспросы эти продолжались в том смысле, что такими, мол, резкими действиями вызываются подобные же действия со стороны противника. А к этому времени—через окно Московского совета было видно,—к зданию совета подходил 55-й полк.

Меньшевики, эсеры и объединенцы собрались в полном составе в зале. Когда они проходили мимо меня, то с яростным гневом бросали в мою сторону реплики: «Вот он—организатор авантюры!»

Часть руководителей Красной гвардии уже открыто начинала действовать, обнаружив имевшееся у них оружие.

Члены Центрального комитета меньшевиков и эсеров, а также пришедшие к тому времени члены президиума Моссовета увидели, что к зданию подошла часть 55-го полка, около 1 000 вооруженных солдат, под руководством Будзинского. Выделив делегацию, 55-й полк сообщил, что он пришел в распоряжение Военно-революционного комитета и просит дать ему боевой наряд. Соглашатели пришли в ужас. Они выбежали из здания Моссовета, собрались в количестве около ста человек и с возмущением бросились на трибуну. Они стали агитировать 55-й полк. «Вот, мол, руководители большевистской фракции и Красной гвардии, имеющие в своей среде разные темные элементы, стараются путем авантюры захватить власть, пытаются всякими темными средствами вооружиться против армии». Раздавались крики, что «это недоверие армии, недоверие Временному правительству, недоверие революционной власти, которая до сих пор существует». Говорилось, что большевики хотят «потопить революцию в крови», что это люди, приехавшие в запломбированных вагонах, и т. д.

Мы, большевики, поняли, что нам необходимо ответить на их агитацию борьбой. Несколько членов Центрального штаба

Красной гвардии и МК вмешались в солдатскую массу и разъясняли солдатам, что соглашатели, обвиняющие т. Ленина в шпионаже, сами являются предателями революции. Мы указывали, что «вам, лучшей революционной части, эти соглашатели хотят втереть очки в то время, когда они сами теряют почву под ногами, что они хотят расправиться путем насилия с большевиками и рабочим классом». Мы выбросили лозунг: «Долой провокаторов! Долой предателей революции!» Солдаты 55-го полка пришли в ярость и закричали: «Что тут! Чего разговаривать! В штыки!..» Мгновенно человек сто, сто пятьдесят эсеровских и меньшевистских героев разбежались во все стороны, а некоторые из них, перепуганные, прибежали ко мне и умоляли: «Товарищ, Пече, спасите!»

Пришлось выручать.

После этого нам подвезли еще пулеметов, и происходило трогательное единение рабочей Красной гвардии с войсковыми частями.

В пятницу, 27 октября, в «Известиях» уже появляется объявление Военно-революцион. комитета следующего содержания:

«Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга во главе с Петербургским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции Временным Правительством. Долг московских солдат и рабочих поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов избрал Военно-Революционный Комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей. Военно-Революционный Комитет объявляет: 1) Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-Революционного Комитета. 2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-Революционного Комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

3. ВООРУЖЕНИЕ БЕЛЫХ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ.

В Центральный штаб Красной гвардии перед Октябрем поступили сведения о том, что Временное правительство начинает постепенно разоружать и перемещать революционные войсковые части московского гарнизона. Этот вывод войск был необходим Временному правительству для того, чтобы расправиться с вооруженными рабочими.

В Москве у белогвардейцев, юнкеров и воинских частей, верных Временному правительству и ставке, было около 50 тысяч

винтовок, 10 тысяч револьверов, до 300 пулеметов, большое количество ручных гранат; были у них и бомбометы, минометы, огнеметы и несколько орудий и броневых машин. Большинство этого оружия находилось в юнкерских училищах. С переходом Кремля в руки белых они получили еще 70 тысяч винтовок, находившихся в Кремле. Кроме того, белогвардейцы как накануне Октября, так и в течение октябрьских боев, усиленно старались привезти оружие извне, но это, благодаря принятым мерам со стороны Красной гвардии, им не всегда удавалось. Так, например, на Рязано-уральской железной дороге, в районе Гжатска, 28 октября отрядом Красной гвардии под руководством т. Маленкова, члена Центрального штаба Красной гвардии, было путем ловкого маневра прицеплено к нашему паровозу и привезено в Москву 39 вагонов с винтовками, предназначенными для белых. Два следующих документа показывают, как белогвардейцы вооружились револьверами из Тульского арсенала. [1].

Комиссару Московского жел.-дор. узла. — Дубликат. *По воинскому тарифу.*

Предложение № 6558899.

На перевозку артиллерийского груза из Тульского Отдела Московского Артиллерийского склада в г. Москву.

Комиссару Московского железнодорожного узла.

Нижепоименованный груз имеет быть отправлен в товарном поезде со станции Тула Московско-Курской железной дороги и до станции Москва той же дороги.

Взвешивание груза не требуется.

Нагрузка средствами } жел. дор.
Выгрузка средствами }

Деньги за провоз будут уплачены Управлением Московского Артиллерийского Склада.

Транспорт сопровождает конвой.

Наименование предметов.	Условные знаки.	Число мест.	Действит. вес.	Примечание.
3-лин. солдатские револьверы с принадлежностью	Р.	25 [2]	80 пуд.	30 ф.

Начальник отдела подполковник Булыгин.

---

[1] См. журнал «Пролетарская революция», № 10, 1923 г., стр. 461.
[2] Число мест следует читать как 25 упакованных ящиков с револьверами.

Двадцать пять мест с револьверами принято от сопровождаемого конвоя по доверенности Комиссара Московской Казанской ж. д.

Помощник Нач. Милиции Дороги Прапорщик Закурдаев.

19/X—17 г.

Москва. Начальнику *По воинскому тарифу.*
4-й Школы прапорщиков.
Октября 16 дня 1917 г.

Предложение № 6858909.

На перевозку артиллерийского груза из Тульского Отдела Московского Артиллерийского Склада в г. Москву, Начальнику 4-й школы прапорщиков.

Нижепоименованный груз имеет быть отправлен в товарном поезде со станции Тула Московско-Курской железной дороги и до станции Москва той же дороги.

Взвешивание груза не требуется.

Нагрузка средствами } жел. дор.
Выгрузка средствами }

Деньги за провоз будут уплачены Управлением Московского Артиллерийского склада.

Транспорт препровождается под конвоем.

Наименование предметов.	Условные знаки.	Число мест.	Действительный вес.	Примечание.
3-лин. офицерские револьверы с принадлежностью	Р.	7	23 п. 24 ф.	

Под.

Начальник Отдела Полковник Булыгин.
Коллежский Ассесор Трохимович.

Семь мест весом в 23 пуда 24 фунта с револьверами в школе получены.

30 октября 1917 г.

За Заведующего Хозяйством
Прапорщик (подпись).
Делопроизводитель Чиновник воен.
времени Титулярный Советник Егоров [1].

Относительно первого груза в 80 пудов 30 фунтов мы в штабе Красной гвардии получили из Тулы сведения от т. Бундурина, пославшего вслед за обнаруженным им грузом свою разведку. Нами, на основании разведки т. Бундурина, был сделан 21 октября обыск у городского головы Руднева на Чистых прудах, но все-таки этого транспорта мы не нашли. Очевидно, белогвардейцы быстро перебросили груз в другое место.

[1] Документы взяты из архива Тульского истпарта.

Итак контрреволюция тоже готовилась. Мелкобуржуазные вожди из лагеря меньшевиков и эсеров проводили политику «администрирования», т. е. они вовлекли ряд наших товарищей большевиков в свои административные органы и намеревались таким образом толкнуть наших товарищей на путь соглашательства. Например, организованная при Московском совете «девятка» во время корниловских дней явилась продолжательницей политики «коалиции» и в октябрьской борьбе. Соглашательские вожди ухватились за этих товарищей и, вовлекая их в хозяйственное администрирование, стали отвлекать их от прямой революционной работы для соглашения с Временным правительством, в частности с Рябцевым. Они посылали большевиков на обследование военно-промышленных заводов за пределами Москвы, уезда и т. д. Наши товарищи «коалиционеры» в Моссовете против этого не возражали. Даже наоборот. Некоторые члены МК и руководители Военного бюро одно время высказывались за то, что мы должны пойти с ними на соглашение, чтобы контролировать военно-промышленные комитеты. Однако такое сотрудничество с социал-соглашателями отстраняло наших товарищей от работы по организации восстания. Эта политика соглашательства с мелкобуржуазными партиями, как увидим, довела потом наших «коалиционеров» до сдачи Кремля накануне решительных боев.

Некоторые наши части к моменту восстания были вооружены винтовками, но не имели патронов. Противник в свое время об этом позаботился. Ставка и Общеармейский комитет начали очень энергично работать по вооружению «надежных» частей Временного правительства. Генералы в ставке накануне октябрьских дней не зевали, а втихомолку, с ведома Общеармейского комитета, продвигали эшелоны оружия в свои верные базы, например, на станцию Серебряный Бор—в район, где в октябрьские дни концентрировались ударники. Доставленные туда снаряды и гранаты послужили им наилучшим средством в уличных боях против наших баррикад и окопов.

Как видно из приводимого ниже документа, 10 вагонов винтовок были очень лакомым кусочком для прибывших ударников и тех юнкеров, которые во время боев пытались прорваться к ним.

Дозарезу нужные рабочим для восстания винтовки оказались «засланными» (как докладывает офицер Жуковский после переворота нашему комиссару Мызо-Раевского огнесклада т.

Стефашкину) в аппарат ставки. Викжель помог в этом ставке, концентрировав огнеприпасы для удара по революционной Москве.

Об этом говорит следующий документ.

Господину Комиссару Военно-Революционного
Комитета Мызо-Раево.

На Раевской ветке имеются следующие вагоны для переотправки.

На ст. Фрязево Нижегор. ж. д. заводу Второва В"стаканы[1] . . . . . 26 ваг.
На ст. Бескудниково с подачей на ветку Гаша-Лианозовскому отделу пикринов. кислоты . . . . . 54 ваг.
На ст. Москва — Казанск. ж. д. Сортировочная с подачей на лабораторную ветку 3-дм. гран. снар. б/вур. . . . . 21 ваг.

Засланные.

На ст. Серебр. Бор, Окружн. ж.-д., на военное поле
45 *мм* снаряды . . . . . 11 ваг.
3" винтовки . . . . . 9 »
Гильзы с зарядами . . . . . 1 »
45 *мм* заряды . . . . . 1 »
Артиллерийская упряжь . . . . . 1 »
На ст. Одессу ленты Максим . . . . . 1 »
» » Кременчуг — заряды к 60 ф. снарядам . . 1 »
» » » 8 дм. гауб. снаряды . . . . 1 »
» » Москва Сев. ручные гранаты . . . . . 2 »
45 *мм* гранаты . . . . . 15 »
120 *мм* снаряды . . . . . 30 »
Без документов 3" винтовки . . . . 1 »

8 ноября 1917 г. Прапорщик Жуковский.
Раевская ветка.

Дальше идет приписка рукой т. Стефашкина:

«Все вышеуказанное было на ст. Лосиноостровской. Мною сейчас были приняты меры разослать по принадлежности, т. е. где какие припасы хранятся, на каких складах. Стефашкин»[2].

Таким образом к началу Октябрьского переворота противник оказался достаточно вооруженным, и все это оружие не только оставалось у него, но еще количественно увеличилось. Кроме того, Временное правительство принимало все меры, чтобы сконцентрировать довольно большое количество пулеметов, винтовок,

---

[1] Стаканы от снарядов.

[2] Из архива Мызо-Раевского огнесклада.

ручных гранат и т. д. в юнкерских военных училищах, школах прапорщиков и в более «надежных» частях гарнизона. Оно разоружало революционные, «ненадежные» части, отбирало у них гласными и негласными распоряжениями пулеметы и винтовки и отправляло их в юнкерские школы. Например, тяжелые артиллерийские мастерские были разоружены полностью, «двинцы», выпущенные перед восстанием из тюрьмы, также были разоружены еще в Двинске, другие революционные части были разоружены на 70 процентов.

IX. КРАСНАЯ ГВАРДИЯ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ.

1. ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА ВНАЧАЛЕ БОЕВ.

Затяжной характер, который приняли бои в Москве, объясняется, с одной стороны, нерешительностью действий и оппортунизмом большей части Военно-революционного комитета, который, учитывая обнаружившуюся вначале восстания пассивность некоторых воинских частей, совершенно недооценил организационной силы партии большевиков и революционного энтузиазма, охватившего рабочие массы. С другой стороны, затяжной характер боев объясняется также упорным сопротивлением и боевыми действиями контрреволюционных сил.

Нерешительность тактики Военно-революционного комитета особенно ярко выразилась в сдаче Кремля вначале боев, в попытках заключения перемирия с юнкерами 29 октября и в колебаниях по вопросу об артиллерийском обстреле юнкеров.

Правые эсеры и большая часть меньшевиков, как известно, оказались по ту сторону баррикад.

Лишь незначительная часть левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов была на нашей стороне. Но их роль в общем была довольно пассивной.

Некоторые эпизоды тех дней показали, что для многих, называвших себя даже «интернационалистами» и по отдельным вопросам уже склонявшихся на нашу сторону, все же методы вооруженной борьбы были чужды и неприемлемы. Так, например, при занятии мною во главе отряда Красной гвардии здания Московского совета с целью охраны Военно-революционного комитета 26 октября я наткнулся на сопротивление секретаря Моссовета, меньшевика-интернационалиста, заявившего, что Моссовет является местом... экстерриториальным, и потому он не допустит туда Красную гвардию. Другое недоразумение произошло у меня там же 26 октября вечером, с казначеем Моссовета (также интернационалистом), который «по

чисто формальным соображениям» хотел отказать в выдаче денег на снабжение продовольствием отрядов Красной гвардии и после долгих переговоров все же пытался ограничить размеры этих выдач. Пришлось ему разъяснить, что вооруженное восстание не может быть связано какими-либо формальностями.

Колебания в Московском комитете и во фракции Московского совета особенно увеличились после того, как тт. Каменев и Зиновьев, испугавшись надвигающейся пролетарской революции, сбежали со своего боевого поста, объявив об этом в мелкобуржуазной газете.

Колебания в нашей фракции Московского совета касались главным образом вопроса об отношении к коалиционному штабу Красной гвардии. Некоторые товарищи, которые перед Октябрем во всех выступлениях в МК и во фракции Московского совета отстаивали идею вооруженного захвата власти и принимали участие в подготовке вооруженного восстания, стояли за совместную работу с коалиционным «Главным штабом». Так, на заседаниях работников Военного бюро МК и руководителей Красной гвардии кто-то, помню, отстаивал необходимость коалиционных или паритетных начал в работе Центрального штаба Красной гвардии и «Главного штаба», исходя из тактических соображений: дескать, таким путем удастся воздействовать на те массы, которые частично шли за эсерами и меньшевиками. Другие же руководители Красной гвардии воспротивились этому требованию, утверждая, что массы политически вполне подготовлены большевиками, а колебания имеются только у мелкобуржуазных интеллигентов, служащих и т. д. Мы заявляли, что ни на какие соглашения по вопросу о формировании коалиционного штаба мы пойти не можем, что такие уступки дадут лишь возможность эсерам и меньшевикам вносить путаницу в сознание рабочих по вопросам революционной борьбы.

26 октября 1917 г. городская дума во главе с Рудневым и в согласии с эсеровско-меньшевистской частью Исполкома Совета солдатских депутатов перенесла в свое здание свой боевой орган—Комитет общественной безопасности.

Объединив все офицерские организации, насчитывавшие к тому времени около 25 тысяч человек, с военными училищами и шестью школами прапорщиков, численностью около 12 тысяч человек, контрреволюционный штаб получил в свое распоряжение около 40 тысяч хорошо обученных бойцов. Кроме того, к нему примкнуло 70-80 процентов студентов высших учебных

заведений, сформированных в студенческие отряды и роты. Таким образом у контрреволюции была достаточно солидная боевая сила. Белогвардейцы действовали по всем правилам военной стратегии, окружив центр тремя кольцами. Под конец к ним примкнули еще гимназисты в качестве разведчиков, бойцов и санитаров. Установить точно количество примкнувших к контрреволюции студентов и гимназистов трудно, но приблизительно их было 7-8 тысяч, не говоря уже о поддержке самой буржуазии, которая всяческими путями и средствами активно помогала контрреволюции.

Пока в Военно-революционном комитете шли дипломатические переговоры и препирательства, Рябцев стянул к центру юнкеров и казаков. К юнкерам примкнуло черносотенное офицерство. Отказалась воевать против народа лишь 1-я юнкерская школа, состоявшая из бывших солдат-боевиков. Зато школы, состоявшие из бывших студентов, проявляли особенно зверское настроение.

Весь центр города, кроме части Тверской улицы, был в руках юнкеров. В руках юнкеров были также трамвайная, электрическая и телефонная станции (кроме Замоскворецкой). Военно-революционный комитет таким образом сразу оказался почти отрезанным от районов. Районы, плохо связанные между собой, часто не знали, что делается в центре, и им пришлось вынести на своих плечах всю тяжесть борьбы.

Оторванность центра от районов (связь кое-как поддерживалась только через Страстную площадь) подвергала его ежеминутно опасности разгрома. Юнкерские броневики появлялись на самой Советской (бывшей Скобелевской) площади. Бывали моменты, когда казалось, что центру только и остается, что бежать. Это сильно отражалось на настроении членов Военно-революционного комитета, делало их склонными к переговорам о перемирии и к уступкам.

Совсем иное настроение наблюдалось в районах. Правда, в первый день вооруженной борьбы замечалась вялость—заводы частично работали, и Военно-революционный комитет сделал крупную ошибку, не призвав их к всеобщей забастовке. Но это было только в самом начале выступления. Рабочая и солдатская масса быстро раскачалась и смело вступила в бой с контрреволюцией.

Из сохранившихся документов ЦВРК привожу сводку, составленную к началу боев.

«668 дружина. Настроение прекрасное. Выступят 200 человек (резерв—стрелки). Есть лишние винтовки. 15 автомобилей в О. [1] СП. 1886 г.

Автомобильное сообщение с центром. Создается штат инструкторов, которые будут ездить в слабые районы. Решено предложить ВРК допустить туда с правом совещательного голоса нашего представителя. Устроить заседание с членом ВРК 28 в 11 ч. утра. Ежедневно собираться в 3 ч. вечера.

Обращение к рабочим—не собираться на улицах, а к остальному населению—приказ. Об уличных собраниях по ночам, погромных собраниях. Погромные собрания разгонять и днем. Пустить патрули по улицам на усмотрение каждого комиссара.

Рябцев поставил ультиматум о роспуске центра. Если не исполнят, будут открыты действия.

500 городов присоединились (Киев, Харьков). Черноморский флот—наш, Балтийский—наш. Северный фронт—наш. Центрофлот колеблется. Железнодорожники колеблются.

Конфисковать запасы спирта. Обход ночных чайных. Закрытие кофеен. За торг спиртом арестовывается владелец и ставится свой приказчик. Военно-Революционный Комитет организовал автом. отдел тел. 3-17-08, 64-20, доб. 19, заведывает Рогов. С союзом шоферов трения. На телеграфе цензоров при комиссаре создать... парламент, телефон 64-20, доб. 3, адъютант Штаба Берзин. Сейчас из Кремля вывезти оружие трудно. Нет надежд на оружие сейчас. Караулами ведает подпр. Ершов (64-20, доб. 3).

Комиссия по снабжению населения тканями: ею выставляются агенты торговой инспекции. Их наметить в районах. Будет телефонограмма. Вчера Николаевск. телеграф не передает больше депеши в Питер, ни из Питера. Викжель большевики предложили заменить [занять?] солдатами. Пошли занимать. Но Викжель занял двусмысленную позицию, телеграфисты заявили, что испортят телеграф в случае занятия войсками.

Заявление Берзина [2]: ночью предполагается окружить Кремль. О продов. 55 п. п. О.... О собрании студентов. Получено сообщение, что Викжель образовал пятерку, в том числе Рязанов. Затем пятерка вышла, остался Рязанов. Несогласные переезжают в Москву.

Электрич. освещ. стратегия. Цели. О военных операциях. Связь с Кремлем.

Связь с полковыми комитетами.....части. Контроль и в свои руки милицию, почту, телеграф. Инструкция. Весь район в боевом порядке. Союз милиционеров—все чины милиции находятся в полном подчинении Военно-Революционным Комитетам. Союз дает Советам телефон. Занимать комисс. или ставить с ним контролеров. При назначении считаться с пожеланием милиционеров. При каждой воинской части представитель. Информация. Связь с Советами. О продовольствии. В контакте с районными думами, советами назначать комиссаров. Реквизиция пищевых продуктов через центр. Комиссары создают себе помощников, которых присылают в центр для доклада в комиссию по организации районов Военно-Революционного Комитета.

В распоряжении милиции Красная гвардия. О военной силе обращаться в центр, 62-20, доб. 20 и 25» [3].

---

[1] „Общество, основанное в 1886 г."

[2] В документе сказано ошибочно «Берлина». *Я. П.*

[3] Из архива ВРК, Центроархив, д. № 21/4.

Из этого документа видно, что Военно-революционному комитету было известно, что «ночью предполагается окружить Кремль». Кроме того выявляется и второй важный момент, что соглашательским Центральным Военно-революционным комитетом предполагалось Красную гвардию «передать» в распоряжение... милиции, которая в своем громадном большинстве была опорой Временного правительства.

К этому же периоду относится и вторая сводка, являющаяся кратким перечислением происходивших событий перед октябрьскими выступлениями в районах.

«1. Команда 85-го полка. В.-Рев. Комитет предлагает взять на станции Кожухово бронев. автомобиль в распоряж. В.-Рев. Комитета, для чего необходимо командировать 200 человек.

2. Сделать расписание постов т. Штродаху.

3. Караул в почте и кар. начальников.

4. В.-Рев. Комитет поручает ком. 85 полка под нач. Штродаха взять в авиацион. парке необходимое число пулеметов и патр. в распоряжение В.-Рев. Комитета.

5. Аркадий Павлович Розенгольц, комн. 33, доб. 46, Мамонтов.

6. В Замоскворецк. район. совет требуют 3 шоферов. Можно взять во 2-й школе шоферов, телефоны 4-73-53, 5-77-78. Адрес Совета: Калуж. площ., рестор. быв. Полякова.

7. 1 груз.—для двинцев, 3 груз.—пр. Штродаху, отпущены, в расходе.

8. Ив.-Возн. запрашивает, по нашему ли приказу выслана в Ив.-Возн. из Щуи украинская рота.

9. Тов. Будзинскому с 2 ротами 55 пол. сменить караул 193 полка. Выяснить состав рот 55 п.

10. Прибыло 240 шт. снарядов со скл. Мыза Раев., ручные гранаты можно достать в Симон. слободе.

11. В «Дрездене» есть 8 свободных комнат. Можно занять.

12. В Кремле 3 автомоб. нагружены оружием. Автомоб. Пресненск. района Красной гвардии и двинцев. Нужно распоряжение Революционного Комитета на вывоз.

Ок. Вооруженных солдат. Вызвать пр. Янушевского, узнать в Президиуме Совета 192-й полк 55 полк.

5-29-56 из кв. 24, Борис Конст. Чинчинадзе» [1].

Таким образом данная сводка подтверждает связь ЦВРК с Кремлем уже после нагружения трех автомобилей оружием. Оказывается, комендант арсенала Кремля, т. Берзин, допустивший нагрузить три автомобиля оружием, не имел права их выпустить из Кремля без особого на то распоряжения ЦВРК.

Подготовка Москвы к Октябрьским событиям отражалась и на состоянии окружающих ее городов и уездов, что видно из нижеприводимой сводки в Военно-революционном комитете.

[1] Из архива ВРК, Центроархив, д. № 4.

Сводка из провинции [1]

Орехово-Зуево. С 25 все во власти Советов. 28 из Владимира и Покрова пришло 100 солдат. Могут прислать вооруженных людей. 29 октября из Александрова будет послано 800 солдат в полном снаряжении от 197 пех. запасн. полка.

Тула. Арсенал занят нашими войсками... 150 тыс. винтовок, 500 пулеметов. Высадились 23 вагона казаков. Могут прислать оружие. Орел. Власть в руках пятерки. Все части на стороне большевиков, за исключением Учебной Команды 203 пехотн. полка. Железнодорожники на нашей стороне. Рязань (... и Богоявленскому) 3 полка... в распоряжении Р. К. 3 полка в уезде в Зарайске, Скопине и Егорьевском на стороне Р. К. Могут дать вооруженную помощь (2000, 500, 600 винтовок)... 29 и 25... войска берутся самое раннее в четверг к вечеру выдать. Могут прибыть. Настроение выжидательное. Рев. Ком. из 8 т. и по 2 для связи от каждого полка. Всего около 12—15. Все спокойно. 3½ Леф. район 1 зап. полк т. Стефановский доносит, что, вступив в командование полком, был комиссаром с 8 до 12 часов дня 29 октября, с 12 часов получилось двоевластие в лице полкового к-та и даже отдельных членов такового (есть документальные данные, говорящие за захват и преувеличение своей роли членом полкового комитета прапор. Т., агитирующего против Рев. К-та и не признающего такового). Хлеба не было в запасе. Людей и оружия не было—первые были в Совете С. Д., второе находилось в Лефортовском Р. С. Р. Д. В 4 часа дня созвано по инициативе председателя П. Н. (Полкового Комитета) общее собрание рот и полк. к-тов, причем бесцветная и колеблющаяся резолюция признала меня комиссаром, но утром П. К., еще чувствуя силу, был против меня, что и заставило меня сложить полномочия, чтобы действовать рядовым бойцом; арестован домашним арестом полковник... и сын его, п. Сок разоружены офицеры. К вечеру сегодня инженерные склады находились в моих руках. Завтра в 9 часов утра назначено собрание для выборов Революционного К-та. М. Стефановский.

Из Владимира 1/XI. 9 ч. 30 м. Из Нижнего Новгорода ночью на 2-е должна прибыть революц. артиллерия. Из Владимира—эшелон революц. войск. Из Шуи тоже часов около 4 дня. Из Шуи выехали. Во Владимире есть радиотелеграмма «Реврат», связь, ключ к шифру, пароль для войск и др. Для станции 3 слухачей. Артиллерия едет без артиллеристов» [2].

2. ХАРАКТЕРИСТИКА РУКОВОДСТВА ВНАЧАЛЕ ОКТЯБРЬСКИХ БОЕВ.

Так развиваются связи провинции с Военно-революционным Комитетом, установленные ранее Центральным штабом Красной гвардии. Таковы отдельные моменты обстановки вначале октябрьских боев.

В первые дни восстания выявилась исключительная инициатива районов. Военно-революционным комитетом был издан при-

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/3.

[2] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/3.

каз быть готовыми и держаться выжидательного положения. Но штаб белых уже концентрировал все свои боевые силы, занимая стратегические пункты. Местами уже происходили вооруженные столкновения с юнкерами. Такие действия белых крайне возмущали рабочих и Красную гвардию, результатом чего явилось выступление Красной гвардии и революционных солдат, не дожидаясь боевого приказа Военно-революционного комитета.

Инициатива мест выразилась также в захвате всех складов вооружения, находившихся в районах. Наплыв рабочих, требовавших оружия, был так велик, что оружия не хватало. Пришлось помимо ВРК командировать в Тулу на грузовых автомобилях отряд красногвардейцев, которые привезли оттуда 15 грузовиков разного оружия и в частности пулеметов. В таких действиях нас поддерживали кандидаты ВРК, т. Усиевич и т. Ведерников.

Таким образом уже в самом начале боевых действий обнаружились нерешительность и «хвостизм» руководства со стороны большинства Военно-революционного комитета.

Задача руководителей Красной гвардии, входивших в состав ВРК и составивших его боевое ядро, заключалось в непосредственном руководстве восстанием. Поэтому тт. Штернберг, Маленков, Петров, Зимин, Сентябов, Добрынин и другие, за исключением тт. Усиевича и Ведерникова, введенных в ВРК, отправились на места, в районы, где и стали практически проводить в жизнь разработанный ранее совместно с Московским комитетом партии большевиков план выступления. На первое время работа сводилась к постройке баррикад, рытью окопов и захвату транспорта.

После ультиматума Рябцева Военно-революционный комитет начинает подготовку к боям и издает следующий приказ за № 271/в.

«Районным комиссарам г. Москвы. По приказанию Военно-Революционного Комитета все вооруженные красногвардейцы должны быть в полной боевой готовности. Невооруженные должны немедленно следовать к совету в распоряжение Военно-Рев. Комитета.

Член Военно-Рев. Комитета А. Ведерников.
За секретаря (подпись)» [1].

Этот приказ явился результатом некоторого обмена мнений. Вначале был послан приказ о посылке всех вооруженных

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/3.

частей в центр. Члены Центрального штаба Красной гвардии оспаривали это распоряжение, так как рабочие не имели достаточного количества оружия, затем такой распорядок нарушал наш предварительный план всеобщего выступления, который вкратце заключался в следующем.

«Общий план революционной армии.

1) Все военные действия направляются к одному центру.

2) Роль районов заключается в планомерном стягивании к центру своих военных сил. Сепаратные операции предусматриваются, поскольку они не нарушают общего плана.

3) Не упускать из виду, что тылы будут для районов небезопасны и что может явиться возможность операций революционной армии всей страны.

4) Действия решительные и энергичные.

5) Наивозможно меньшее пролитие крови.

6) Охрана безопасности населения» [1].

Вооруженные силы в районах мы уже распределили по местам, дав им задание срочно привезти оружие из огнескладов Мызо-Раева, Симоновского, Кремля и других, чтобы вооружить всех красногвардейцев, не имеющих еще оружия. Послать невооруженных рабочих в центр, как этого требовал другой приказ, мы не могли, так как уже начались боевые действия и юнкера могли их арестовать и расстрелять. Поэтому приказ исполнялся условно (по возможности), и в центр из районов было послано в этот период небольшое количество вооруженных и невооруженных рабочих, всего около 15 тысяч человек со всех районов.

После того как мы из Замоскворецкого района отправили часть вооруженных людей в центр, Красная гвардия пошла в казармы войсковых частей согласно плану, разработанному в ночь с 25 на 26 октября в гостинице «Дрезден». На этом заседании Центрального штаба были предусмотрены мероприятия на случай, если ВРК будет колебаться или проявлять нерешительность при выступлении. Для того чтобы подталкивать ВКК к более решительным действиям, у нас было решено через Красную гвардию и воинские части всех районов буквально засыпать ВРК требованиями на оружие. Но в то же время мы великолепно знали, что от ВРК требуемого количества оружия нам не получить, этого мы и не ожидали, наша цель была только заставить ВРК раскачаться под давлением революционных масс. На местах же проявлялась серьезная самостоятельная работа по вооружению из

[1] Из документов ЦВРК, Центрархив, д. № 21/1.

организованных уже перед началом выступления пунктов на огнескладах и в арсеналах.

Бои с юнкерами начались со столкновений на Красной площади и сражений в Сокольническом районе, когда мы вывозили транспорт.

В авиационном парке мы, забрав пулеметы и ручные гранаты, отправили их в Военно-революционный комитет, беря его под охрану, расставляя на улицах пикеты и т. п. Все казармы и все военные части были приведены в боевую готовность. Красная гвардия проводила по заводам Москвы мобилизацию своих боевых сил.

На ультиматум Рябцева районы очень мало обратили внимания. Ультиматум не только не мог предотвратить гражданскую войну, но как раз наоборот—он являлся объявлением войны против советов.

Замоскворецкий районный комитет большевиков на ультиматум Рябцева ответил, например, следующей статьей в листке «Социал-демократа», издававшемся Замрайкомом.

Ультиматум Рябцева.

Вчера Военно-Революционный Комитет получил ультиматум полковника Рябцева.

Рябцев, который не так давно клялся, что он не пойдет против «левой части демократии», предательским образом нарушил свои клятвы.

Его ультиматум Революционному Комитету гласил:

«Революционный Комитет должен распуститься, сдать Кремль, а его полки должны сдать оружие, взятое в арсенале». Это наглое требование полковника означает начало гражданской войны против Советов.

Калужский Совет был разгромлен разбойниками Керенского. Теперь хотят разгромить один из важнейших опорных пунктов революции—Московский Совет, разбить силы московского пролетариата» [1].

Вслед за этим полковник Рябцев опубликовывает «Приказ Московскому военному округу за № 1483» от 27 октября 1917 г.

«В дни великих событий, когда, благодаря попыткам меньшинства навязать волю большинству народа, может поставиться на карту самое существование государства и всех завоеваний свободы,—я, в полном сознании величайшей ответственности, дабы избежать раскола в рядах революционной демократии и тем не дать торжества реакции, издал приказ, призывающий не подымать междоусобицы и гражданской войны. Но и этот приказ и все искренние попытки ввести новый государственный кризис в

[1] Листок «Социал-демократа» от 29 октября 1917 г., изд. Замоскв. районн. ком. РСДРП (больш.).

русло той политической борьбы, которая протекала бы в условиях сохранения наибольшей безопасности и внутреннего порядка, столь необходимого для спасения страны, не приводят к желательному результату.

Возникший Военно-Революционный Комитет, действующий только от одной крайней политической партии, вносит и внес уже раскол не только между воинскими частями, но даже внутри своих частей (подчеркнуто мною. *Я. П.*). Вызванный этим раздор грозит ежеминутно превратиться в анархию и неизбежную и уже неотвратимую гражданскую войну, так как движение покатилось уже даже и через голову этого комитета (подчеркнуто мною. *Я. П.*).

Созданный в Москве при Городском управлении Комитет Общественной безопасности также принял все меры к недопущению гражданской войны, но в то же время, когда одна сторона делала все, чтобы избежать войны, другая явно готовила оружие и принимала все меры к подготовке.

В полном согласии с Комитетом Общественной безопасности предпринимаю последнюю попытку избежать гражданской войны, не допустить братоубийства. Объявляю округ на военном положении. Приказываю всем частям выполнять только мои приказы. Возникший в Москве Военно-Революционный Комитет немедленно должен быть ликвидирован, все приказания, идущие от какой-либо организации, незаконны и исполнению не подлежат.

В каждом гарнизоне сейчас же подготовить часть войск, верную революции и правительству, выбранному свободным волеизволением народа, а не захватным правом, и по первому же требованию выслать ее в Москву.

Действующая армия через свои фронтовые организации выражает свой энергичный протест против захвата власти и посылает свою помощь Петрограду, где уже взята Гатчина, и Москве.

Все сопротивляющиеся этому приказу будут рассматриваться как противники страны и ее законной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах и командах.

Командующий войсками Московского Военного Округа полковник Рябцев».

К вечеру 26 октября вооружаются красногвардейцы на заводе Михельсона. Они взламывают деревянную стену заводского здания и, к удивлению и ужасу администрации и служащих завода, вынимают из стены 135 новеньких трехлинейных винтовок и 23 ящика патронов к ним, а затем достают гранаты собственного производства. На следующий день из общего числа 160 заводских винтовок 100 винтовок передаются «двинцам», которые находятся в резерве на заводе Михельсона.

Часть Красной гвардии Замрайона стягивается штабом района на Калужскую площадь, откуда вечером посылается четыре патруля по 10 красногвардейцев к мостам: 1) к Крымскому — десяток Варшавского арматурного завода, расположенного у Крымского моста, 2) к Большому Каменному, 3) к Москворецкому

и 4) к Устинскому—десяток фабрики «Проводник». Кроме того, один патруль посылается на Серпуховскую площадь—к студенческой столовке на Малой Серпуховке, где помещается Ревком, и к Коммерческому институту на Стремянном переулке.

Получаются сведения об ультиматуме Рябцева. Район переходит на военное положение. Начинаются боевые действия.

25 октября—также и в остальных районах—в Хамовниках организовался Военно-революционный комитет в составе тт. Лы-

По заводам Красной гвардией вынимаются из хранилищ и приводятся в боевую готовность заготовленные ручные гранаты.

сова, Юревича, Ангарского, Соловьева и Саврасова. Чрезвычайным комиссаром Хамовнического района Военно-революционный комитет после сдачи Кремля 28 октября назначает т. Ярославского.

В Хамовническом районе с утра 26 октября выставляются посты красногвардейцев по 10 человек на Крымской площади, на Зубовской, на Смоленском бульваре, близ Сенной площади, на Стрелке и на Плющихе близ Девичьего поля для задержания «всех, кто будет появляться близ Ревкома» (находящегося в д. 13

по Большой Царицынской улице) без разрешения. Задерживали вообще по всему району и задержанных доставляли в Ревком. Так как вооружения в районе собственно не было, то вооружаться мы начали путем разоружения офицеров.

«Война не была объявлена, но военные действия развертывались,—пишет в своих воспоминаниях т. Ангарский.—Патрули арестовывали и вели в совет всех военных, по внешнему облику похожих на офицеров, военных врачей, отставных генералов и пр.

На ультиматум Рябцева ультиматум Красной гвардии.

Дорогомиловский совет также 25 октября выбирает свой ревком в составе тт. Фаслер, Близ, Шломан, Меднис и Панова. Меньшевик Кобинков от имени соглашательского Исполкома пытается закрыть совет, но его «выставляют» и отбирают у него наган.

Хамовники, имеющие небольшие силы, не могут помочь Дорогомиловскому району и потому приказывают дорогомиловским «красногвардейцам» и Ревкому влиться в Хамовники.

Утром 26 октября тт. Федосов (начальник гвардии в Дорогомилове, беспартийный рабочий), Панов и Панченко, «не мирясь с постановлением Хамовников, организуют самостоятельный Рев-

ком. Создастся комиссия для конфискации оружия на Брянском вокзале у проезжих офицеров. Отобрали 12 револьверов и 1 винтовку»[1].

Ультиматум Рябцева в Хамовниках и Дорогомилове также послужил сигналом к боевым действиям.

Замоскворецкий ревком в студенческой столовке на Малой Серпуховской 26-го делал последние приготовления к бою. Красная гвардия была уже приведена в боевую готовность. Воинские

Один из окопов у Алексеевского юнкерского военного училища, занятый Лефортовской Красной гвардией.

части также приготовились, но еще находились в казармах. Распределялись последние берданки между красногвардейцами, к каждой давалось по 5 патронов. Райком нашей партии, находившийся в столовке, беспрерывно заседал.

Были получены сведения, что в Коммерческом институте на Стремянном переулке собралось студенчество, только что вооруженное эсеро-меньшевистской городской думой. Эти студенты под руководством офицеров-инструкторов предполагали разгромить столовку, а затем ударить по тылу восстающего рабочего района. Патруль красногвардейцев, высланный районным штабом Красной гвардии с Калужской площади к Коммерческому

[1] Из воспоминаний тт. Федосова, Фаслера и Карпова.

институту, зашел в студенческую столовку, откуда под командой т. Вакса пошел в разведку к Коммерческому институту. Не доходя института, на Большой Серпуховской улице, наша разведка встретилась с разведкой студентов. Наши легли и первые открыли огонь. Студенты отвечали, но неудачно. Один из них лежал убитый, два были ранены. Офицер-инструктор и три студента были взяты в плен. Остальные разбежались [1].

Военно-революционный комитет перешел из серпуховской столовой в помещение ресторана Полякова на Калужской площади. Штаб Красной гвардии, пополненный новыми работниками, посылает отряд красногвардейцев в центр.

Из всего описанного мною видно, что в начавшейся борьбе за власть советов решающее значение имела инициатива низов, т. е. самих рабочих масс, под руководством нашей партии и при непосредственном участии Красной гвардии и тех революционных солдат, которые пошли бок-о-бок с Красной гвардией.

3. ВООРУЖЕНИЕ КРАСНОЙ ГВАРДИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

Красная гвардия вначале октябрьских дней имела около 900 винтовок (в том числе около 400 берданок и некоторое количество «итальянок»), около 9 тысяч револьверов разных систем, преимущественно средние и большие браунинги, затем наганы и около 200 маузеров. Революционные части московского гарнизона имели всего не более 5 тысяч винтовок с очень ограниченным количеством патронов. Легкая артиллерийская бригада, находившаяся на Ходынке, почти на три четверти своего состава была за поддержку большевиков.

На артиллерийскую помощь до перехода арсеналов в наши руки мы могли рассчитывать однако в небольших размерах, так как у артиллеристов не было достаточного количества снарядов. Тяжелая артиллерия, находившаяся в селе Богородском, стала активно участвовать только с 30 октября, когда тт. Переверзев и Блохин ее вывели в бой. Крупной боевой силой являлись Мастерские тяжелой артиллерии, где работало около 3 тысяч рабочих и разоруженных временным правительством «ненадежных» солдат. Там ремонтировалось около 400 орудий, от трехдюймовых до шестидюймовых включительно. Из этого количества

[1] Из тех же воспоминаний.

мы могли рассчитывать на 60 орудий разного калибра, которые секретно были приведены в боевую готовность. Были произведены усиленные ремонты, подобраны соответствующие замки и отысканы тракторы, которые могли бы в требуемый момент вывезти орудия на позиции. Но для орудий Мастяжарта у нас не было ни одного снаряда. Так обстояло у нас с артиллерией.

Отсюда видно, что приведение в боевую готовность имеющихся орудий полностью находилось в зависимости от захвата в наши руки арсеналов, огнескладов и всего транспорта, который должен был доставить снаряды для орудий. Эта задача планом Центрального штаба Красной гвардии была намечена как одна из основных задач начала восстания.

Накануне восстания Центральным штабом Красной гвардии была проведена работа, связанная с вооружением. Уже вечером 25 октября мы приступили к реквизиции всех видов транспорта. Так, например, мы вывели 17-ю автомобильную роту с грузовиками. Около 30 грузовиков в ночь с 25 на 26 октября прибыли к Московскому совету под вооруженной охраной Красной гвардии. Все это делалось без санкции ЦВРК, но с ведома части членов МК. Вследствие этого, когда вооруженные грузовики в 4 часа прибыли к совету, там получился переполох. Нас за «самочинные» действия т. Смидович и другие члены ЦВРК выругали, хотели грузовики послать обратно, но мы этому категорически воспротивились. Два грузовика членами Центрального штаба Красной гвардии были отправлены в склад авиопарка за пулеметами, остальные же на площади ожидали пулеметов. Ордер на получение пулеметов после настойчивых переговоров членов Центрального штаба Красной гвардии был подписан членом ЦВРК т. Смидовичем.

Такая же работа была проделана т. Эссеном с автогаражем манежа. Тов. Эссен вывел грузовики и легковые машины в более надежное место, чем манеж, и имел их под своим наблюдением и охраной.

Для того, чтобы привести в боевую готовность 2-ю автомобильную роту, мы обратились к т. Блохину, являвшемуся в этой роте представителем МК и Военного бюро. На наш вопрос, может ли он вывести свою роту, т. Блохин обещал весь транспорт 2-й автомобильной роты привести в боевую готовность по нашему плану, который был ему сообщен.

Эта работа имела общемосковское значение и была проведена непосредственно Центральным штабом Красной гвардии. Наравне

с этим в районах проводилась такая же работа в местном масштабе, и там по всем заводам были немедленно мобилизованы грузовики и легковые машины, мотоциклетки и т. п., а также были реквизированы частные автомобили.

Ввиду изданного ВРК приказа о выжидательном положении и запрещении выдачи оружия районам из арсеналов без его разрешения мы свой план по немедленному вооружению Красной гвардии и революционных войск полностью в жизнь провести не могли. Но как только с падением Кремля кончилось выжидательное положение, наш транспорт немедленно был брошен на вывозку оружия из арсеналов и вооружения всей Красной гвардии и революционных воинских частей.

Здесь необходимо отметить, что распоряжение ЦВРК о том, чтобы выдавать оружие районам и революционным войсковым частям только с разрешения ЦВРК, соблюдалось комиссарами арсеналов и огнескладов только, примерно, до 28 октября. Причинами этого неподчинения явились бездеятельность ЦВРК в области вооружения Красной гвардии и революционных солдат и категорические требования районных Военно-революционных комитетов и революционных масс рабочих и солдат выдать оружие в связи с активными и решительными действиями белогвардейцев. Особенно ярко и почти стихийно это проявилось после сдачи Кремля и расстрела белогвардейцами солдат 56-го полка. Этот факт сдачи Кремля, наиболее ярко обнаруживший губительную для дела революции соглашательскую тактику ЦВРК, вызвал очень большое недовольство, вплоть до того, что на местах неоднократно угрожали разгоном ЦВРК. Решающую роль в срыве соглашательской и губительной политики ЦВРК сыграла ленинская часть Московского комитета, в частности тт. Бухарин, Ольминский, Владимирский, Штернберг, Усиевич, Маленков и др., а также большинство членов районных комитетов и вся московская организация большевиков. Получив известие о том, что в ЦВРК полная растерянность, что руководство ЦВРК ведет к гибели революции, эти ленинцы все руководство МК перенесли в районы, главным образом в Замоскворецкий (где работали тт. Бухарин, Ольминский, Землячка), Лефортовский и Городской. Было решено развивать самые решительные действия во всех районах Москвы с направлением «на центр». После этого, т. е. с утра 28 октября, весь мобилизованный нами транспорт с вооруженными красногвардейцами был двинут во все находившиеся под нашим влиянием арсеналы и огнесклады, и началось еще

небывалое, неописуемо быстрое и энергичное вооружение Красной гвардии и революционных солдат.

Сохранившиеся архивные документы о вооружении (см. приложения) Красной гвардии и революционных войск, сами по себе весьма любопытные, далеко не дают еще полной картины вооружения. Так, например, мне известно, что 39 вагонов захваченных нами винтовок в районе станции Гжатска были привезены на станцию Казанская-товарная и распределены по районам без особых формальностей.

В приводимой в приложении сводке о количестве отпущенных снарядов из Мызо-Раева, например, Мастяжарту, отсутствует целый ряд требований. Так, например, мною и другими членами Центрального штаба Красной гвардии без формальных требований и только по распискам в книге было получено из Мызо-Раевского склада большое количество вооружения. За мною и другими членами Центрального штаба Красной гвардии по этому складу числилось около 2500 снарядов, несколько тысяч ручных гранат и сотни тысяч патронов. О снятии с учета этой недостачи т. Стефашкин, комиссар склада, ставил впоследствии вопрос на заседании президиума Моссовета.

В сводке по складу Мызо-Раева также не числятся взятые Центральным штабом Красной гвардии шестидюймовые снаряды, полученные Мастяжартом для обстрела Алексеевского военного училища.

Вполне понятно, что во время боев нельзя было считаться с такой чиновничьей мелочью, так как от быстроты и натиска в значительной степени зависела наша победа.

Ниже воспроизводим текст ряда документов-«требований», по которым отпускались боевые припасы для революционных частей.

№ 14. Тов. Стефашкин.

Прошу выдать 20 ящиков таких же снарядов. Только пять ящиков гранат.

Размер 42-линейные.

29/X—17 г. Воен. Комиссар Мастерской Тяжел. Арт.

(подпись).

Выдано (подпись).

за

(Две печати Моск. Маст. Тяж. и Осадн. Артилл.)

Получено 25 ящиков «42» снарядов

Василий Мосягин.

№ 17.

Приказ.

Члену Комитета, товарищу Дунецкому, отправиться в Артиллерийский склад Мызо-Раева за получением снарядов для сегодняшней стрельбы по образцу тех же снарядов, которые были получены 28 сего октября, что подписью удостоверяется.

29 октября 1917 года, гор. Москва
Комиссар Штаба Московской Мастерской
Тяжелой и Осадной Артиллерии Фирсов.

(Печать Маст.
Тяж. и Осадн.
Артилл.

Исполнено (подпись).

№ 19.

Приказ.

Товарищ Берчуков, поручено Вам отправиться в Мызо-Раевский гарнизон и артиллерийский склад за получением снарядов к 42-лин. скоростр. японск. пушкам, 30/X.

Комиссар Московской Мастерской
Тяжелой и Осадной Артиллерии Дунецкий.
25/4 гран. Исполнено (подпись).

(Печать Моск. Маст.
Тяж. и Осадн. Артилл.)

№ 20.

Приказ.

Товарищ Масюченко приказываю Вам с получением сего взять от команд. 2-й роты 12 вооруженных товарищей и отправиться по железной дороге в Мызо-Раевский артиллерийский склад за получением снарядов (гранатных) по образцу 42-лин. скоростр. японск. пушек, взятых вчера.

Перевозочные средства товарищем фельдфебелем помянутого склада вчера были обещаны быть даны от склада при возможности свободных автомобилей Раевского склада. Количество приблизительное взять 20, а при возможности свободы автомобилей 40 ящиков.

30 октября 1917 года. гор. Москва.
За Комиссара Штаба Московской Мастерской [1].
Тяжелой и Осадной Артиллерии Дунецкий.
Исполнен. гранат. (подпись) [2].

(Печать Моск. Маст.
Тяж. и Осадн. Артилл.)

Из этих документов видно, как происходило питание снарядами нашей артиллерии. Таким же порядком снабжались снарядами и патронами все части Красной гвардии и революционных войск, как, например, 1-я артиллерийская бригада, 55-й полк.

[1] Подпись т. Дунецкого в одном документе как «комиссара», а в другом «за комиссара» не имеет существенного значения, ибо во время боев такие мелочи не соблюдались. *Я. П.*

[2] Из документов Центрархива.

Вооружение Красной гвардии и революционных войск происходило также при содействии города Тулы. 25 и 26 октября Центральным штабом Красной гвардии были отправлены на грузовиках около ста товарищей за револьверами и пулеметами на тульские оружейные заводы. Оттуда 28 октября прибыло 12 грузовиков, нагруженных револьверами и пулеметами.

Так во время октябрьских боев вооружались Красная гвардия и революционные войска.

4. ВИКЖЕЛЬ.

(Всероссийский железнодорожный союз).

Викжель, в руководящих органах которого сидели главным образом высшие чиновники железных дорог, телеграфных и телефонных линий, сильно нарушал всю работу революционных организаций на железных дорогах. Красной гвардии в этих условиях, да еще наряду со всякими соглашениями, открытым и скрытым сопротивлением, замаскированным «нейтралитетом», сводившимся на деле к действиям против ленинского крыла большевиков, приходилось очень трудно.

У Викжеля был тесный контакт с Общеармейским комитетом при ставке, с Временным правительством, почтой и телеграфом. В его руках находились фактически все жизненные артерии страны—железные дороги, телефонно-телеграфные сети и т. д.

Во время октябрьских боев Викжель являлся совместно с почтой и телеграфом посредником в переговорах о перемирии с оппортунистической частью наших партийных товарищей, уклонявшейся от решительных действий. В эсеровском документе «Конъюнктура дня» [1] говорится, что нужно «достигнуть соглашения с правым крылом большевизма. Вне этого соглашения нельзя повести за собой массы, являющиеся реальной поддержкой всякой власти». Обанкротившиеся чиновники социалистических партий и Временного правительства, потеряв под собой почву, старались возобновить связь с правым крылом большевизма, т. е. с нашими «коалиционерами». Эсеры конечно не могли не знать, что наши «коалиционеры» также не имеют за собой масс, но им важно было использовать имя «большевиков», чтобы ввести в заблуждение рабочие массы, чтобы хоть в некоторой степени помешать развитию вооруженного выступления. Кроме того, выгадывая своим посредничеством и предательскими переговорами время, они давали возможность Общеармейскому комитету и ставке

---

1 Военно-исторический архив, д. № 2187.

подтянуть свои части на подавление вооруженного восстания. «Коалиционеры» в руках эсеров должны были послужить орудием, единственно для того, чтобы расправиться с восстанием и потопить его в крови. Наряду с Викжелем имелась еще организация работников почты и телеграфа. Отношение этой организации к большевистскому выступлению перед Октябрьским переворотом характеризует следующая телеграмма.

«Исполнительному Комитету Совета Солдатских Депутатов. Совет П[очтово-] Т[елеграфных] организаций Московского узла, объединяющий комитет Московского Округа, почтамта, телеграфа и телефона, в полном контакте с Центральным Комитетом Всероссийского Почтсоюза, убежденный в том, что только Временное Правительство, опирающееся на Временный Совет Российской Республики, полномочно управлять страной до Учредительного Собрания, что только оно может планомерно провести выборы в Учредительное Собрание и, что всякое покушение на прерогативы Временного Правительства являются дерзким покушением на священные права народов Российской Республики,—самым категорическим образом протестует против анархического захвата власти большевистской частью Совета Солдатских и Рабочих Депутатов и в случае надобности одушевленный стремлением отдать всю силу на защиту Временного Правительства и Временного Совета Российской республики, не останавливаясь перед самыми действительными мерами вплоть до полного изолирования преступных групп от всего населения в том случае, если кем-либо будет сделана попытка оказать на п. т. служащих вооруженное давление с целью направления деятельности п. т. учреждений в сторону, противную убеждениям п. т. служащих,—Совет заявляет, что в его распоряжении найдутся средства привести во временную полную негодность п. т. сообщение Московского узла. Председатель Совета Войцехович, тов. Осовский. Председатель объединенных заседаний Миллер, член Центрального Комитета Всероссийского Почтсоюза Деев» [1].

28 октября получается сообщение:

«По узловым телефонным станциям М. З. Сети.

В связи с переживаемым моментом, согласно постановления Объединенного Совета П. Т. служащих Моск. Округа Моск. Узла, все загородные сети закрываются для общего пользования, причем для служебных переговоров дежурства служащих при коммутаторах должны вестись прежним порядком.

Начальник Округа Лиховилов.
За Председателя К-та Петров».

Внизу приписка нашей разведки (карандашом):

«Примите все меры экстренно поставить своих телефонисток, иначе проиграем. Одного введения патруля совершенно недостаточно. Обратите внимание и на загородную Центральную тел. станцию, через нее много вреда!

Передала 28/X 16 дня Дубровина» [2].

---

[1] Военно-исторический архив.

[2] Военно-исторический архив.

Из приводимого документа видно, что в то время когда мы начинали вооруженное восстание, дело связи обстояло у нас скверно. Нерешительность и соглашательство Военно-революционного комитета сыграли здесь немаловажную роль. Рябцев, Руднев и Временное правительство на деле не пошли по пути соглашения, как это воображали наши уважаемые товарищи из социалистической коалиции, а действовали весьма решительно. Занятые нами почта и телеграф были взяты противником обратно, и снова по всей Москве и России связь работала на пользу контрреволюции. Только решительные действия Красной гвардии, согласованные с ленинцами, членами ВРК и МК, привели к тому, что снова нам удалось захватить почтово-телеграфную и телефонную связь.

29 октября Общество Московско-виндаво-рыбинской железной дороги из Петрограда посылает телеграмму:

«Ц. Всем Н. Лн. Лд. Лн. ДС. Всем начальствующим строящих эксплоатирующим дор. правлениям всем професс. жел. дорожн. союзам всем советам рабочих солд. крестьянских депутатов Москва Викжел Петроград Совет народных комиссаров центр. исполн. комит. совет. рабочих солдатских и крестьянских Центр. комитет всех политических партий почтово-телеграфного союза центр. совету всероссийских професс. союзов всем военно-революцион. ком. и всем фронтовым армейским организациям и комитет. всем всем и всем.

В стране нет власти идет ожесточенная борьба за власть точка Каждая из борющихся сторон стремится создать эту власть силою идет братоубийственная война точка В это время как внешний враг угрожает свободе народа и демократия решению свои внутренние споры кровью и железом точка А временное правительство возглавляемое Керенским оказалось не в силах удержать в своих руках власть точка Образовавшийся в Петрограде Совет народных комиссаров запятая как опирающийся только на одну партию не может встретить признания и опоры во всей стране точка Необходимо создать такое правительство которое пользовалось бы доверием всей демократии и обладало бы моральною силой удержать эту власть в своих руках до созыва учредительного собрания точка А такую власть можно создать только путем разумного с о г л а ш е н и я в с е й д е м о к р а т и и н о н и к о и м о б р а з о м н е с и л о ю о р у ж и я т о ч к а (подчеркнуто мною.—*Я.П.*) Братоубийственная война никогда не создала и никогда не может создать власть авторитетную для всей страны точка А народ отрекающий (?) смертную казнь как форму правоверного (?) отсутствия (?) и войну как способ разрешения международных споров не может признать гражданскую войну за способ разрешения своих внутренних споров точка Всякая гражданская война ведет явно к контреволюции и бывает выгодна только врагам самого народа точка Ввиду сохранения свободной страны и спасения революции центральный исполнительный комитет всерос. жел. дор. союза с самого начала настоящей междоусобицы признал для себя обязательным строгий

нейтралитет и объявил что единственным средством достижения внутри страны создает однородное правительство создания которого должны участия все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно точка К этому призыву союза присоединяются многие общественные организации партии Петрограда и Москвы точка А центральный исполнительный комитет всерос. жел. дор. союза заявлял и заявляет что весь жел. дор. аппарат он предоставит только тем кто разделяет эту платформу точка А центр. исполнительный комитет заявляет всем гражданам рабочим и солдатам и крестьянам свое непреклонное решение и категорическое требование две точки немедленно остановить гражданскую войну сплотиться для образования однородного революционного социалистического правительства точка Жел. дор. союза заявляет что проведению своего решения он будет стремиться всеми имеющимися у него средствами вплоть до прекращения всякого движения 12 часов ночи сегодня 29 на 30 октября если к тому времени боевые действия Петрограда и Москвы не будут прекращены точка А всем жел. дор. организациям предлагается немедленно принять все меры к проведению такой забастовки жизнь и сейчас организовать стачечные комитеты точка Жел. дор. союз объявляет всех тех кто будет продолжать споры врагами демократии и предателями родины народ Петрограда 29 октября центр исполнит. комит. всерос. ж. дор. союза.

№ 1163 Председатель Малицкий Секретарь Нитяренко» [1].

Ультимативное требование Центрального исполнительного комитета Викжеля о прекращении гражданской войны угрожало забастовкой в случае непрекращения вооруженного восстания. Несмотря на то, что могли произойти большие осложнения, мы ультиматума не приняли, а железнодорожные рабочие требовали решительных действий под руководством нашей партии. Вместо Викжеля мы создали Викжедор, который принимал активное участие в вооруженном перевороте в Москве и Петрограде. Но так как на железных дорогах очень важную роль играет и труд высшего служебного персонала, то создавшаяся обстановка причиняла затруднения вооруженному восстанию. Однако эти затруднения полностью были преодолены большевиками железнодорожного района московского узла и Викжедором.

Если Викжель активно стал на сторону контрреволюции, то в рабочих массах железнодорожников, как уже упоминалось, происходило совсем другое. Они усиленно готовились к Октябрьскому перевороту и, зная, что Викжель является организацией чиновническо-бюрократической, не считались с ним. Накануне Октября, по инициативе партии большевиков, в Москве отдельные районы московского железнодорожного узла организуют военно-революционные комитеты и отряды Красной гвардии. По всем

[1] Военно-исторический архив.

станциям железных дорог помимо образования военно-революционных комитетов рабочие принимали самое активное участие в захвате власти на местах и в управлении движением поездов. В первую голову приступили к разоружению контрреволюционных воинских частей, оружием которых вооружались сами рабочие, принимавшие все меры к тому, чтобы подавать нам поезда с оружием, например, из Гжатска. Когда Временное правительство при посредстве Общеармейского комитета и своих эсеровских и меньшевистских представителей в ставке послало войска в Москву для подавления восстания, наши железнодорожные военно-революционные комитеты под руководством представителей Центрального штаба Красной гвардии, тт. Маленкова, Зимина и Сентябова, принимали все меры, чтобы воспрепятствовать этому. Взяв с собою отряды Красной гвардии и железнодорожный отряд, они отправляются в Гжатск. В одно и то же время туда была послана разведка. Часть разведки представила сведения о месте расположения эшелонов войсковых частей, верных Временному правительству. Одна из частей нашей разведки была не в силах путем оружия захватить эшелоны противника и решила употребить хитрость. В разведке нашелся свой сцепщик, быстро подвели паровоз, на котором находилась разведка, к эшелону, подцепили и утащили весь вагонный состав эшелона, вырвав 39 вагонов с винтовками из-под носа белогвардейцев. Попытка прицепиться ко второму эшелону с орудиями потерпела неудачу, но это для нас не было особенно существенным, так как у нас было достаточно орудий на учете (Мастяжарт и др.).

Так наши организации Красной гвардии выполняли свои задачи по подготовке вооруженного восстания на местах, и в частности на железных дорогах. Эти задачи они выполнили полностью и постепенно парализовали движение сил контрреволюции на Москву.

X. БОРЬБА ЗА КРЕМЛЬ И ЕГО СДАЧА.

Кремль, расположенные в нем 56-й полк и арсенал считались нами важнейшим пунктом, который необходимо было во что бы то ни стало удержать в наших руках. Для этого Центральным штабом Красной гвардии и ленинской частью МК было предложено комиссаром и комендантом Кремля назначить т. П. К. Штернберга, старого опытного революционера, видного участника вооруженного восстания 1905 г. в Москве. Однако ВРК назначил комендантом арсенала Кремля прапорщика т. О. Берзина, молодого и малоопытного члена нашей партии. На обязанности т. Берзина лежало руководство военной стороной обороны Кремля, а политическим комиссаром был назначен т. Ярославский. Защита и сдача Кремля—весьма характерный момент октябрьских боев, и на нем следует остановиться подробнее. Вопрос о Кремле вначале боев был выдвинут опять-таки работниками районов и Центральным штабом Красной гвардии. Во время заседания совета и социалистических партий в Политехническом музее 26 октября красногвардейцы Хамовнического района пришли в штаб Красной гвардии обсудить вопрос о посылке в Кремль своего отряда под руководством опытных партийных товарищей для распропагандирования оставшихся в Кремле и не перешедших ни на ту, ни на другую сторону войсковых частей. Красногвардейцы держали связь с представителями 56-го полка и роты 193-го полка, находившихся в Кремле. Решено было двинуться в Кремль частью на грузовых автомобилях, частью через ворота и через стену со стороны гостиницы «Метрополь», где часовые 56-го полка пропускали наших красногвардейцев.

Войдя в Кремль, красногвардейцы под руководством т. Страхова стали проводить с солдатами групповые беседы. Потом, собрав общий митинг, решили взять оружие из арсенала Кремля для Красной гвардии. В этом особенно энергичное содействие нам оказала рота 193-го полка, где работал прапорщик Малиновский. Настроение солдат определилось в нашу пользу.

Наиболее яркое представление о положении в Кремле и сдаче Кремля дают товарищи, которые непосредственно в нем боролись. Ввиду большой важности этого вопроса привожу несколько выдержек из их воспоминаний [1].

Вот воспоминания т. Страхова.

«Ждем решения. План готов. Автомобили прибыли. Нет терпения—хочется занять Кремль.

Дважды посылали своего товарища... к т. Ногину, в Политехнический музей, где было заседание. Ждем ответа—каждый час промедления нас волнует. А в Политехническом музее идут споры. Слышим от нашей разведки калужских самокатчиков, что по Воздвиженке идут юнкера по направлению к Кремлю и манежу. Это было в 3 часа ночи на 26 октября 1917 года.

Утром, в 9 часов, двинулись к манежу—занимать Кремл . Я получил предписание к коменданту Кремля т. Берзину, чтобы он выдал нам оружие. С нами поехало 18 человек «двинцев».

1-я часть автомобилей во главе со мной въехала в Кремль, а 2-я часть автомобилей была задержана юнкерами, находившимися в манеже».

Здесь и дальше т. Страхов отмечает медлительность действий ВРК, результат соглашательской политики и тактики последнего. Таких фактов, как отправка обратно прибывшего 26 октября в распоряжение ВРК 55-го полка, можно было бы привести много. Между тем Ленин еще 8 октября 1917 г., ссылаясь на Маркса, писал:

«1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо итти до конца. 2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев. 3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно безусловно переходить в наступление.

Оборона есть смерть вооруженного восстания.

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать—ежечасно, если дело идет об одном периоде), поддерживая во что бы то ни стало и моральный перевес.

---

1 Приводимые мною выдержки еще нигде не опубликованы. Цитирую по рукописям. *Я. П.*

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами величайшего в истории мастера революционной практики Дантона: «Смелость, смелость и еще раз смелость» [1].

Сравнивая эту тактику Ленина с действиями ЦВРК в Москве, мы видим, что ничего общего между ними не имеется. Но вернемся к рассмотрению событий в Кремле.

Тов. Страхов в своих воспоминаниях далее рассказывает:

«После подачи мною записки т. Берзину последний нам разрешил нагружать оружие, и мы пошли в арсенал. Увидя в казармах офицеров, мы решили их удалить из Кремля. Сначала мы им предложили разоружиться, а потом очистить занимаемое ими помещение, которое было довольно прилично оборудовано. Сначала они наотрез отказались как разоружиться, так и очистить квартиры, но потом согласились. Мы их построили во дворе и скомандовали: «Вперед, шагом марш!» и выпустили за ворота, которые затем закрыли. Проделав это, мы принялись за погрузку оружия и не чувствовали, как погрузили. Наши товарищи хватали винтовки с завистью, чуть ли не в драку—брали сразу по 8-10 штук. Автомобили были нагружены».

Вот свидетельство того, что наши красногвардейцы принимали решительные меры по очистке Кремля от контрреволюционного элемента и по укреплению Кремля.

Немаловажный интерес представляют описание т. Страховым попыток вывести из Кремля грузовики с оружием для Красной гвардии и характеристика настроения солдат, находившихся в Кремле. По этому поводу т. Страхов пишет:

«Приготовились выезжать. Выстроились и поехали к воротам, но ворота были закрыты на замки как изнутри, так и снаружи, а за воротами уже стояла цепь юнкеров и казаков. «Двинцы» конечно здесь запустили 6 юнкеров в бога. Со стороны юнкеров последовало несколько выстрелов, и когда наши ребята отъехали немного назад, стрельба в ворота усилилась. «Двинцы» были вынуждены слезать с автомобилей, а также и шоферы. Три автомобиля остались посреди двора напротив ворот под обстрелом юнкеров.

Пришлось наскоро организовать собрание в клубе офицерского собрания. Решили во что бы то ни стало все одновременно двинуть в разные ворота. Комендант Кремля т. Берзин нас остана-

[1] В. Ленин, Собр. соч., т. XVI, ч. 2, стр. 270.

вливал и долго уговаривал: «Ребята, подождите до вечера». Остались.

Вечером мы опять взволновались, зная, что нам и нашим товарищам в районе очень нужно оружие, так как у них там совсем нет винтовок и патронов. Берзин опять нас уговаривает: «Ребята—до утра». А утром говорит: «Подойдут наши». И так мы остались, хотя, признаться, нас тянуло выехать, и с неудовольствием мы решили остаться до утра 27 октября. Поставили караул около каждого автомобиля и решили ночь провести с солдатами в клубе. Солдаты сидели за столиками, пили чай, весело разговаривали и задавали нам вопросы: «Скоро ли Временное правительство будет свергнуто?» «Кто вас послал за винтовками?» «Велики ли силы красногвардейцев?» «Сколько полков присоединилось к Красной гвардии?» «Как артиллерия? В чьих руках?» Больше всего их интересовало, как с тяжелой артиллерией. Мы дружно повели беседу о скорейшем взятии власти в руки рабочих и солдат. Солдаты к этому присоединились... Итак всю ночь мы провели в беседе, и дело доходило до отчаянных споров среди солдат. Одни говорили, что победят красногвардейцы, а другие говорили, что у нас мало силы и оружия. В конце концов пришли к тому, что солдаты единогласно согласились утром всех двинуть в бой и отгонять юнкеров от Кремля для того, чтобы нам можно было бы скорее доставлять оружие в районы. Но опять начались споры. Две роты 193-го полка (так называемые «мартовцы») настаивали, чтобы им пойти вперед в бой, вывести с боем обе роты и разгородить дорогу грузовикам. Они указывали, что их полк стоит в Хамовническом районе, хотели проводить наши автомобили и вернуться в Кремль со всем своим полком. А солдаты 56-го полка не уступали. Таким образом до утра шли горячие дебаты. Мы конечно радовались этому. Солдаты в свою очередь были очень довольны, что мы им многое порассказали о том, что теперь делается в городе и на окраинах; они сидели в Кремле безвыходно более месяца и не знали, в чем дело, не знали, что солдаты стоят на стороне красногвардейцев. Газет они не получали и читали только «керенщину» да слушали приказы Рябцева. Офицеры вводили их в заблуждение, говоря, что в случае если солдаты откажутся стрелять в красногвардейцев, то для этого уже вызваны с фронта две армии против солдат и красногвардейцев.

Погода началась с 25 октября скверная. С утра 26-го пошел снег и с перерывами дождь. Погода продолжалась скверная, снежная и холодная, вплоть до 27 октября.

Мы стояли на караулах, перемокли, сушиться было негде, а тут как раз 26-го прервали воду в Кремле. Воды не было, продукты иссякли, и так с 26-го по 28-е мы были без воды и без хлеба. Решили делать вылазку из Кремля.

Мы были окружены 4-ой и 6-ой ротами юнкеров 5-й школы прапорщиков. 27-го решили прорваться—будь что будет. Комендант Кремля (Берзин) опять нас удерживает. Я ему вношу предложение: так как я являюсь представителем пролетарской власти и послан сюда за оружием, то нам необходимо немедленно отсюда выехать с оружием во что бы то ни стало и сколько бы жертв мы не положили, ибо все равно не сегодня, так завтра умирать. Для этого я требовал, чтобы Берзин нам дал два броневика, находящиеся в Кремле. Я рассчитывал, что один броневик пойдет впереди, а за ним все наши автомобили, нагруженные винтовками, а сзади их другой броневик для прикрытия. Так и решили: Берзин, я, И. С. Сидоров и трое «двинцев» пошли в гараж, где находились броневики. Гараж был закрыт, стали искать ключи и шоферов. Но вдруг кто-то прибежал за т. Берзиным и зовет его к телефону. Я тоже смело пошел с ним, думая, что для меня это тоже очень важно. Здесь мне навстречу попались наши «двинцы» и что-то стали говорить мне про украинский полк. Я выслушал и побежал наверх к телефону, но Берзин уже бежит обратно (это было в 12 часов дня 27-го) и сообщает, что дело неважное—будет на нас наступление. Мы быстро побежали в клуб офицерского собрания, забрали с собой несколько нужных нам солдат, трех красногвардейцев, четырех «двинцев», удалились в одну из комнат и наскоро сколотили так называемый Революционный полковой комитет. Представителем от полка был выбран т. Евтеев (впоследствии, в 1918 г., Евтеев работал при Хамовнической районной «Чека»). И здесь, на совещании наскоро организованного полкового комитета Берзин сообщил, что будем готовиться к осаде. До 28-го числа находились в лихорадочных подготовлениях к бою».

Таким образом настроение солдат было бодрое, и большинство их лихорадочно готовилось к бою. Обстановка в Кремле в момент перед его сдачей рисуется по тем же воспоминаниям следующим образом.

«27-го в 10 час. 55 мин. ночи Берзиным был отдан приказ в пять минут приготовиться в боевую готовность, что и было сделано. В присутствии всех приготовившихся солдат было быстро открыто боевое совещание. Было решено в первую очередь вы-

пустить два броневика, чтобы они расчистили дорогу, занятую юнкерами, казаками и ударниками, и вышли бы в центр навстречу нашим. Но с броневиками сложилось неладное дело: когда мы подошли к гаражу, броневики были уже готовы, но в них, оказывается, засели офицеры Украинского полка, который охранял Николаевский дворец под командой полковника Ануфриенко.

Тов. Берзиным был отдан приказ освободить автомобиль. Они категорически отказались и заявили, что сейчас выедут из Кремля, для того чтобы «предотвратить кровопролитие».

Нельзя было медлить ни одной минуты. Мы позвали солдат 7-й роты в клуб и решили, что сейчас же надо принять меры в противовес изменникам,—надо вырыть около ворот гаража и около выходных ворот на улицу окопы и поставить заграждения. Принялись рыть рвы и заграждать проезд. Около ворот поставили 8-ю роту солдат и 4 пулемета. Броневики стояли—не посмели двинуться. Это было в 10 час. 55 мин. вечера.

Ровно через сорок пять минут—11 час. 40 мин.—юнкера открыли по Кремлю ружейный и пулеметный огонь и продолжали стрелять также сорок пять минут. Пулеметы юнкеров были поставлены в Верхних торговых рядах, на втором этаже, где впоследствии был Наркомпрод.

Засвистели пули, засверкали огни, завизжали крыши. Юнкера били по Кремлю также из трехдюймовых орудий, находившихся на Арбате в штабе юнкеров.

С грохотом падали снаряды на крыши, сверкали огни—искаженные, зеленевшие...

И будто чудом каким-то была вся эта стрельба там. Думалось: «вот, мол, и пришла пора решительная». А в наших рядах было все тихо и спокойно. Мы пока не отвечали, точно чувствовали, что не кончится наша судьба этим боем...

Кроме двух вышеупомянутых рот—7-й и 8-й, все остальные силы были в клубе. Комендант Берзин дает приказ: «В пять минут в боевую готовность». Кто был наверху в казармах—быстро сбежал вниз.

Берзин побежал к Тайницкой башне, отдавши приказ пулькоманде: «Все в сборе? В ружье!»

Прошло пять минут. Берзина нет. Я и Сидоров, бывший со мною красногвардеец Хамовнического района, подали команду: «Товарищи, за мной!...—и все бросились из клуба на улицу. Здесь т. Сидоров, как старый унтер-офицер повел товарищей солдат на позицию. Разместились, засели, твердо заняли позицию. Я остался

около входа в клуб, где стоял автомобиль, нами лично с т. Сидоровым нагруженный винтовками. И это место было как бы полевым руководящим штабом и... арсеналом».

Таким образом настроение большинства солдат, находившихся в Кремле, давало полную возможность удержать Кремль в наших руках. Однако, благодаря неопределенности общей обстановки города и тем самым задач находившихся в Кремле революционных войск, состоялись совершенно недопустимые посещения Кремля командующим Московским военным округом полковником Рябцевым совместно с представителями ВРК и Военного бюро МК. Этот факт совместных разъездов членов ВРК с Рябцевым ставил втупик наших товарищей и отрицательно действовал на оборону Кремля.

По этому поводу бывший комиссар арсенала Кремля т. Берзин пишет:

«Уже полдень. Положение прежнее—ни то, ни се. Ясного распоряжения—принимать решительные меры, не останавливаться на полпути, всех офицеров безжалостно арестовать—не было. Поэтому было боязно переборщить. Директивы открывать огонь не было.

Вдруг через Троицкие ворота проходит т. Муралов, полковник Рябцев, т. Ногин, из Совета солдатских депутатов т. Блохин и еще кто-то, кажется, т. Стуков.

Созываем тут же на площади перед казармами собрание. Слово берет полковник Рябцев. Он говорит, что в подвалах Кремля хранится весь запас русского золота и много других ценностей, что 56-й полк устал—надо заменить его более крепкой частью, что охрану Кремля надо поручить юнкерам. Тут как закричат на него солдаты: «Долой его! К чорту! Мы Кремль всегда охраняли. Юнкеров в Кремль не пустим. Довольно!» Чуть не избили Рябцева. Муралов обращается к Рябцеву: «Ну, вот видите! Говорил я вам, что 56-й полк из Кремля не уйдет. Юнкеров вводить не следует и незачем».

Тут выступил с кратким словом, если не ошибаюсь, т. Ярославский и сказал, что пусть полковник Рябцев уходит, что 56-й полк юнкеров в Кремль не пустит.

Рябцев, Муралов, Ярославский и остальные все вместе вышли через Троицкие ворота из Кремля».

Тот же момент т. Страхов описывает следующим образом:

«Когда Рябцев был командующим Московским военным округом, всех вооруженных сил Керенского и всей сволочи, он был

здесь три раза, и с нами были наши герои, вожди коммуны: тт. Муралов, Ногин, Ем. Ярославский, Аросев (подчеркнуто мною *Я. П.*) и прапорщик Иванов, последний—комроты 193-го полка.

Я встал на автомобиль и задал вопрос Рябцеву после его долгой речи солдатам. И когда он на мой вопрос не ответил, а я настоятельно просил ответа, солдаты слушали мои слова и кричали: «Вот это так, вот это правильно!» Тов. Ногин тогда сказал мне: «Тов. Страхов, я поручаю за него ответить т. Иванову»... Впоследствии Рябцев сделал много резких выпадов в сторону красногвардейцев и тех солдат, которые стали на сторону красногвардейцев. Солдаты здесь закричали «ура», схватили Рябцева, подняли в воздух и кричат: «Раскачать да ухнуть об землю, чтоб костей не было!» Некоторые так озверели, что кричали: «Рви его на куски, зачем об землю, давай рвать!» Я крикнул: «Товарищи, на гауптвахту его, куда раньше вас сажали, а теперь его посадите!»

В это время т. Ногин закричал мне: «Тов. Страхов, оставьте его и дайте нам,—мы сами с ним разберемся». Я послушал тт. Ногина и Ярославского и стал просить солдат, чтобы они оставили этот прием и выдали бы его т. Ногину. Солдаты конечно меня послушали и со смехом оставили... А после что было? Рябцев на этом же месте строил солдат и рабочих целыми ротами и расстреливал».

Так обстояло дело в Кремле. Между тем т. Ленин еще в сентябре месяце 1917 г. писал:

«А чтобы отнестись к восстанию по марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб (подчеркнуто мною. *Я. П.*) и правительство, послать к юнкерам и к Дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города...»[1]

Итак, т. Ленин предлагал арестовать генеральный штаб, а у нас, в Москве, «генеральный» руководитель белогвардейцев, полковник Рябцев свободно разъезжал совместно с членами ВРК и в их присутствии держал контрреволюционные речи,

[1] В. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 140.

будучи в кругу революционных частей. Ясно, что в результате такого якшания последовала сдача Кремля.

Геройство масс при сдаче Кремля описано тем же т. Страховым.

«Я остался около автомобиля, нагруженного винтовками и десятью солдатами. Ко мне подбежал т. Иевлев. Я переговорил с ним, и мы решили к этому автомобилю подтаскивать патроны. Тов. Иевлев взял на себя руководство 11-й ротой арсенальцев, которые набивали пулеметные ленты и подтаскивали к автомобилю. Здесь те солдаты, которые были со мною, открывали ящики с патронами, вскрывали цинки и разносили по стрелкам ленты по пулеметам. Я не могу себе представить, как я сделался каким-то механизмом—то кричу: «Товарищи, тащи ленты к пулеметам», то кричу: «Товарищи, тащи цинки к стрелкам», то кричу: «Товарищи, берите винтовки с автомобиля и бегите к стенам».

А около стены с площади юнкера уже делали подкоп и что-то тяжелое подтаскивали. Очевидно, хотели сделать взрыв—взорвать стену динамитом... Вдруг раздалась команда: «Огонь!..»

Точно вихрь подхватил все оставшиеся силы запаса. Все бросились к стенам Кремля и открыли огонь по проклятым белым насильникам. И в гуле сливавшихся ружейных щелчков с площади послышались дикие вопли, стоны и крики. Это были побитые нашим метким огнем юнкера 4-й и 6-й рот... Не обошлось и у нас без потерь. Но такие потери у нас не в счету—у нас двое были ранены в ноги и один в руку, правое плечо, ключицу и шею. Раненых тут же санитары снесли в клуб, где было приготовлено несколько кроватей...

У нашего автомобиля образовывается склад патронов и пулеметных ящиков с лентами. Со стороны юнкеров пули летят по всей площади к двору Кремля. Только и слышно: чок, чок, чок... Это падают пули на ящики, лежавшие с патронами. И точно дождь шумят пули: летят мимо ушей—дзинь-дзинь... кому вольется, проклятая, в ухо, кому в шапку попадет. Помню, одному товарищу попала в нос. А у меня в кармане не знаю как очутились две пули.

Роты 56-го полка вошли в ярость и стреляют без всякой пощады. Тут у меня солдаты говорят: «Мы были во Львове, в Кракове, видали крепостные бои, но такого, как тут, в Кремле—не видали». Рота Украинского полка, охранявшего во время боя Николаевский дворец, по приказу полковника Ануфриенко снялась и ушла в казарму. В клубе они устроили митинг, агитируя;

«Зачем нам здесь стреляться, когда все солдаты сдались Временному правительству Керенского, который уже находится в Москве. С ним прибыла армия с фронта во главе с Алексеевым. Тяжелая артиллерия уже направлена на нас...» Я тут же заметил их грязное дело, побежал, отыскал т. Берзина, и вместе с ним мы пришли в клуб, выступили против этих ораторов, разбивая их мнение.

В то время, когда 56-й полк вел ожесточенный бой, украинцы хотя и пошли на свои места, но боя не принимали и частью побросали оружие и скрылись в казармах. Потом вновь пошла агитация: «Сдадимся, нас окружили».

Время было уже 2 часа ночи с 27 на 28 октября 1917 г. и мне жалко и больно стало. Слышу, доносятся выстрелы, шум и крики «ура» со всех концов Москвы. Я ободряю солдат, говорю им: «Слышите, наши идут нас выручать». Но мне отвечают: «Что же так долго?» Я успокаиваю: «Они идут и продвигаются с боем—ведь есть преграды на пути»... Я тут вышел из сил, объясняя и уговаривая. А полк украинцев стал все более разлагаться и разлагать наших бойцов. Ровно в 6 часов утра 28 октября 1917 г. в ворота попадает снаряд, и затем поступает приказ командующего Московским военным округом войск Временного правительства: втечение пяти минут сдать Кремль, а в противном случае Кремль будет разбит... Предложение Рябцева сразу решено не было, а ответили через двадцать пять минут.

Украинский полк целиком присоединился к сдаче, да еще и раньше было видно их колеблющееся настроение. Но мы, и в особенности красногвардейцы, не решались сдать Кремль. Мы определенно решили держаться до последнего солдата. Однако комендант Кремля, т. Берзин, решил сдать Кремль [1]. После двадцати пяти минут было еще второе предложение о сдаче Кремля, где Рябцев указывал, что он после сдачи войдет в Кремль, и если в пять минут все разоружатся, тогда он никого не тронет, в чем дает свое честное слово. Большинство солдат 56-го полка и после этого не решались сдаваться и решили держаться, а мы, как красногвардейцы и ее представители, заранее знали, что нам может быть при сдаче и какова будет наша судьба...

Берзиным был издан приказ прекратить стрельбу по юнкерам. Некоторые солдаты не хотели

---

1 Подчеркнуто здесь и далее в воспоминаниях т. Страхова мною. *Я. П.*

прекращать стрельбу, совершенно не хотели считаться с приказом Берзина ввиду его несогласованности, так как солдаты желали продолжать дальше вести оборону, а Берзин не хотел.

Итак, вопреки нашему решению, в 6 час. 35 мин. ворота Кремля открылись, и с двух сторон вошли юнкера робко, с опаской. Берзин приказывает всем сдать оружие... Я особенно наблюдал, и видно было, как некоторые солдаты неохотно бросали винтовки, а другие, например, Украинский полк, бросили винтовки шагов за десять. Те, кто неохотно расставался с винтовкой, клали ее у своих ног. Видны были даже слезы у некоторых на глазах. Украинцы, бросая винтовки, быстро повертывались спиной к оружию, а те, кто неохотно сдавали оружие, оставались неподвижны, лицом к оружию, а некоторые совсем не сдавались и вели перестрелку.

Солдаты-большевики 56-го полка еще держались и не хотели сдаваться.

Берзиным была подана команда: «Полк, смирно!» Всех, кто был снят со своих боевых мест, и тех, кто был в казарме и на площади, построили, и Берзин крикнул перед проходившими юнкерами: «Положить оружие!» Оружие положили, но некоторые попрятали в казармах.

Юнкера продвигались дальше, в глубь Кремля с двух сторон. Шли колоннами: впереди пулеметчики—офицеры с пулеметами.

Я в это время был около стены, где еще солдаты были вооружены и не хотели сдаваться. Вдруг солдаты при виде юнкеров открыли залп. Юнкера в панике бросились бежать к стенам, а некоторые обратно за ворота с криком: «Измена, измена!.. Где Рябцев?» В это время около стены обходили броневики, и солдаты, увидя их, еще больше набрались духа, полагая, что это наши броневики и прикрывают нас от юнкеров. Солдаты стали еще сильнее и чаще открывать огонь по юнкерам... Но вдруг броневики остановились и открыли огонь по стрелявшим. Солдаты тогда прямо не знали, что и делать, но все же продолжали стрелять.

Когда вошли юнкера в Кремль, был удобный и решительный случай в пользу Красной гвардии,— они шли густыми колоннами и страшно были робки и несмелы. Вот в этот момент возможно было побить все колонны не только из пулеметов, но даже из винтовок. А у нас ведь были почти на каждой колокольне пулеметы и достаточное количество лент,

так что у некоторых доходило до пятнадцати ящиков. Солдаты были вполне уверены, что мы отстояли бы Кремль и побили бы юнкеров, в особенности при такой обстановке, как они шли колоннами.

Когда броневики, а также задние ряды юнкеров открыли огонь по стене, я был ранен в голову.

Помню, что при ранении я еще последний раз спустил курок, после чего у меня сейчас же стало темно в глазах, и я упал.

Сколько прошло минут, как я пришел в себя и встал—я не помню. Но у меня уже не было ни винтовки, ни револьвера. Мечтаю, куда бы это мне деваться. Смотрю—недалеко от меня стоит мой товарищ Сидоров И. С. и другой товарищ с завода «Бромлей» из 11-й роты арсенальцев. Не успел я крикнуть Сидорову, как ко мне подбежало человек семь юнкеров и, помню, один матрос. Меня сразу ударили несколькими прикладами. Я падаю и только слышу, будто сквозь какой-то сон, что они кричали: «Коли его», «Руби его!» и т. д. Все-таки я собрался с силами и открыл глаза: против моих глаз стояла толпа юнкеров, и двое из них направляли на меня штыки, а третий замахнулся шашкой.

Что со мной было дальше—не знаю. Я очутился в построенных рядах, как и все солдаты, и чувствовал, что выбиваюсь из сил. Но меня ободрила трескотня пулемета. Рядом с собой слышу крики ужаса. Это юнкера стали по нас стрелять из пулемета, и около меня, как снопы, повалились солдаты.

Около Николаевской гауптвахты стояли офицеры и кричали: «Стоять смирно! Не ложиться!» Ко мне подошел с тремя звездочками офицер, поручик, да как ударит меня по лбу наганом, я упал. Только чувствовал, как меня бросили на гауптвахту.

Когда я пришел вновь в чувство, то увидел опять перед собой товарища Сидорова и немного обрадовался. А около меня и сзади товарища Сидорова уже лежат трое мертвых и кровь... кровь...

Тов. Сидоров мне рассказал, как юнкера меня били. Его слова, что он мне говорил, я помню и сейчас. Тов. Сидоров говорил: «Я видел, как над тобой издевались, как тебя били. Я бы никогда этого не выдержал, а ты, хотя и раненый, и весь в крови, остался жив. Ведь,—говорит,—когда тебя избивали, то я в это время от ужаса и жалости упал в обморок и только вот теперь очнулся, здесь с тобой вместе».

Расстрел юнкерами в Кремле частей 56-го полка и Красной гвардии.

Мы думали, чем и как нам с собой покончить, но ничего не могли придумать, ибо у нас под руками ничего не было, чем можно было бы с собой покончить.

28-го в 3 часа дня пригнали нас в казармы. Нас было много, около 500 человек. У дверей стояли юнкера и поставили пулеметы. Разговаривать нам воспретили, но мы не обращали на это внимания, так как были очень голодны. Несколько дней до этого пищи у нас совсем не было. На нарах были разные солдатские принадлежности, и мы стали лазить по полкам—искать завалявшихся сухарей и, правда, находили и делились.

В 7 часов вечера до нас стали доноситься звуки орудийных выстрелов. Мы с Сидоровым прислушиваемся. «Это у нас... да, у нас, в Хамовниках». Слышно направление шума снаряда, слышим взрыв снаряда на площади,—забыл, около какой церкви,—где снаряд угодил около парадного, т. е. около паперти, да так угол и отгрыз.

Слышим, второй, третий и четвертый... И мы все заговорили и обрадовались, что умирать легче под своими снарядами, и запели «Вы жертвою пали».

В этот момент, во время пения, пятый, по нашему подсчету, снаряд врезался в угол стены казармы, сбил угол и ворвался в казарму, сбив все наряды отделения. Здесь произошла маленькая паника, но скоро все обошлось и успокоилось.

Вдруг в самое среднее окно казармы влетел трехдюймовый жук и, пролетев все помещение, вылетел в другое окно.

Когда он летел, от него было очень жарко, и у меня сейчас осталась от него память, когда обожгло мне правый висок. Один старикашка, с испуга, очевидно, скончался от разрыва сердца».

Так описывает события в Кремле т. Страхов.

Наша разведка, когда еще Кремль находился в руках белых, донесла следующее.

IX 12 час. Донесение.

Солдат 56-го зап. полка, убежавший из Кремля от контрреволюционеров, доносит следующее. В четверг 12 час. ночи юнкера наступали на Кремль. В пятницу у нас с юнкерами было настоящее сражение, и они кричали нам: «Сдавайтесь, ваши товарищи все теперь за Временное старое Правительство». В субботу в 8 час. утра они у нас отобрали оружие и начали безоружных расстреливать из пулеметов, когда мы в панике бросились вроссыпь и в особенности в казармы, юнкера направили в передовых штыки, и офицеры начали бить из револьверов. Насколько нам известно, убитых осталось на площади около 250—300 человек, остальных арестовали и отправили в окружной суд, потом заперли всех остальных в казармах, где помещалась раньше одна

рота, и окон отворять строго воспрещалось, и нам очень трудно было жить ввиду сдавленного воздуха, оправляться нас выводить было строгое воспрещение, ящики с бельем были взломаны, белье все изорвано, деньги забрали у кого сколько было. 31 октября нас опросили. 35 человек они нашли невиновными и освободили таким образом воспользуясь этим освобождением, я поспешил в В.-Р. Комитет с донесением. Прапорщик, который принял командование полка во время восстания, был избит до полусмерти и сейчас сидит, ему не оказывают никакой медицинской помощи. Товарищей просят на помощь.

За Пред. Развед. Бюро Лобанов.

1917 г. 1 ноября» [1].

Это донесение показывает, что настроение наших товарищей в Кремле в момент окружения было достаточно бодрое и что они успешно выдерживали бой с юнкерами до тех пор, пока не были открыты кремлевские ворота и юнкера не были впущены в Кремль.

Тов. Базякин, бывший в то время солдатом 56-го полка, рассказывает про события в Кремле следующим образом.

«Утром 28 октября в 7 часов т. Берзин собирает нас и говорит: «Товарищи, мною получен ультиматум и дано на размышление двадцать минут. Весь город перешел на сторону командующего войсками». Оставшись одни, будучи изолированными от города, и не зная, что делается за стенами Кремля, мы решили с т. Берзиным сдаться. Стащили пулеметы к арсеналу, открыли ворота и пошли в казармы. Не прошло и тридцати минут, как поступило приказание выходить во двор Кремля и выстраиваться поротно. Ничего не зная, выходим и видим, что к нам пришли «гости»—роты юнкеров, те же наши броневики, которых мы ночью не пустили, и одно орудие—трехдюймовка. Все перед ними выстраиваются. Нам приказано фронтом к окружному суду. Выстраиваемся, а юнкера нас окружили ружьями наготове. Часть из них заняла казармы в дверях, в окнах тоже стоят. Не поспели как следует разобраться, как слышим—от Троицких ворот затрещал пулемет по нас. Мы все в панике. Бросились кто куда. Кто хотел в казармы, тех штыками порют. Часть бросилась в школу прапорщиков, а оттуда бросили бомбу. Мы очутились кругом в мешке. Стон, крики раненых наших товарищей... Через минут восемь бойня прекратилась. Выходят офицеры и машают руками: «Стой, стой, это ошибочно!» Остановив, выспрашивают. Волосы дыбом на голове... Подымаемся с земли и опять двигаемся

[1] Центрархив, д. ВРК № 21/3.

Юнкера ведут группу революционных солдат и Красной гвардии на расстрел.

друг на друга. И что же? Пододвинулись друг к другу и опять, слышим, затрещали пулеметы по нас. Опять прекратили. Опять, выходят офицеры и говорят: «Ваши стреляют, встань же!» Но рабочие арсенала видели все, как нас расстреливали, и поняли, что с ними может быть то же. Они поставили в окнах арсенала пулеметы и открыли по цепи юнкеров стрельбу. Я лежу за ящиком японских винтовок, которые были около арсенала, и вижу: выскакивает женщина в форме прапорщика, вокруг плеча пулеметные ленты. Затем выкатывают пулемет, ставят около Царь-пушки и открывают стрельбу по окнам арсенала. Потом все утихло. Но нам опять кричат: «Становись!» Выходит седой полковник и кричит: «Всех их на Лобное место!» Нас, оставшихся, построили в две шеренги, обыскали, отобрали ножи, у кого они были, затем скомандовали: «Направо», и повели во двор Окружного суда. В воротах везде поставили часовых. Мы находились там с 8 часов утра до 1 часу ночи 29-го числа, как скотина в загоне. К нам стали приводить всех, кого где поймали. Потом несколько человек взяли от нас, чтобы убрать убитых и стаскать их в сарай. В 1 час ночи нас выстроили, сочли и повели в казарму, где помещалась одна рота на третьем этаже. Там вплотную сдвинули, принесли «парашу», а в дверях поставили часовых. Утром из нас отобрали 70 человек и повели на второй этаж. Там сформировали роту и назначили ротного командира, прапорщика Хорошкова. Эта рота под конвоем возила убитых товарищей на грузовиках в университет. Нагружала, сгружала, ходила за продуктами на Воздвиженку, в Экономическое общество офицеров, и несли каждый по мешку картошки на себе, а юнкера шли сзади и погоняли. Дня через три нашего плена получилось что-то непонятное. Стали нас по одному вызывать и допрашивать: сколько лет и т. д. Тем, кто был старше тридцати пяти лет, давали пропуск за ворота и говорили: «Мы вас выпускаем, идите куда хотите». Но никто не решался выходить, потому что за воротами Кремля стояли посты из офицеров и юнкеров и сулили нам штыки. Гоняли нас под обстрелом загораживать арки Иверской часовни, чтобы им можно было ходить в думу на совещания. На четвертый день нашего плена стали обращаться с нами мягче. Вечером собирал нас ротный Хорошков, стал рассказывать, что делается в городе. Говорил, что все бьют, грабят, растаскивают. Затем началась стрельба по Кремлю. Нам передают, что вот это ваши делают—разбили Малый Николаевский дворец, пробили Ивана Великого, и наконец попал снаряд

в наши казармы. Нас всячески пугали, и мы в ожидании смерти ждали, что вот сейчас все рухнет. Нас никуда не выпускали. Затем слышим—стали юнкера перебегать к рабочим. Но мы не знаем, что будет с нами. Наконец под 2 ноября к нам приходит какой-то офицер и говорит: «Соберитесь ко мне. Вот что, друзья! Мы жалеем вас и хотим вас выпустить, но боимся, что вас всех перестреляют из пулеметов. Выпустим первую партию, и если стрельбы не будет, то будем дальше выпускать». Но наши товарищи знали, что в ночь будут выпускать из плена. Направление нам дали в Покровские казармы. И вот во вторую партию пошел я. Выпускали в Спасские ворота. Истерзанные и напуганные, идем мы на пальчиках. Ночь темная. Проходим Василия Блаженного. На углу Варварки горит фонарь. Смотрим—магазины все в порядке, и думаем—нагло врали наши враги. Идем дальше. Слышим голос: «Стой, кто идет?» Отвечаем: «Товарищ, пленные из Кремля!» Нам отвечает: «Проходите». Подходим к Варварским воротам. Смотрим—целая застава наших товарищей. И с каким восторгом они встречают нас!.. Нас направили в чайную на Солянке. В Покровские казармы мы попали только в 4 часа утра. Мы рассказывали нашим товарищам, как расправлялись с нами наши враги и как разбирались, не считаясь ни с чем».

Отсюда видно, что т. Берзин, политически неопытный и совсем молодой член партии, оставшись один в Кремле, без политического комиссара т. Ярославского, был введен в заблуждение Рябцевым, который ему сообщил, что Военно-революционный комитет разгромлен и все войска сдались. Кроме того, я лично считаю, что на сдачу Кремля имели влияние торги с Рябцевым, происходившие в Кремле даже на глазах революционной и солдатской массы, а также—тактическая линия большинства ЦВРК и его штаба, во главе с Мураловым.

Муралов, будучи членом ВРК и организатором его штаба, вместо того, чтобы руководить восстанием, занялся соглашательскими торгами с Рябцевым, пытаясь склонить последнего на сторону революции. Нельзя оправдывать и действий т. Берзина, отдавшего приказ о сдаче Кремля и открывшего ворота, не считаясь с протестом и негодованием войсковых частей и красногвардейцев.

Сдача Кремля была крупной ошибкой, которая создала нам больше трудности в развертывании боевых действий. Она показала, как неуместны были всякие колебания и расчеты на соглашение с противниками в момент начавшейся борьбы.

О захвате Кремля контрреволюционеры кричали как о крупной своей победе и разгроме большевиков. Сдача Кремля произвела ошеломляющее впечатление и обнаружила всю несостоятельность тактики большинства членов ВРК. Приводимые ниже документы ставки доказывают, как была использована эта оплошность со стороны противника. Например, ставка сообщает:

«Из Москвы получены сведения, что Кремль, одно время находившийся в угрожаемом положении, ныне в руках правительственных войск, равно как и весь центр города, причем после взятия Кремля движение большевиков стало быстро вырождаться в буйство пьяных толп.

Стрельба в некоторых частях города продолжается, причем стреляют с крыш. Втечение дня лидеры московских большевиков, Ногин и Ломов, являлись в Комитет Спасения Революции [1] в качестве парламентеров и предъявили следующие условия: «Роспуск как Военно-Революционного (большевистского) Комитета, так и Комитета Спасения Революции и образование единого коалиционного комитета». Предложение было отклонено, и членам комитета лишь с большим трудом удалось гарантировать делегатам безопасность» [2].

Эти строки были опубликованы по всей России и получили уже такое дальнейшее отражение.

«Телеграмма. Штасев. Главковерх Керенскому Комиссарверх Комиссарсев Комиссарюз Комиссаркав Комиссарарм 2, 3, 10, Смоленск, Комиссару Минск из 103 ПТК 388/1373, 37, 28/10, 16, 15 срочно только два комиссарверх и комиссаркав.

Передаю последние сведения: Москва сегодня большевики сдались Комитету Спасения Революции. Кремль освобождается оружие выдается 1378 Комиссарзав Жданов» [3].

Что наши испугавшиеся товарищи действительно пошли на капитуляцию и образование коалиционного соглашательского органа власти—подтверждается приводимым ниже документом, найденным в делах ВРК в Центрархиве в д. № 21/4 и являющимся проектом соглашения.

Проект соглашения.

1) Сводные части, образованные специально в связи с вооруженным столкновением как солдатские, так и офицерские, распускаются (п. 3, согл. 29/10).

2) Обе стороны издают постановление о сдаче оружия, захваченного для организации боевых дружин в период боевых действий (п. 4, согл. 29/10).

---

[1] В подлинном документе зачеркнуты красным карандашом следующие слова. «И просили пощады под условием роспуска, поставив условием»...

[2] Военно-исторический архив, д. № 2247, стр. 7.

[3] Там же, д. № 2247, стр. 7.

3) Для контроля над выполнением этих обстоятельств утверждается комиссия, состоящая из представителей обеих сторон на паритетных началах и представителя Викжеля [1].

4) В Москве создается Временный Комитет, объединяющий и руководящий обычной деятельностью всех органов власти в Москве и обладающий чрезвычайными полномочиями; в состав его входят от городского самоуправления 7 представителей и от Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 7; от губернского земства два; от Губернского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов по одному. От Центрального Совета Профессиональных Союзов, от Почтово-Телеграфного Союза и от Викжеля по одному; причем Временный Революционный Комитет и Комитет Общественной безопасности упраздняются.

5) Временным Комитетом создается специальная следственная комиссия, выясняющая причины, вызвавшие гражданскую войну в Москве, и ответственность отдельных лиц и организаций.

6) По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся по своим частям и поступают в распоряжение командующего военным округом, действующего по полномочию Временного Комитета.

Председатель (подпись).
Секретарь (подпись).

Документ этот едва ли нуждается в комментариях. Правда, из воспроизведенного текста его не видно: 1) какая из обеих воюющих сторон явилась инициатором этого проекта; 2) когда именно (дата) составлялся и стало быть предлагался этот проект. Тем не менее эти два обстоятельства нисколько не изменяют значение документа. Дело в том, что первые два пункта в проекте, сами по себе весьма существенные, подкрепляются ссылкой на пп. 3 и 4 какого-то другого «соглашения» от 29 октября.

Итак стало быть позорное «соглашение» было заключено, и лишь революционные действия масс, руководимых большевистской организацией, не дали возможности оформить его в полной мере—и соглашение было сорвано.

Трагизм положения увеличился еще и тем, что наступающие буржуазные войска относились к Красной гвардии не как к восставшему рабочему классу, а как к бандитам, по отношению к которым все допустимо. В то время как мы вели «честную войну», белогвардейцы пускали в ход разрывные пули, провокационно выбрасывали белый флаг и т. д. Юнкера избивали пленных, подвергали их пыткам и расстрелам, не останавливаясь даже перед массовым расстрелом безоружных, как это имело место в Кремле по отношению к солдатам 56-го полка и арсенала.

[1] Подчеркнуто везде мною. *Я. П.*

Наше отношение к белой гвардии как к «честному врагу» подтверждается любопытным письмом одного из активнейших белогвардейцев—корнета Дорошевича. Это письмо им послано после переворота на имя начальника штаба Красной гвардии Замоскворецкого района, т. Брун. В нем Дорошевич благодарит красногвардейцев «за хорошее отношение» к нему втечение «всех дней ареста» и в частности т. Брун, который спас ему жизнь, перевязав артерии, перерезанные Дорошевичем после захвата его в плен.

Взятие Кремля юнкерами заставило коалиционеров убедиться, какой громадный вред уже принесла их соглашательская политика, а расстрел солдат 56-го полка в Кремле эсером Рябцевым показал им, что в случае победы Временного правительства их ожидает такая же участь.

XI. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД БОЕВ ДО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ.

На Красной площади первыми выступили «двинцы», получившие вооружение от Замоскворецкого района. В то же время районные руководители штаба Красной гвардии снаряжали реквизированные грузовые автомобили и в сопровождении вооруженных красногвардейцев отправляли их в огнесклады за оружием.

Посланные на склад автомобили, с помощью вооруженных отрядов красногвардейцев и под их охраной нагрузив оружие, быстро направлялись обратно по своим районам, районным ревкомам и заводам. Здесь немедленно были вооружены уже сформированные красногвардейцы и в первую очередь основные их кадры. Таким путем, через несколько поездок целого обоза грузовых автомобилей, было получено большое количество вооружения из Мызо-Раевского и Симоновского складов (см. приложения).

Получив вооружение, рабочие разбились на отряды и под руководством наших староармейских инструкторов и выделенных МК командиров-боевиков 1905 г. постепенно начали наступление.

Выдающуюся роль в Октябрьском перевороте, как я уже указывал, сыграли «двинцы» и мастяжартцы. Среди них работала масса разоруженных староармейцев, которые при Керенском считались «ненадежными».

Эта революционная часть старой армии, по инициативе красногвардейцев, быстро сформировалась в единую боевую силу и повела решительное наступление.

Утром 27-го юнкера начали обстреливать из пулеметов Московский совет и Скобелевскую (ныне Советскую) площадь, затрудняя деятельность Московского комитета и ВРК. К тому времени нами на Скобелевскую площадь была привезена одна батарея из 1-й легкой артиллерийской бригады, с Ходынки.

Часть артиллерии к ВРК продвигалась через Краснопресненский район. Для прикрытия привезенной батареи мы установили на грузовых автомобилях пулеметы, причем эти грузовики разъезжали в районе Московского совета по Столешникову, Гнездниковскому и близлежащим переулкам, мешая наступлению противника на Московский совет. Кстати, можно отметить, что внутри Московского совета также были расставлены пулеметы и весь район около Моссовета был взят в радиус нашего обстрела.

Артиллерия с Ходынки у Московского комитета нашей партии.

На местах районы, получившие вооружение, сформировали на Мастяжарте несколько батарей, тракторами доставили их на позиции и расставили на стратегических пунктах.

Тов. Демидов описывает в своих воспоминаниях этот период борьбы в Лефортовском районе следующим образом.

«Мастяжартцы приступили к расстановке своей артиллерии. Три трехдюймовых пушки выставили на берегу реки Яузы. Два тяжелых осадных двадцатичетырехлинейных орудия поставили возле Введенского народного дома. Эти два орудия должны были действовать против находящейся близ Введенского народного дома школы прапорщиков, в которой помещалось около 500 человек будущих прапорщиков, хорошо вооруженных и опасных для района. Но потом, когда ВРК и штаб Красной гвардии

предъявили ультиматум,—большинство их сбежало, а 120 человек были нами задержаны. Произошло это таким образом. Мы на Введенской площади установили две шестидюймовых мортирки и наводили на школу прапорщиков. В то же время части Красной гвардии и революционных солдат стали окружать школу, дав им пять минут на размышление. К пруду, находившемуся за школой, подоспели около 20 красногвардейцев, чтобы загородить им дорогу. Однако прапорщики быстро навели через пруд легкие понтоны и целой лавой, около 300 человек,

Артиллерия у Московского совета на Скобелевской площади.

бросились бежать как по понтонам, так и обходными путями на все стороны. Понятно, что 20 человек красногвардейцев удержать их не могли, и они разбежались без боя. В школе прапорщиков нами было взято около 20 пулеметов, несколько тысяч винтовок, большое количество ручных гранат и патронов. Восторг красногвардейцев и революционных солдат был неописуемый—бросали вверх шапки, качали друг друга и т. д.

Вторая задача этих орудий заключалась в том, чтобы с этого удобного месторасположения обстреливать три железные дороги: Казанскую, Ярославскую и Николаевскую, в случае продвижения по ним войсковых и всяких иных подкреплений, для подавления Октябрьского восстания в Москве. С этого места было удобно обстреливать Кремль.

Затем два сорокадвухлинейных орудия мы выставили на Преображенской площади, с тем чтобы отразить возможное продвижение противника со стороны Богородска. Два легких орудия поставили в Лефортове за военной тюрьмой для обстрела кадетских корпусов и Алексеевского военного училища. Другие два легких орудия поставили на Вознесенской улице в одном из дворов—опять-таки для обстрела Алексеевского училища и квартир офицерства, из которых оно обстреливало нас впоследствии пулеметами. На Преображенской площади устроили наблюдательный пункт.

В ночь с 26 на 27 октября артиллерия таким порядком была расставлена. К 4 часам утра тремя отрядами Красной гвардии мы оцепили со всех сторон все три кадетских корпуса и Алексеевское военное училище, представляющее собой грозный офицерский и юнкерский очаг явной контрреволюции не только для Лефортово-Влагушинского района, но и для всей Москвы. Толстые каменные корпуса Алексеевского и других училищ представляли настоящую крепость, оплот контрреволюции».

Достоверность сообщенных здесь фактов, как участник этой операции, подтверждаю полностью.

Таким образом нами было получено из школы прапорщиков большое количество вооружения, и мы направились к Алексеевскому военному училищу на помощь Замоскворецкому, Рогожскому и Симоновскому районам, которые уже приготовились к наступлению, вырыли окопы, построили баррикады и этим прорвали передвижение юнкеров, не давая им возможности пробиваться в центр. Но этого было мало. Нужно было начать регулярное наступление. Поэтому мы начали обстрел Алексеевского училища из шестидюймовок со стороны Бауманского, Замоскворецкого и Рогожско-Симоновского районов (в последнем под руководством тт. Гончарова и Лидак). Эта бомбардировка заставила часть алексеевских юнкеров выбросить белый флаг. Договор о перемирии с юнкерами заключили тт. Васильев, Масленников, Демидов и др. Силы противника были уже поколеблены энергичным натиском Красной гвардии и войсковых частей.

Другой товарищ, начальник штаба Красной гвардии Бутырского района, т. Качалин, в своих воспоминаниях также обстоятельно описывает обстановку вооруженной борьбы в Бутырском районе и на железнодорожных станциях. Приэтом необходимо отметить, что главные силы Красной гвардии этого района, под командой начальника Бутырского района, т. Квесис, были

двинуты для непосредственной борьбы в центр. Вот описание борьбы в районе.

«В Октябрьские дни наш Бутырский район не представлял собой боевого центра, а служил резервом для пополнения боевых сил. С первого часа восстания все товарищи, вооруженные и имевшие военную подготовку, во главе с т. Квесисом были направлены в Городской район.

Я же был назначен районным комитетом начальником штаба Красной гвардии района, и мне пришлось организовать отряд из новых людей. Но в этот момент уже не было необходимости в обучении: обученных девать было некуда. Со всех заводов приходили рабочие по нескольку десятков и заявляли, что у них есть взводные и отделенные командиры и просили только дать им оружие и распоряжения. Это были рабочие с заводов: «Дукс», Устрицева, «Габай», шорных мастерских, Циммермана, хрустального завода и разных мелких мастерских.

В ночь восстания мы с Богородицкой улицы перебрались на Нижнюю Масловку, заняли большой дом, который в несколько часов превратился в муравейник. Совет и районный комитет избрали Революционный комитет, к которому и перешла вся власть в районе. В Революционный комитет входили тт. Багров, Розова, Коробочкин и один представитель от солдат (фамилии не помню), кажется, от «двинцев».

Все приказы исходили от Революционного комитета, но в боевую часть Ревком совершенно не вмешивался, предоставив все это начальнику штаба Красной гвардии.

Главная трудность, с которой мы столкнулись с самого начала, была—отсутствие оружия. Во всем районе было только 7 винтовок, которые мы получили в наследство от объединенного районного комитета, и несколько револьверов, с которыми пришли сами рабочие.

На утро первого дня восстания мы собрали всех вооруженных—около 20 человек, с которыми и направились разоружать офицеров в лазарет на Панской улице, где их было около 200 человек. При обыске мы там нашли 5 револьверов и несколько шашек. Затем в двух комиссариатах милиции было взято около 16 винтовок, так что на первый день удалось вооружить огнестрельным оружием человек 50 и холодным (штыком и шашкой) тоже около 50. Ясно, что этого нам было мало. Рабочие все время требовали настойчиво оружия и заявляли, что без оружия они ничего сделать не могут.

В это время наша разведка нам донесла, что в Петровской сельскохозяйственной академии находятся 300 студентов, враждебно к нам настроенных и вооруженных. Они являлись для нас большой угрозой. Ясно было, что нужно было их обезоружить и обезвредить. Но пойти к ним у нас не было с чем. По соседству с ними находилась также 74-я Тульская дружина, состоявшая из запасных стариков, которые несли караульную службу. Их было человек 150. Они были вооружены старыми берданками. Посоветовавшись с т. Коробочкиным, членом Ревкома, мы решили переговорить с этой дружиной стариков, с тем чтобы привлечь их на нашу сторону и не допустить их под влияние студентов. Вначале дружинники долго колебались, хотели остаться нейтральными, но мы их запугали, сказав, что студенты могут их захватить врасплох и отобрать оружие. После этого они решили держать с нами связь. К этому времени нам сообщили, что на Александровском вокзале имеются итальянские ружья, причем начальник милиции скрылся и винтовки можно было забрать беспрепятственно. Мы поспешили воспользоваться этим случаем и захватили там 100 винтовок и патроны к ним. Но, увы! При ближайшем осмотре они оказались без затворов.

Разведка наша состояла из женщин. Работала она очень хорошо. Женщин мы посылали во все уголки узнавать и подслушивать, что делается. Они нам приносили правильные сведения и хорошо выполняли все задания. Из них я помню тт. Известьеву, Соболеву, Берзину, Казанову. Большая часть их была работницами фабрик «Габай», «Ралле» и обмундировочных мастерских.

Связь наша с центром и другими районами также была возложена на женщин, на более опытных и развитых. Телефонная связь была, но на нее положиться нельзя было, так как было очень много провокационных вызовов и неправильных сообщений. Живая же связь была не совсем удовлетворительная, так как, вопервых, она была недостаточно быстра и, вовторых, не совсем точная.

К нам все время доносилась пулеметная и оружейная стрельба. Но непосредственно в районе боя не было. Все же мы находились под постоянной угрозой и были все время настороже, так как хотя рабочих было и много, но они были недостаточно вооружены. А между тем, мы были окружены враждебными нам элементами: студенты Сельскохозяйственной академии, офицерский госпиталь, затем на ст. Лихоборы прибыла какая-то военная

часть, которая держала связь с Сельскохозяйственной академией. На Ходынке стояла артиллерийская часть, которая не вмешивалась в сражение и заявляла себя нейтральной. Мы с ней поддерживали связь, но полной уверенности в том, что они к нам присоединятся, у нас не было.

Самые томительные и нервные часы для нас были в третью ночь сражения. Наша разведка принесла нам сообщение, что юнкера берут верх и наши отряды Красной гвардии отступают. Мы отправили несколько товарищей на грузовике в центр (на Сретенку) с лучшим оружием для подкрепления, сами же мы остались только с холодным оружием и несколькими револьверами. Мы усилили наши патрули. На более опасных местах в эту ночь поставили посты с шашками и револьверами. Под утро мы получили сообщение, что юнкера пробрались через Пресню на Ходынку к артиллерийскому парку, зарубили двух часовых и увезли два шестидюймовых орудия. Это сообщение нас очень встревожило, так как это указывало на связь юнкеров с артиллеристами. Однако через некоторое время наша связь нам принесла другое сообщение, что один из часовых был только ранен, причем ему удалось своевременно поднять тревогу, и артиллеристы догнали юнкеров и казаков на Горбатом мосту и отбили у них орудия. Казаки и юнкера разбежались. Тут мы сразу воспрянули духом, и действительно, к обеду мы вернули артиллерию на нашу сторону.

После сообщения о том, что студенты поддерживают связь с какой-то воинской частью, прибывшей по Петроградской железной дороге и находящейся неизвестно где, перед нами встала задача немедленного разоружения студентов. Эта задача Революционным комитетом была возложена на меня.

Я собрал все вооруженные силы и отправился к 74-й Тульской дружине с просьбой помочь нам. Когда дружинники узнали, что на нашей стороне артиллерия, то они без всяких колебаний согласились нас поддержать. Это было для нас большой поддержкой. Начальник этой дружины (фамилию его не помню) оказал нам большую помощь. Совместно с ним был выработан план действий так, чтобы разоружить студентов, не вызывая жертв ни с той, ни с другой стороны. Мы подошли к Сельскохозяйственной академии, окружили ее со всех сторон и не пропускали оттуда ни одного человека. Я взял с собою человек пять хорошо вооруженных товарищей и направился на переговоры со студентами. Из переговоров с ними стало ясно, что

они крайне враждебно к нам относятся. Что же касается оружия, то у них, повидимому, не было его, ибо в противном случае они бы нас не допустили. Я им заявил, что мы шутить с ними не намерены, что они окружены нами, и если бы вздумали сопротивляться, то мы направим на них артиллерию и разгромим. После этого мы предложили им сдать оружие. Они сознались, что у них есть всего 11 винтовок, которые им нужны для охраны академии. При обыске нами было обнаружено 11 винтовок и 6 револьверов. На общем собрании студентов по поводу наших требований они постановили дать нам обязательство о невмешательстве, а также заявили, что имели связь с ударным батальоном, от которого приходили к ним два раза и предлагали поддержать юнкеров, но они отказались. Местопребывание этого батальона они заявили, что не знают. Однако ударники продолжали появляться в Сельскохозяйственной академии. Медлить было нельзя. Нужно было немедленно их отыскать и ликвидировать эту угрозу.

Я собрал всех вооруженных в районе людей и опять обратился к дружине с просьбой присоединиться к нам для розыска ударников и их ликвидации. Но на этот раз дружинники отказались, заявив, что они боятся ударников, которые слишком хорошо вооружены и могут их перестрелять, как куропаток. Однако после долгих разговоров они согласились нам притти на помощь только тогда, когда у нас завяжется бой с ударниками, а пока они будут резервом.

Мой отряд Красной гвардии направился немедленно в разведку по всем поселкам, примыкающим к Разумовскому, и во все дачные кварталы. Через некоторое время разведка вернулась, причем нигде ударников ею обнаружено не было. Тогда я сам отправился с несколькими вооруженными товарищами и одной женщиной в отдаленное место по направлению к Петроградской (Николаевской) железной дороге. Одна группа вместе со мной направилась в сторону железной дороги, а другая—в Лихоборы. Не доходя с четверть версты до железнодорожной станции, мы заметили солдат, перебегающих из леса через полотно железной дороги в низину. Не было сомнения, что это и есть те самые ударники, которых мы ищем. Мы остановились и обстреляли то место, в котором заметили солдат, предполагая, что они не замедлят нам ответить тем же. На наши выстрелы к нам пришла вторая группа товарищей, как мы и условились. Однако ударники нам не отвечали. Мы двинулись дальше к тому месту, где видели солдат,

причем станция осталась справа от нас, а мы отправились к запасной ветке, где стояли пустые вагоны. Осмотрев местность и не обнаружив там батальона, мы отправились обратно по пути к станции. Мы шли спокойно, ничего не подозревая. Как только мы поднялись на платформу, мы наткнулись на офицеров, которые шли к нам навстречу, вооруженные револьверами. Мы поняли, что они не одни и уйти нам от них не удастся. Обсуждать, разговаривать нет возможности, надо было действовать. Товарищей своих я предупредил только в нескольких словах: «Исполняйте все, что я скажу, жизнь нужно отдать как можно дороже».

Внешне мы сохранили полное спокойствие. С нами были тогда товарищи: два брата Исаевы, Веселов В., остальных не помню.

Поровнявшись с офицерами, я их спросил, из ударного ли они батальона и не могу ли я видеть их начальника. Они в свою очередь спросили, кто мы такие. Я ответил, что мы посланы штабом Красной гвардии и Революционным комитетом для переговоров с ними. Тогда офицеры сказали, что их командир находится на станции и повели нас с собой. Перед входом в станцию я оставил трех товарищей на платформе, а остальные вместе со мной вошли в станционное помещение. Вся станция была набита солдатами, ружья их были составлены в углу.

Меня подвели к одному молодому офицеру с двумя георгиевскими крестами и еще несколькими другими медалями и крестами, с красным, боевым темляком на шашке. Этот капитан и был командиром батальона. Я ему заявил, что я являюсь уполномоченным Революционного комитета для переговоров с ними относительно сдачи оружия, причем во избежание жертв предлагаю это сделать немедленно без всяких осложнений. В противном случае может произойти кровопролитие, так как они окружены революционными солдатами и рабочими, которые сумеют взять их силой. Тем временем солдаты ударного батальона приблизились к нам для того, чтобы услышать подробный мой разговор с командиром. Винтовки, составленные в углу, остались без охраны. В ответ на мои слова офицер рассмеялся и дерзко ответил, что сдаваться не собирается и никакого Ревкома не знает и не подчинится ему. Я понял, что надо действовать решительно, ибо разговорами тут ничего не добьешься. Я выхватил револьвер, направил его в грудь офицера и крикнул своим товарищам: «Захватите винтовки!» Товарищи только этого и ждали. Подбежали к винтовкам, взяли ружья наперевес и

дуло направили в группу солдат и офицеров. Я скомандовал «Не шевелиться», под угрозой—каждого, кто двинется, перестрелять.

Неожиданность такой тактики застала их врасплох, и, несмотря на то что были боевые офицеры, все они замерли и не шевелились. Я приступил к отбору оружия от офицеров. Затем я вышел на платформу, где стояли остальные наши три товарища, взял одного в помещение, поставил у двери, приказав ему никого не выпускать оттуда. Двоих же я оставил на платформе, приказав им внимательно следить за всеми прохожими и, в случае обнаружения новой группы ударников, стрелять в них. Это услышал начальник станции, который и сказал мне: «Что вы делаете, ведь они вас изрежут, как щенят». Я крикнул начальнику станции, чтобы он подошел ко мне, но он испугался и заперся в своей квартире. Возиться с ним у меня не было времени. Я сказал одному из товарищей, чтобы он следил за дверью и, в случае если кто-нибудь выйдет, стрелял. Приказ был отдан громким голосом, чтобы слышал начальник станции.

Затем я надел на карабин свою шапку и несколько раз помахал ею над головой, якобы призывая к себе на помощь отряд, который находится здесь поблизости. Однако ко мне подошла только одна женщина, которую мы оставили на условленном месте. Я ее послал немедленно к дружине и сказал, чтобы она как можно скорее вела их сюда, сказав им, что ударники разоружены и нужна только охрана для того, чтобы свезти оружие. Просил ее поторопиться, так как оставаться долго в таком положении нельзя было.

Дружина находилась от нас на расстоянии двух с лишним верст, и т. Известьева пустилась туда бегом. Я же вошел обратно в станцию и сказал, что придется подождать, пока придут товарищи, которые расположились поблизости, и мы двинемся в штаб. Встревоженные ударники все время спрашивали, что с ними будет. Я им ответил, что их отпустим, так как они сдались без сопротивления. Я не хотел их раздражать, так как знал, что помощь к нам придет еще не скоро, и опасался, что может случиться что-нибудь недоброе. Я выходил несколько раз на станцию, но все никого не было видно. Наконец, я увидел всадника. Я подбежал к нему, причем он оказался из нашего штаба. Я ему объяснил кратко, в чем дело, и направил его к дружине, а сам остался, с нетерпением ожидая помощи.

В таком томительном состоянии нам пришлось пробыть часа два. Через два часа пришла т. Известьева и привела с собой 8 вооруженных рабочих. Что же касается дружинников, то они не поверили рассказу Известьевой об аресте ударников, были уверены в том, что ударники перережут всю нашу охрану, и направились в обход. С прибытием 8 рабочих и т. Известьевой нас уже стало 16 человек. Я решил с этим конвоем вести ударников в штаб. Их было 40 рядовых и 8 офицеров. Но тут я встретился с очень большими затруднениями. Довести ударников до штаба с таким конвоем можно, но что делать с оружием? А его было— 40 винтовок, 8 револьверов и шашки. Дожидаться еще, когда подойдут дружинники, было неразумно, так как дело шло к вечеру, начинало темнеть. Оставить винтовки на станции нельзя было, взять с собой—невозможно, так как приходилось на каждого конвойного по 3 винтовки. Но думать было некогда, надо было двигаться. Я вывел ударников, построил по четыре, поставил конвой. Раздал каждому конвойному по три винтовки, и мы двинулись.

Ударники шли молча, только друг на друга посматривали. И командир всю дорогу шел и ныл, что у него отняли шашку, которая была ему подарена за отличие на войне.

Так мы прошли полверсты. Тут навстречу нам показались дружинники, которые залегли в канаве. Но как только они увидели, что мы ведем ударников арестованными, они вышли к нам навстречу. С приходом дружинников всякая опасность для нас миновала. Мы всех пленных благополучно доставили в распоряжение Революционного комитета и таким образом ликвидировали последнюю угрозу в нашем районе».

Здесь еще необходимо добавить, что Бутырский район находился как раз на пути к Серебряному бору, куда Общеармейским комитетом, как мной указывалось, было направлено для противника несколько эшелонов оружия. Ударники, узнав об этом, по всей вероятности, выслали туда разведку, которая и похитила отбитые обратно два шестидюймовых орудия, как пишет т. Качалин. Случай перехвата ударников свидетельствует о том, что противник знал о «засланном» оружии и стремился овладеть им.

Красная гвардия и революционные солдаты, действовавшие в центре, самостоятельно устраивали баррикады и занимали все стратегические пункты. Между тем в ВРК уже поступили донесения о действиях противника. Разведка в 12 час. 20 мин. 28 октября донесла, что:

«В Знаменском переулке сегодня ночью происходило собрание. Выставлен пост красногвардейцев-разведчиков. Посланы 5 солдат.

За начальн. (подпись)» [1].

Через двадцать минут из Бутырского района сообщается:

«28 октября, 12 ч. 40 м.

Донесение № 80.

Конная разведка. Бутырский район—тишина. На улицах митинги провокационные. Садовая и до Страстного: чайные закрыты, конные разведчики предупредили милицию. Слышали орудийные выстрелы от Ходынки. Конной разведкой нашей арестовано несколько погромщиков—отведены в Бутырский Р.С.Д.Р.П. [2] На конную разведку думали, что это казаки, и указывали им большевиков, а в результате были арестованы укрывающиеся.

За нач. разведки Федотов [3].

Через десять минут поступают сведения с Тверской улицы:

28/X, 12 ч. 50 м.

Донесение № 89.

На Тверской сейчас убиты шофер и сестра, подбирать не дают, стреляют, и один автомобиль остановлен студенчатами.

За нач. разведки Федотов» [4].

«Донесение № 86.

Разведочная команда двинцев доносит—на Страстном редкая перестрелка. Юнкера стреляют из Градоначальства.

За начальника Федотов» [5].

«Донесение № 28/X.

У Страстного стоит наша артиллерия—I батарея. Саблина не нашли. Батарея, стоящая у Совета, требует давать ей распоряжения, а то они не знают, как действовать.

За начальн. разв. (подпись)» [6].

«Донесение № 98, 28/X.

В Малом Гнездниковском переулке в кафе задержаны два человека по совету жильцов дома, заявлявших, что они являются подозрительными. У одного из них отобран наган и патроны, у второго—патроны от браунинга, который он отдал Предс. полк. комитета. Для обследования высланы разведчики.

(Подпись)» [7].

---

[1] Подразумеется комитет нашей партии. *Я. П.*

[2] Из документов архива ВРК, Центрархива, д. № 21/4.

[3] То же.

[4] То же.

[5] То же.

[6] То же.

[7] Из документов архива ВРК, Центрархив, д. № 21/4.

В Замоскворецком районе в то же время происходило следующее:

Имея в виду, что линией нашего наступления была Москва-река и что с этого места было особенно удобно бомбардировать Кремль, мы установили свои батареи на набережной в Замоскворецком районе против Кремля. Это были сорокадвухлинейные, сорокавосьмилинейные и трехдюймовые. Товарищи Переверзев и Блохин подтянули в Замоскворецкий район и на Воробьевы горы также и тяжелую шестидюймовую артиллерию, чтобы обстрелять Кремль. Против Кремля первыми начали действовать батареи Замоскворецкого района.

Почти в то же время из Хамовнического района также производился обстрел Кремля. Части Лефортовского района, уже победившие противника в своем районе, разделились: одна часть пошла на Алексеевское училище, а другая двинулась в центр, на Лубянскую площадь, и соединилась с частями Красной гвардии для наступления на Кремль.

На местах, в более отдаленных районах, штабы Красной гвардии проявили себя не менее энергично и руководили действиями, вполне сообразуясь с новыми обстоятельствами. Так, например, Мытищинский штаб Красной гвардии извещает Мызо-Раевский военно-революционный комитет о более быстрых действиях для лучшего удара по противнику. Привожу следующий характерный документ.

Ш т а б

КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Мытищ. района

Окт. 2—17 №

«Товарищи, давайте письменные распоряжения, как нам нести прикрытие Мызы-Раево в случае наступления со стороны Клязьмы. Кроме того, т-щ эмиссар, который должен был ехать сегодня на Клязьму, не явился из Раева; пришлось послать только т-ща рабочего.

Товарищи, побольше распорядительности! Уже есть факт, что от вас попала к нам винтовка без вашего ведома. Установите больше наблюдения при раздаче оружия и поставьте специально около телефона на ст. Лосиноостровская телефониста—пусть держит связь с нашим членом Совета на ст. Мытищи. У нас разбежались почтово-телеграфные служащие, испортив аппараты. Из перехваченной телеграммы выяснилось, что Мытищи центр. станц. выключены и все телеграммы передаются через Пушкино. На железной дороге ночью перехвачена телеграмма от Комитета Спасения Родины—явно враждебного к Советам характера, между прочим подписана Исполнит. К-том Центр. Совета. Так что смотрите! Могут поднять силы, и мы не будем знать, как будет сколочена сила. Распоряжения даются по телеграфу из Москвы. Чтоб убедиться, возьмите умеющего читать по ленте, и на ст. Лосиноостровской найдете богатейший материал.

Немедленно и обязательно со всех наших письменных известий снимайте копии и о б я з а т е л ь н о пересылайте в Московский Военно-Революционный орган.

(Подпись).
Секретарь (подпись)» [1].

(М. п.)

После этого, вечером 28-го, срочно посылается второе отношение.

Исполнит. Комитет
Мытищин. Район. Совета Р. и С. Д.
и

«С р о ч н о.

Штаб Красной Гвардии.
Октября 28, 20 часов вечера.

Извещаем, что только быстрота действий спасет наше положение. Добейтесь, чтобы выгнать всех телефонисток с Моск. Центр. и Загородн. Телефонных Станций—они предательствуют. Телеграф передает телеграммы якобы от имени фронта за подписью Духонина и прочих. Нами такая же телеграмма перехвачена в Мытищах. В ночь проведите спешно полевой телефон между хотя бы Сокольн. Советом и Мызой, а также с Мытищами.

Установите строгий надзор за всеми грузами, идущими в Москву. Для этой цели на ст. Лосиноостровская усильте до большего размера воинский караул. Могут итти из Англии пулеметы и проч. вооружение. Если будут лишние ружья, прибавьте нам. Действуйте быстрее! Верим, что победим или умрем.

Председатель Ф. П о т а п о в.
(Две печати.) Секретарь Э. Ш а л ь» [2].

На подлиннике надпись Комиссара Мызо-Раево, т. Стефашкина, серым карандашом:

«По выставке караула было обнаружено до 15 вагонов винтовок и несколько пулеметов, которыми вооружили сейчас же Раевский гарнизон и послали в Мытищи, а остальное—в распоряжение Сокольнического района. С т е ф а ш к и н. Мызо-Раево».

В центре 29 октября бои разгораются. Мальчик-доброволец доносит следующее:

«У Арбатских ворот юнкера обыскивают всех проходящих. Где станция трамвая, там орудия и окопы. На Арбате у гаража стоят автомобили, в середине готовых 8 грузовых, легких 3, броневиков нет. У Никитских ворот в магазине Бландова на втором этаже стоит легкое орудие, все время бьет по направлению к Страстному монастырю. На Страстной площади немного большевики отступили ввиду сильного обстрела. Мальчик Кауров.

За начальника разведки Ф е д о т о в».

---

[1] Из архива Мызо-Раевского склада.

[2] Из архива Мызо-Раевского склада огнеприпасов.

«Команды добровольцев на нашей стороне, 83 чел. Приходил генерал и просил отдать оружие, но никто не отдал» [1].

Революционные части, продвигаясь к центру, сжимают в кольцо юнкеров. Пробившаяся часть через Софийку захватила Большой театр и просит Военно-революционный комитет:

«Немедленно пришлите поддержку из 10 чел. солдат. Больше патронов. Дальше Соединенного Банка продвинуться не могли. Занимаем позицию рядом с Большим театром, который в наших руках.

(Подпись)» [2].

29/X.

В ответ на это ВРК дает приказ:

«Командиру Охотнорядского участка.—Военно-Революционный Комитет приказывает завести связь с Театральным участком, что в Малом театре. Член Военно-Революционного штаба.

Секретарь» [3].

На Ходынке, откуда революционные части 1-й запасной артиллерийской бригады вышли в центр и сражались против юнкеров, остались «надежные» части разных команд, которые активно стали выступать против революции. Находящаяся там охрана авиопаркскслада, разоруженная Временным правительством и отдавшая нам последние пулеметы, чтобы дать отпор белым, уже шлет в ВРК требование на оружие.

Этот документ гласит:

«Требование.

В Военно-Революционный Комитет Совета Солдатских Депутатов.

Прошу отпустить для Московского парка склада авиационн. воздух. имущества для Революционного К-та 1300 винтовок и к ним патронов; так как у нас абсолютно нет вооружений, складу угрожает опасность, то прошу немедленно таковых нам дать, которые принесут для закрепления порядка...

Председатель Военно-Революционн. К-та Д. Паронин.
Секретарь » » » С.....

Москва, 29 октября 1917 года [4].

(М. п.) Комитет 2-й роты Московского Парка Склада Авиационно-Воздухоплавательного Имущества».

---

[1] Из архива ВРК, Центрархив, д. № 21/4.
[2] То же.
[3] Из архива ВРК, Центрархив, д. № 24, стр. 95.
[4] АОР. Ф. VI. Оп. 2. Прилож. к № 1090. Л. 728.

Того же 29 октября разведка т. Федотова доносит, что

«Из Парка авиационного склада (Ходынка) сообщают

«Согласны вылететь 2—3 аэроплана с пулеметами и бомбами. Ждут приказа от Революционного Комитета. Летчики до некоторой степени колеблются. Жалоба—их представитель—постоянно находится у нас в Совете. Пулеметами 2 мы охраняем артиллерию. Имеется в команде 800 человек и только 14 винтовок. Требуются винтовки. Один наш пулемет стоит недалеко от артиллерии. Еще на Башиловке 2 пулемета. Мы имеем связь с артиллерией и с пехотой в нашем районе. С артиллерией ездим в разведку. Вообще Ходынка в хороших руках.

За нач. разв. Федотов» [1].

Вот несколько эпизодов из боевой обстановки до заключения первого перемирия 29 октября. Эти эпизоды если не полностью, то все-таки в достаточной мере рисуют ту обстановку, которая сложилась перед заключением перемирия. Отсюда видно, что, во-первых, в боях несомненный перевес был на нашей стороне, вовторых, белую гвардию и юнкеров мы теснили и окружали, втретьих, все попытки белых прислать пополнение ударниками и оружием терпели неудачу. Таким образом противник вынужден был прибегнуть к единственному оставшемуся у него более серьезному методу борьбы— к передышке и подтягиванию боевой силы и оружия извне. Посредством соглашательского, контрреволюционного Викжеля белые закинули удочку—предложили ВРК заключить перемирие, чтобы таким путем отвлечь от себя удары Красной гвардии и привести свои, уже значительно потрепанные силы в порядок.

---

[1] Из архива ВРК, Центрархив, д. № 21/1.

XII. ПЕРЕМИРИЕ 30 ОКТЯБРЯ.

Днем 29 октября уже пошли слухи, что ночью будет заключено перемирие, и красногвардейский отряд, находившийся у Никитских ворот, шлет в ЦВРК сообщение:

«В.-Рев. штабу необходимо исправить ошибки и, воспользовавшись ночью предполагающимся перемирием, расширить плацдарм:

1) 30 [Октября] уг. Никитской и Садовой-Кудр. с обст[релом] Садовой
2) 30 « « « « « « Никитск.
3) 30 « « « « Тверск. бульв. « « «
4) 30 « « « « « « « « «[1]

В эти дни—28 и особенно 29 октября бои были очень ожесточенными. Противник держался чрезвычайно стойко. 29 числа, особенно в центре, противник, видимо, не сдавался, о капитуляции белогвардейцы пока и не думали. И против всякого ожидания мы вдруг получаем предложение о перемирии, несмотря на то, что ни та, ни другая сторона не была сломлена, за исключением некоторых мелких частей. Перемирие было заключено. Как впоследствии оказалось, к этому побудили белых наши успехи. В наших руках находились все военные огнесклады и арсеналы, за исключением кремлевского, который оставался в руках противника. Нами был захвачен также весь транспорт. Мы лишили их возможности передвижения и снабжения своих частей боевыми припасами. Боевых снарядов, патронов и ручных гранат у противника было чрезвычайно большое количество, но к этим запасам, находящимся в районе указанных мною трех колец, мы своим энергичным натиском из районов преградили путь. Таким образом противник остался без боевых припасов и по этой и другим причинам 29 октября он предложил нам перемирие.

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 24, стр. 108.

Контрреволюционеры надеялись выиграть время в ожиданий подкреплений. С юга к ним шли казачьи полки, а по Брянской дороге—ударники. При таких обстоятельствах заключение перемирия для белогвардейцев было безусловно выгодно.

Тов. Муралов в своих воспоминаниях [1] об октябрьских боях упускает из виду главную причину заключения перемирия, т. е. то, что у противника к этому времени истощились все боевые припасы и пополнить их в достаточном количестве он не имел возможности из-за указанной мною выше стратегической обстановки.

Изданный Рябцевым приказ о прекращении боевых действий гласил:

«Кому. ...Начальнику всех боевых участков.
1917 г. 29 окт. 18 час. 20 мин.
№ 2. Место отправления.....
С кем отправлено.....
Приказываю немедленно прекратить стрельбу. Противная сторона издает одновременно такой же приказ. Представители железнодорожного союза наблюдают за немедленным вслед за сим установлением нейтральной зоны. К 19 часам 30 минутам в центре должна быть прекращена всякая стрельба безусловно и категорически. Всем начальникам лично наблюсти за этим.

Командующий войсками полковник Рябцев» [2].

Военно-революционный комитет также разослал по районам и боевым частям приказ:

«Всероссийский Железнодорожный Союз предложил Военно-Революционному Комитету посредничество в переговорах с противной стороной.

Согласившись на ведение переговоров, Военно-Революционный Комитет объявляет перемирие до 12 часов ночи 30 октября с. г., втечение этого времени будут вестись переговоры.

Военно-Революционный Комитет приказывает всем своим войскам немедленно прекратить всякие активные действия и стрельбу.

За председателя А. Ведерников.
Г. Усиевич.
Секретарь П. Кушнер [3].
А. Розенгольц».

Этот приказ, попадая в районы, дополняется распоряжениями районных Военно-революционных комитетов. В Замоскворецком районе к нему при опубликовании было добавлено:

---

[1] «Пролетарская революция», № 10, 1920 г., стр. 313.
[2] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 24.
[3] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/4.

«Замоскворецкий Военно-Революционный Комитет, передавая этот приказ к исполнению, приказывает в свою очередь сохранить полную боевую готовность и закрепляться в занимаемых позициях» [1].

Большинство районов, где отдельные части Красной гвардии уже одержали несколько побед, не хотели мириться с заключением перемирия, так как видели, что отсрочка нашего решительного наступления была наруку противнику. Наши боевые силы овладели положением и чувствовали свое превосходство над противником. Из сохранившихся документов этого периода привожу резолюцию ВРК 1-й запасный артиллерийской бригады от 29 октября:

«Пленарное собрание представителей Военно-Революционных комитетов батарей 1-й запасной артиллерийской бригады с представителями пехотных частей, заслушав мнение по вопросу о заключении, согласно приказа Военно-Революционного Комитета от 29 октября с. г., перемирия на 24 часа, по инициативе Всероссийского Железнодорожного Комитета, между Военно-Револ. Комитетом и противником, вынесло следующее решение:

Подчиниться приказу Военно-Революционного Комитета и прекратить военные действия, но в то же время собрание представителей находит необходимым указать Военно-Революционному Комитету, что уступок при переговорах быть никаких не может, ибо спасение России и революции должно стоять выше интересов капиталистов, а также просит представителей Военно-Революционного Комитета прибыть завтра утром в бригаду и выяснить все положение как в Москве, так и во всей России.

Председатель Гливинский.
Секретарь Васильев».

Причины, по которым противник предложил перемирие, скоро выявилось. Во время перемирия противник получил возможность подвести отрезанные нашими частями боевые припасы и сконцентрировать их на своих стратегических пунктах. Уже утром на другой день стали поступать сведения о нарушении условий перемирия. Через несколько часов после начала перемирия прибыл на Брянский вокзал первый отряд ударников. Юнкера тотчас же осмелили и произвели нападение у Никитских ворот. В это время, согласно условиям перемирия, юнкера считали, что район их господства в центре Москвы определяется следующими границами:

Ушаков переулок, часть Остоженки, Полуектов переулок, Пречистенка, Мертвый переулок, Старо-Конюшенный, Кривоникольский, Б. Молчановка, проход через церковный двор и

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/5, стр. 9.

переулок, Хлебный переулок, Никитский бульвар, Калашников переулок, Ср. и Б. Кисловки, Воздвиженка, Моховая, Охотный ряд, проезд Театральной площади и гостиницы Тестова, сквер у Кремлевской стены, проезд у Метрополя, Третьяковский проезд.

Между прочим в это же время юнкера решили по подложному ордеру получить патроны из Симоновского огнесклада, находившегося в наших руках. Для этого группа юнкеров, переодевшись рабочими, на грузовиках подъехала к Симоновскому складу. Случайно обман их был раскрыт, и красногвардейцы потребовали от Замоскворецкого Военно-революционного комитета расстрела юнкеров, т. к. по законам военного времени шпионы караются смертной казнью, а действия юнкеров являлись шпионскими. Но председатель Замоскворецкого Военно-революционного комитета, т. Штернберг, не допустил расстрела юнкеров, категорически заявив, что юнкера будут преданы суду по обвинению в мошенничестве и подлоге.

Военно-революционный комитет, получив ночью сведения о нападении ударников на Брянском вокзале, в 6 час. 35 мин. утра 30 октября выпустил обращение:

«Товарищи!

Мы верно исполняли все условия перемирия, а наши враги их нарушили. На Брянском вокзале явилось 155 человек солдат ударников с офицерами, забрали винтовки, которые на вокзале были, очевидно, для них приготовлены, арестовали коменданта, оставили охрану и отправились в Кремль.

Надо готовить отпор, надо готовиться к решительной борьбе с врагом. Все должны немедленно привести себя в боевую готовность и спешить в Совет, на помощь Революционному Комитету.

Скорей, время не терпит!

Дорога каждая минута. Скорей на помощь!

(Печать.) Председатель Военно-Революционного Комитета

(подпись) [1]

Затем к вечеру получается и приказ.

«30 октября 1917 г. № 40. Всем революционным войскам и Красной Гвардии г. Москвы.

Военно-Революционный Комитет объявляет, что с 12 часов ночи 30 октября перемирие кончено, и Военно-Революционный Комитет призывает верные революции части и Красную Гвардию стоять твердо за правое дело. С этого момента мы вступаем в полосу активных действий.

Член Военно-Революционного Комитета Н. Муралов.

Секретарь Ин. Стуков» [2].

---

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/4.

[2] Там же, д. № 24, стр. 61.

30 октября после перемирия Замоскворецкий Военно-революционный комитет рассылает по району обращение:

«Товарищи! Перемирие закончено. Начались военные действия. Отныне никаких уступок, никаких колебаний! Враг должен быть сломлен, должен быть побежден! Буржуазия все усилия употребит на то, чтобы не уступить свою власть классам, которые ей ненавистны. Немедленно должны быть начаты наступательные действия. Вперед за свободу, за землю, за народную власть» [1].

Снова начались очень жестокие бои с обеих сторон. Силы Красной гвардии возросли приблизительно до 100 тысяч человек, включая все революционные части гарнизонов. Наши силы увеличивались с каждым днем, так что в конце восстания, 2 ноября, насчитывалось около 200 тысяч человек.

Наступил огромный подъем революционного настроения, который захватил и пассивно относившихся до этого времени солдат старой армии и всех остальных рабочих, не примкнувших вначале к решительной вооруженной борьбе. Этот подъем привел к окончательной победе.

Перемирие 30 октября надо считать крупнейшей ошибкой нашего руководства во время октябрьских боев. Об этом свидетельствуют вышеприведенные факты и документы. Перемирие дало возможность противнику значительно укрепиться, выиграть время для переброски контрреволюционных частей на помощь белогвардейцам и перейти к решительному наступлению против революционных рабочих и солдат, что выявилось сейчас же после перемирия.

---

1 Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/4.

XIII. ПОСЛЕ ПЕРЕМИРИЯ.

Второй период октябрьских боев (с 30 октября по 2 ноября).

После перемирия 30 октября, когда выявилась нерешительная политика ВРК, попавшего на удочку Викжеля, когда юнкера, подтянув свои силы, стали выбивать нас почти изо всех занятых нами позиций,—в ВРК происходит паника и рассылаются приказы о немедленном стягивании всех революционных частей в центр. Об этом свидетельствует следующий документ.

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
КОМИТЕТ.

Москва, Тверская д. бывш.
Генерал-губерн.
30 дня 191. . . г.
№ 479.

«Приказ

Всем районным Советам Рабочих и Солдатских Депутатов.

Военно-Революционный Комитет приказывает во что бы то ни стало прислать для Штаба все имеющиеся свободные вооруженные силы, не останавливаясь перед ослаблением и снятием наименее важных караулов с постов. Приказ должен быть исполнен немедленно.

Член Военно-Революционного Комитета А. Аросев.
Секретарь» [1].

Из документов видно, что ВРК, впадая в панику, уже не считается со стратегическим положением постов в районах и ослабляет такие важные пункты, как, например, Симоновский и Мызо-Раевский огнесклады и Подольск, сдерживавшие подвоз контрреволюционных казачьих частей по двум железным дорогам.

Вот эти документы.

«Приказ

Симоновскому Военно-Революционному Комитету.
Октября 31, 1917 г.
№ 116.

Военно-Революционный Комитет приказывает вам немедленно выступить кратчайшими путями и занять Лубянскую площадь; расположившись там,

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/4.

немедленно известить нас. Увеличить отряд, освободившись от лишних патрулей.

Член Военно-Революционного Комитета.....
Секретарь» [1]

Сокольнический Районный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

31 октября 191... г.
№ 181.

«Военный Революционный Комитет Мызо-Раевскому Военному Революционному Комитету.

Центральный Военно-Революционный Комитет требует от Вас немедленной посылки всех наличных сил, не останавливаясь перед ослаблением и снятием наименее важных караулов с постов.
(М. п.)

В.-Р. Комиссар Ефремов» [2].

Вызов из Подольска сил, которые защищали тыл и имели громадное значение для задержания противника, двигающегося на Москву по Курской и Павелецкой железным дорогам, также был нецелесообразен.

«Приказ

Подольскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.
Октября 31.

Военно-Революционный Комитет Московских Советов Рабочих и Солдатских Депутатов приказывает Подольскому Совету привести в Москву 1000 человек. Вооружение будет дано.

Член Военно-Революционного Комитета (подпись).
За секретаря (подпись)» [3].

Районы продолжают стойко бороться, но и противник усиливает натиск. Однако, Красная гвардия уже начинает одерживать частичные победы. 30 октября Замоскворецкий ВРК посылает:

«Боевой приказ. Военно-Революционный Комитет приказывает части 55-го пехотн. полка атаковать юнкеров, взять их живьем и препроводить в арестный дом.

Председатель Б. В.
Секретарь Вл. Файдыш» [4].

30 октября Замоскворецкий ВРК дополнительно вооружается и шлет:

«Боевой приказ. Военно-Революционный Комитет приказывает Симоновскому пороховому складу выдать на автомобиль полный груз всевозможного рода патронов.

Председатель Б. Волин.
Секретарь Вл. Файдыш» [5].

---

[1] Там же, д. № 24, стр. 160.
[2] Из документов ВРК, Центрархив.
[3] Там же, д. № 21/3.
[4] Там же, д. № 21/5, стр. 539.
[5] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/4.

Когда ЦВРК после многократных приказов о высылке частей из районов в центр увидел, что без боя в центре невозможно прорваться, а противник все более и более подкрепляет свои силы приезжающими контрреволюционными частями,—тогда ЦВРК решил эвакуироваться в помещение городского районного ВРК—в трактир Полякова на Сухаревской площади. Из воспоминаний, которыми мы спустя несколько лет после октябрьских боев обменялись с тт. Игнатовым и Пилатской, делегированными в свое время от ЦВРК в Городской район с целью подготовить помещения для ЦВРК, удалось установить, что ЦВРК действительно собирался уйти из центра. Причина этого, по воспоминаниям этих товарищей, заключалась будто бы в том, что центр находился под угрозой захвата наступавшими юнкерами и прочей белой гвардией. По этому вопросу в ЦВРК было заседание, на котором только один т. Усиевич, представитель Центрального штаба Красной гвардии, стоял за то, чтобы вести решительную борьбу и ни под каким видом не эвакуироваться. Военно-революционный комитет Городского района и его штаб Красной гвардии решительно осудили эту политику ЦВРК. Они отказали ЦВРК в этом помещении, а члены их, тт. Варенцова, Петров, Скрамс, Морозов и другие ответили приблизительно так: «Если вы еще попытаетесь заговорить о такой нелепости, мы вас разгоним». После этого ЦВРК отказался от эвакуации и под напором масс начал осуществлять руководство.

Таким образом все время получалась следующая картина. Военно-революционный комитет разбился на две части: меньшая часть, во главе с кандидатом ВРК т. Усиевичем и Ведерниковым, была за восстание, а другая часть, во главе с Мураловым, была за коалицию—за оттяжку военных действий и улаживание восстания мирным путем, т. е. согласилась поделиться властью с Рябцевым и Рудневым.

А штаб Красной гвардии, по предложению Московского комитета партии большевиков, рассыпался по районам, чтобы руководить выступлением масс. Следовательно, руководители Красной гвардии поднимают районы на восстание, руководят им и наступают на противника, а в ЦВРК возникают разногласия, в силу чего теряется руководство массой, а масса в развертывающихся действиях выходит за пределы предположенных ВРК границ и теряет доверие к руководящей верхушке. Этим и объясняется паника ВРК под напором противника после перемирия 29 октября.

В связи с попыткой эвакуации ЦВРК Муралов в своих воспоминаниях на заседании 14 августа 1921 г., так изображает дело:

«...Когда белогвардейцы получили подкрепление с западного фронта, преправились через Москву-реку и в Москве в числе руководителей с помощью их усиливали белогвардейскую офицерскую массу и когда Московский совет, где находился Центральный штаб, который руководил всеми операциями, постепенно был окружен, то у нас возникла мысль, что для того, чтобы белогвардейцы не лишили нас нерва управления всеми действиями, мы решили уйти из Московского совета и перейти в районный совет. Когда об этом узнали наши отряды в резерве, которые стояли на дворе Московского совета, на котором сейчас развевается наш пролетарский флаг,—тогда там стояли резервы запасных полков из всех районов,—они вызвали нас, призвали нас к порядку, и сказали: «Умрем, но не оставим Московского совета. Вы, наши вожди, должны остаться с нами с полной верой в то, что мы останемся победителями» [1].

Центральным штабом Красной гвардии была установлена связь с савеловским гарнизоном и условлено, что после переворота у себя они выедут на помощь Москве».

31 октября, стягивая боевые силы в центр, ВРК шлет приказ [2] савеловскому гарнизону:

«Центральному Исполнительному Комитету Совета Солдатских Депутатов Савеловского гарнизона.

Московский Военно-Революционный Комитет приказывает во имя спасения революции во что бы то ни стало прислать три броневых машины. Викжель уже нарушил нейтралитет пропуском в Москву контр-революционных ударников, сражающихся уже в рядах наших противников.

Член Военно-Револ. Комитета (подпись).
За секретаря (подпись)» [2].

Вместо присылки броневиков савеловский гарнизон сообщил, что он намерен сам выехать в Москву. ВРК, отвечая на это, посылает приказ за № 61 от 31 октября.

«Военно-Революционному Комитету Савеловского гарнизона. Военно-Революционный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов одобряет Ваш план наступления на Москву и предлагает следующий маршрут: по

---

[1] Из стенограммы речи т. Муралова на Мызо-Раевском складе от 14 августа 1921 г.

[2] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/3.

направлению Триумфально-Садовая, Скобелевская пл., где прибыть в Революционный штаб. Дальнейшие указания будут сделаны лично.

За члена Военно-Революционного Комитета (подпись).
За секретаря (подпись).

(Печать Моск. Совета Рабочих и Солдатских Депут.) Военно-Революционный Комитет» [1].

31 октября по распоряжению ВРК, по приказу № 60, высылаются «отряды»:

«5 час. утра: 1) Театральная площадь 150 человек. Начальник отряда Чиклин. 3 отряда по 50 человек:

а) Большой театр . . . . . 50 человек
б) Малый театр . . . . . 50 »
в) Централь . . . . . 50 »

2) Охотный ряд 100 человек.

Начальник отряда Сухонин.

а) Националь . . . . . 50 человек
б) Городская Управа . . . . . 50 »

3) Никитские ворота 100 человек.

Начальник отряда Ананьин» [2].

31-го же получаются сведения Московской радиостанции, принятые в 8 час. 45 мин. дня.

«Московскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и Петроградскому Военно-Революционному Комитету.

Встречайте лейб-гусаров гродненцев, они за советы.

Принял П. Суков» [3].

31 октября собрание главных мастерских службы телеграфа вынесло резолюцию:

«1) Товарищи железнодорожники, забудьте в настоящий момент все партийные раздоры, весь трудящийся класс без исключения должен поддержать борющихся за освобождение и улучшение трудящихся масс.

В настоящий серьезный момент должны быть две группы—группа трудящихся и группа нетрудящихся эксплоататоров, живущих нашим трудом и идущих во всем против нас.

2) Наша поддержка должна заключаться в том, чтобы каждый мастеровой и рабочий при мастерских всецело поддерживал революционный комитет при передвижении войск, амуниции, провианта и т. д., и противодей-

---

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21|3.
[2] То же.
[3] То же.

ствовать нашим врагам угнетателям из Временного правительства и поставить на вид Викжеля о необходимости присоединиться к нам.

Товарищей железнодорожников других служб просим пойти с нами рука-об-руку.

Председатель Межзил.
Секретарь Крохин» [1].

В то же время получается резолюция собрания представителей местного районного и Главного комитетов и революционного железнодорожного бюро.

«Принимая во внимание, что позиция железнодорожников остается нейтральной, что в настоящее время спокойная и напряженная работа жел. дорог как артерий, питающих страну, является более чем когда-либо необходимой и что такая работа при условии занятия станции вооруженными силами одной из борющихся сторон немыслима, не считая себя вправе подвергнуть опасности 8000 железнодорожных тружеников, работающих на станции, которая в каждый момент может стать ареной военных действий, после всестороннего обсуждения вопроса о занятии ст. Москва М. К. В. ж. д. в 10 часов вечера 30 октября ротой 193 полка, постановила: напомнить Военно-Революционному Комитету о нейтральности железных дорог, просить его не нарушать этого нейтралитета и вывести с территории станции роты 193 полка».

На подлиннике этого документа имеется следующая приписка:

«По поводу сего сношения сделано распоряжение остаться на месте, занимаемом отрядом нашего полка, до особого распоряжения на это Революционного Комитета.

Председатель (подпись).
С подлинным верно: Секретарь Тандетников.

Печать 193-го Пехотного Запасного полка. Полковой Комитет» [2].

Положение 193-го полка т. Дубровин в своих воспоминаниях описывает таким образом.

«Когда мы стояли на Ходынском поле, за несколько месяцев до Октябрьской революции предполагалось наш полк расформировать. Был отдан уже приказ командующего Московским военным округом в десятидневный срок расформировать этот полк. Это было перед самыми октябрьскими событиями. Нужно было распределить солдат и офицеров, обоз и т. д., безусловно в связи с этим велась большая агитация среди солдатских масс.

Несмотря на то что в 193-м полку фракция наша была очень незначительная, все же мы добились своего. Возглавляли фракцию тт. Померанцев и Малиновский. Мы собрались на общее собрание

[1] Из документов ВРК, Центрархив.
[2] Из документов ВРК, Центрархив.

и решили на нем поставить вопрос ребром. Хотя приказ не был объявлен по полку, но мы все о нем знали, и решено было запросить командующего войсками о причине расформирования полка.

Однако Рябцев не мог дать никакого объяснения. Наши делегаты вернулись ни с чем. Тогда мы постановили ни в коем случае не расформировываться, хотя бы пришлось защищаться с оружием в руках. Мы послали запросы во все части московского гарнизона, как они смотрят на это дело, не будут ли они против и не примут ли мер с оружием в руках против нас. Но весь гарнизон был единодушен, и мы были убеждены, что расформировать нас не удастся. После этого в 2 часа ночи нам пришлось уже войти в Кремль вместе с 56-м полком. Это было нашим первым шагом в революционной борьбе» [1].

В период от 29 октября до 2 ноября было окончательно ликвидировано сопротивление юнкеров Алексеевского училища, где было захвачено большое количество вооружения, около 15 тысяч винтовок, свыше 50 пулеметов, бомбометы, ручные гранаты и патроны. Нами были заняты также Крутицкие и Александровские казармы в Замоскворецком районе.

После этого мы все силы направили в центр. Мы заняли Лубянскую площадь и вынесли жестокий бой у Ильинских ворот. Здесь несколько человек красногвардейцев под ураганным огнем с обеих сторон подползли с ручными гранатами и сшибли неприятельские пулеметы. Эту операцию выполнила латышская группа, сформированная на Покровке, 41.

Прорвав кольцо противника у Ильинских ворот, мы открыли путь на Красную площадь. Несмотря на ураганный огонь с Ильинки, наши части с разных сторон окружили противника и ручными гранатами сбили его последние гнезда, повернув немедленно захваченные у противника пулеметы против него же, создавая панику среди юнкеров не только в этом районе, но и у Никольских и Варварских ворот.

До сих пор Китайгородская стена служила для юнкеров сильнейшей крепостью не только против наших пулеметов, но и против нашей артиллерии. Мы собрались было уже взорвать стену динамитом и пироксилиновыми шашками, но лихой удар красногвардейских отрядов и революционных воинских частей почти

---

[1] Из стенограммы речи т. Дубровина на Мыза-Раевском складе от 14 августа 1921 г.

одновременно во все ворота сломал сопротивление белогвардейцев в наиболее сильно укрепленном районе, где почти каждый дом и церковные башни приходилось брать с боем.

Таким путем со стороны Лубянской площади мы пробивались на Красную площадь.

С Замоскорецкой стороны, по Остоженке и по Кремлевской набережной действовали таким же путем наши силы во главе с тт. Добрыниным, Стрелковым, Штернбергом, руководителем артиллерии Гопиусом[1], Аратунянцом и Мышкиным. Части Краснопресненского района под командой тт. Меркулова и Златоверова наступали на Александровское военное училище, все время держа под обстрелом артиллерии и пулеметов штабы противника, находящиеся один в Александровском военном училище, а другой — у Никитских ворот. Эти два штаба были почти неприступными крепостями.

Части Бутырского района под командованием начальника Красной гвардии района (он же секретарь райкома большевиков) т. Квесис двигались по направлению к Садово-Триумфальной на соединение с Краснопресненским и Городским районами. Таким путем изнутри и извне (из районов) мы давили на кольца (укрепленные позиции противника) и смяли их.

В эти дни начинают подтягиваться подкрепления из провинции. Например, из Иваново-Вознесенска прибыл отряд под командой т. Фрунзе, очень стойко сражавшийся в районе Лубянской площади. Прибыли также отряды из Владимирского порохового завода, где раньше была установлена связь для получения огнеприпасов из Твери, под командой руководителей боевиков 1905 г. т. Пастухова и других, из Люберецкого завода, Коломенского и др. Орехово-зуевский отряд двигался по Покровке. Подольский отряд в количестве 300 человек, под руководством старых опытных боевиков, т. Бергмана и других, участвовал в боях уже с 26 октября. Накануне взятия Кремля прибыл также довольно сильный смешанный отряд матросов и красногвардейцев из Питера, посланный т. Лениным. Этот отряд немедленно занял Тверскую улицу, а также сменял очень сильно уставшие части после

[1] Тов. Гопиус — инженер-химик, старый революционер, участник восстания 1905 г. Довольно хорошо знал Москву. Участвовал при разработке стратегического плана в МК. Инструктор Красной гвардии по пиротехнике. Под его руководством начинялись наши гранаты, производились опыты. У него была лаборатория взрывчатых веществ, которую он скрывал в союзе химиков, где работал в правлении. Умер в 1920 г.

непрерывного шестидневного боя в этом районе и быстро подвигался к «Метрополю» и думе.

Противник под руководством ставки, общеармейского комитета, представителей ЦК эсеров и меньшевиков к этому времени также стягивает подкрепления извне.

Это подтверждается приказом революционным войскам Замоскворецкого района.

«Разведка и донесения разных лиц указывают, что в районе Замоскворечья появились разведки казаков, точное расположение и количество их неизвестно.

Войскам Замоскворецкого района Военно-Революционный Комитет приказывает оборонять участки Замоскворечья.

Западнее оперируют войска Хамовнического района, восточнее—Симоновского района,—их расположение также неизвестно (необходимо связаться).

Позиция войск Замоскворечья.

1) Исходная—острог, что идет от ст. Константиново на восток, юг Даниловского кладбища, южная окраина Духовского проезда, Карточный пер., река Москва.

2) Сдерживающая и охраняющая—Калужское шоссе, вершина 16, что западнее 5-го проезда, юг Живодерной слободки до Калужского шоссе и укрепленная полоса шоссе до Окружной ж. д. и по жел. дор. до реки Москвы.

3) Оборонительная—от моста Окружной ж. д., что на Калужском шоссе, на восток вдоль Донской 5-й, Серпуховской заставы, Даниловского монастыря и через церковь Воскресения Славущего до реки Москвы. На этой линии борьбу вести по системе защиты городских зданий, т. е. пунктов, дающих перекрестный и встречный продольный по переулкам огонь (занятие и укрепление углов, улиц, кварталов и домов, лежащих против выхода из предшествующих районов).

Поддержка артиллерии 2—3-дюймовых орудий и 2 тяжелых орудий, что в вашем районе.

Артиллерийская позиция—северная часть Дровяной площади. Донесения доставлять: срочные через 2 часа, экстренные по вашему усмотрению. Штаб напоминает о связи, разведке, охранении.

Начальники должны иметь заместителей и строго наблюдать за исполнением боевых приказов.

Оперативный Штаб, Отдел Штаба Военно-Революционного Комитета (две подписи неразборчивы).

Ц. Военно-Револ. Комитет Моск. Совета Раб. и С. Д.» [1].

Кроме того, об этом говорит также следующий документ Военно-революционного комитета Замоскворецкого района.

«Товарищи! По получении нами известий о движении казачьих частей на Москву, к ним навстречу был послан делегат т. В. Карпов (студент-казак) и три казака с целью выяснения позиции казаков и склонения их

[1] Из документов ВРК, Центрархив.

к воздержанию от открытых действий против нас. Нашим делегатам удалось выработать следующий договор с ними, который здесь приводится (копия):

«Постановление № 54 1917 года 31 октября. Сотенные и командные комитеты 7-го Сибирского Казачьего полка под председательством есаула Шевелева, разбирая предложение делегата Военно-Революционного Комитета г. Москвы о невмешательстве 7-го Сибирского казачьего полка в активную борьбу происходящей гражданской войны на условиях: чтобы 1) немедленно вывести из города Москвы все сотни и команды, не принимающие активного участия в борьбе с их обозами и прочим имуществом. 2) Освободить всех арестованных и вообще задержанных казаков и офицеров, возвратив им отобранное оружие, лошадей, имущество и обозы, а взамен утерянного—их стоимость. 3) Если казаки, находящиеся в Кремле, будут добровольно сдаваться в плен или силой браться революционной армией, они немедленно должны отправляться в свой полк без учинения над ними насилий или вообще самосуда толпы,—постановили эти условия, предъявленные делегатом, принять полностью, а именно: 1) чтобы части революционной армии не заходили в район расположения полка. 2) Освобождение лиц и частей, указанных в 1 и 2 пунктах, произвести немедленно, оградив их от всяких нападений с чьей бы то ни было стороны. Все освобожденные должны быть до полка сопровождаемы представителями Военно-Революционного Комитета. 3) Не привлекали бы на свою сторону, как отдельных лиц, так и целые казачьи части, основываясь на занятой нами позиции в отношении гражданской войны. 4) Всякое выступление казаков других частей не должны отзываться на казаках 7-го Сибирского казачьего полка. 5) Все могущие возникнуть недоразумения между революционной армией и 7-ым казачьим полком должны разрешаться встречей делегатов обеих сторон. 6) О всяком выступлении сторон выступающая сторона должна предупредить противную сторону. Представитель полков. комитета есаул Шевелев. Секретарь вахмистр Подкидышев. Делегат Революц. Комитета Замоскворецкого Совета Раб. и Солд. Деп. Владимир Карпов. Председатель Замоскворецкого Военно-Революц. Комитета. Секретарь (подпись).

Москва 1 ноября 9 час. утра» [1].

29 октября, когда начались указанные переговоры с казаками, я немедленно отправился на Ходынку за артиллерией для предотвращения всяких могущих возникнуть случайностей.

В то же время было дано задание тт. Переверзеву и Блохину держать под артиллерийским наблюдением казачьи части. Тов. Блохин подтянул один взвод шестидюймовок на Калужскую площадь, а т. Переверзев поехал со своей батареей на Воробьевы горы. Я вернулся с Ходынки с артиллерией, часть которой расставил на Калужской площади, а другую часть направил на позицию против Кремля. Казачьи части находились от Калужской площади верстах в восьми-десяти, на заводе Катуар. Казаки потребовали, чтобы мы их пропустили в Кремль. Когда мы в этом

[1] Из документов ВРК, Центрархив.

им отказали, они, вернувшись обратно, двумя сотнями в темную ночь пытались пробраться по Садовнической улице в центр. Нам это стало известно, и мы сознательно припрятали свои заставы, пропустив их на Садовническую улицу. Затем мы закрыли заставу и с двух концов улицы и перекрестков открыли по ним огонь. Среди них получилась неописуемая настоящая каша, и через несколько минут, почувствовав нашу силу и увидев, что мы расставляем против них артиллерию, все они сдались в плен. В результате этого мы получили 200 лошадей, винтовок, шашек и пик и немедленно использовали их для укрепления нашей конной разведки. Таким образом одна из опасностей была предотвращена.

В Дорогомиловском районе также появились войсковые части, которые разгромили штаб Красной гвардии, убили лучших руководителей ее и пытались продвинуться через Дорогомиловский мост, на котором завязалась отчаянная борьба. Но с прибытием частей хамовнической Красной гвардии и других ближних районов победа осталась за нами.

В то же время поступают следующие сведения с Александровской железной дороги:

«Подрайонный Военно-Революционный Комитет Александровской ж. д.
В Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.
Вторично сообщаем, что из г. Вязьмы по Александровской ж. д. хочет пробраться в г. Москву эшелон с казаками, но по полученному сведению недавно, что Вяземским гарнизоном атакованы, которые стараются не пропустить. Быть может, вами будут приняты меры помощи.
За Председателя (подпись). За Секретаря (подпись).

1 ноября 1917 года» [1].

Белогвардейцы пытались также захватить Симоновский пороховой завод и пробраться в центр. Но завод «Амо» при участии тт. Лидак, Гончарова и других представителей Замоскворецкого районного штаба Красной гвардии предотвратили эту опасность, надвигавшуюся на наш важнейший стратегический пункт—базу нашего вооружения. Попытка продвинуться на Хамовнический район и на снарядный завод Гужона была также ликвидирована Красной гвардией под командой тт. Лысева, Ярочина и др.

Даже 5 ноября прибывали задержавшиеся в пути стягиваемые Рябцевым воинские части, но было уже поздно, победа была за нами. Вот сообщение:

«3 ноября 1917 года. В Военно-Революционный Комитет.

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/3.

Донесение.

Разведчики посланы Замоскворецким революционным комитетом в сторону Каширы со ст. Бирюлево, по телефону сообщили, что в сторону Москвы двигаются 500 чел. казаков в полном боевом вооружении. Сообщите меры.

За Председателя И. Коссиор.
Секретарь А. Борисов. (Печать)».

На обороте написано:

«В Военно-революционный комитет» [1].

1 ноября бои разгораются все ожесточеннее, и ВРК, продолжая не считаться со стратегическими пунктами, высылает приказ Мызо-Раевскому военно-революционному комитету за № 127.

«Военно-Революционный Комитет Сов. Раб. и Солд. Депутатов.

Приказ.

Мызораевскому Военно-Революционному Комитету.

Военно-Революционный Комитет Московских Советов Рабочих и Солдатских Депутатов предписывает Вам прислать в его распоряжение 500 вооруженных человек. Оружие имеется. Настоящий приказ подлежит исполнению без промедления.

Член Военно-Революционного Комитета Н. Муралов.
Секретарь (подпись). (Печать ВРК.)» [2].

В ответ на это Мызо-Раевский военно-революционный комитет шлет Центральному военно-революционному комитету телефонограмму за № 2.

«Только что прибыли 500 солдат из состава Мызо-Раевского гарнизона. Мытищинская Красная Гвардия в составе 90 чел. Кальчуковская Красная Гвардия в составе 180 чел. В числе прибывших имеется один офицер. Люди отправлены в Сокольнические мастерские поужинать и отдохнуть. Затем будут направлены в распоряжение Центрального Военно-Революционного Штаба.

Принял Комиссар Железн.-дор. района Гусев.
Передал Комиссар Сокольнич. района Ефремов» [3].

К вечеру 1 ноября ликвидируется противник в районе Никитских ворот.

В то же время районы, развивая свою инициативу, запрашивают ВРК о предполагаемых им мероприятиях и вносят свои предположения.

---

[1] Из документов ВРК, Центроархив, д. № 21/5, стр. 463.
[2] Там же, д. № 21/3,
[3] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/3.

Из Хамовнического района сообщают:

«Сегодня утром начали наступление широким фронтом: через Плющиху и прилегающие переулки, по Смоленскому бульвару и Левшинскому пер. Орудийный обстрел 5-й школы прапорщиков на Смоленском рынке стал давать хорошие результаты; наступление по Левшинскому пер. замедлилось из-за встречи с пулеметом. Неожиданное появление на Смоленском рынке броневика нарушило операции, и результаты: принуждены снять силы со Смоленского рынка и бульвара и Плющихи перевести Штаб Совета в Хамовн. часть 1-го Комиссариата. Линия обороны будет: конец Плющихи, Неопалимовский пер., часть Смоленского бульвара от Неопалимовск. до Зубова, Зубовский бульвар Пречистенка до каланчи, Остоженка до середины. Завтра, по просьбе Пресненского района в исполнение Вашего приказа № 194, будем обстреливать Александровское училище; надеемся пристреляться лучше, чем к Штабу. Нужны пулеметы, броневики, самокатчики для связи, провода для полевого телефона; если возможно, доставьте также 1 грузовой и 1 легковой автомобиль (свои все неисправны). Комиссар (подпись) 10.15 веч. 1/XI—17 г.» [1].

Находившийся в Замоскворецком районе Украинский дивизион, лишенный Красной гвардией возможности действовать и согласившийся на нейтралитет вначале боев, как видно, также беспокоится и шлет в ВРК запрос:

«Сообщите: поставлен ли ультиматум юнкерам на предложенные условия. Получен ли ответ или указан ли срок, до которого можно ждать ответа. Пришлите скорее обращения копии в тексте. Только при этих условиях, повторяю, Укр. Д. выступает активно на стороне рев. войск. Затем, самое главное, нужно выполнить условие: от Вас постановл. не считаться с техническими затруднениями ведения огня. Нельзя медлить больше. Как со снарядами? Известите скорей. Комис. (подпись)».

В ответ на запрос Украинского дивизиона Военно-революционный комитет 1-ой запасной артиллерийской бригады сообщает:

«Передайте Военно-Революционному Комитету Украинского дивизиона, что Военно-Революционный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов считает возможным принять от противной стороны сдачу на следующих условиях: 1) Вся власть в Москве принадлежит Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. 2) Все оружие сдается юнкерами и Белой Гвардией, причем им гарантируется после этого неприкосновенность и свобода. 70 ш. винтовок будут высланы в дивизион завтра. Воззвание уже составлено, по техническим условиям не может быть отпечатано к завтрашнему дню и будет доставлено по изготовлении. Военно-Революционный Комитет полагает вместе с тем, что Украинский дивизион не может открыть активные действия до его приказа.

Член Военно-Револ. Комитета. Секретарь» [2].

---

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/3

[2] Там же.

Эти два документа рисуют наши отношения с Украинским дивизионом, представлявшим в дни Октябрьского переворота для нас довольно серьезную угрозу. В Украинском дивизионе все-таки находилось некоторое количество нам сочувствующих и в конце октябрьских боев. Благодаря нашим лозунгам о самоопределении наций, распространившимся в дивизионе, здесь уже ставился вопрос о дальнейшем распропагандировании солдат и выступлении их вместе с нами.

В разгоревшихся сильных боях 1 ноября уже определенно выявился перевес рабочих и революционных солдат.

Результатом боев 1 ноября явилось большое количество пленных белогвардейцев, и ВРК пишет:

«Начальнику Бутырской тюрьмы.

Военно-Революционный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов предлагает немедленно приготовить помещение для приема 1700 арестованных.

Член Военно-Революционного Комитета (подпись).
Секретарь (подпись)» [1].

Мы разбили «кольца» противника на отдельные самостоятельные «островки»—крупнейшие дома, которые обратились в крепости. В этих домах забаррикадировались юнкера и офицерство и все время отстреливались из пулеметов, винтовок, револьверов и местами из траншейных орудий и отбивались главным образом ручными гранатами. Таких «крепостей» было много, и нужны были большие усилия, чтобы выбивать оттуда противника. Местами приходилось прибегать к артиллерии и ручным гранатам. Сломив указанные крепости, к 1 ноября мы приближались к Кремлю.

К тому времени противник уже видел, что силы его окончательно сломлены. Кроме того, у противника не было такого «психологического» состояния, которое вынуждало бы бороться «до последнего». Он уже имел случай убедиться за время боев, что сдача расправой ему не грозит...

Городская дума, где находился политический и военный штаб белых, нами была взята. Штаб белых пытался переехать из Александровского военного училища в район Никитских ворот, но оттуда, под перекрестным артиллерийским и пулеметным огнем Красной гвардии и солдат, мы его вытеснили. Всякое руководство

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/3.

и все связи противника были таким путем разрушены, и 2 ноября он предложил перемирие.

Того же 2 ноября вновь поступают донесения разведки о прибывающих на подкрепление противнику частях.

«Срочно. Во Временно-военно-революционный комитет, организованный при Совете Солдатских, Рабочих, Крестьянских Депутатов.

Донесение.

Из донесений разведывательных отрядов ими собраны сведения по слухам, что по Окружной дороге в 10 верстах от Москвы, правее Всехсвятского села, остановился отряд Дикой дивизии, двигающийся из Твери. Сведения ничем не удостоверены. В районе Петровского Парка все спокойно. 2 ноября 1917 г. в 3 час. 30 мин. дня, г. Москва.

Комиссар Поронин. (Печать)» [1].

Комиссар Петровского уч.
Ноября 2 дня 1917 г.

В районный комитет.

На полустанке Николаевской жел. дороги высадился состав ударников. 675 дружина—разбросала... подготовилась. Просят бронированный автомобиль.

Сообщите в центр дружинники арестов.....

Комиссар Ми..... (Печать)» [2].

На обороте написано:
«В районный Совет Солдатских Депутатов члены 9 К.».

В связи с прибытием контрреволюционных сил можно отметить, например, следующее. В Петровско-Разумовское прибыли ударники, и их попытка прорваться на соединение с юнкерами заставила было ВРК заключить снова перемирие. Это было 1 ноября. Но Красная гвардия и революционные солдаты, особенно 1-я артиллерийская бригада, запротестовали и решительно воспротивились этому.

2 ноября расстанавливаются караулы на занятых позициях, обратившихся в наш тыл.

«Сведения

солдат команды двинцев.

Налицо	60 человек
В карауле Малого театра	20 »
При Больш. театре	10 »
» арест. гостин. Дрезден	6 »
» « бани	6 »

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/5, стр. 406.
[2] Там же.

При консульств. Аргентин. Респ.	5	человек
» разведке	30	»
» пулеметной команде	60	»
» Сухаревском районе	90	»
» Бутырском »	100	»
» Москворецком »	100	»
» Пресненском »	6	»
» Кремле	20	»
По разн. назнач.	30	»
Всего . .	547	человек

Начальник команды подпрапорщик В. Зайцев» [1].

Таким образом уже с 1 ноября силы противника были сломлены на всех участках боя, и гибель их была неизбежна.

---

[1] Из документов ВРК, Центрархив.

XIV. КАПИТУЛЯЦИЯ БЕЛЫХ И ЗАНЯТИЕ КРЕМЛЯ.

Почти вся московская артиллерия с самого начала боев находилась в руках ВРК, но он ее редко пускал в дело, боясь производить лишние разрушения в городе. Только после долгих колебаний, когда пришлось выбирать между жертвой людьми или жертвой кремлевскими зданиями, а также когда в ЦВРК стали поступать от районов категорические требования более решительных действий, артиллерия районов стала бить по Кремлю и юнкерским училищам,—только тогда ЦВРК разрешил обстрел Кремля из орудий.

Положение контрреволюционеров было уже безнадежно. Обстрел Кремля для белых явился только предлогом к тому, чтобы прикрыть свою капитуляцию. И вот 2 ноября председатель Комитета общественной безопасности, В. Руднев, обратился к Военно-революционному комитету с предложением сообщить условия для прекращения военных действий. Руднев мотивировал это обращение желанием будто бы спасти «исторические памятники и святыни» и прекратить «избиение мирных жителей».

Военно-революционный комитет предложение принял. Были выработаны условия, и того же 2 ноября в 9 часов вечера за подписью Усиевича был издан «Приказ всем войскам Военно-революционного комитета». В приказе сказано:

«Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на-голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-Революцион- Комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой, рабоче-солдатской и крестьянской революции! Враг сдался. В.-Рев. Комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа В.-Рев. Комитета».

Несколько раньше был разослан следующий приказ артиллерийским отрядам.

«Приказ

артиллерийскому отряду, действующему.....

Ввиду того, что сейчас происходят переговоры о сдаче Комитета Общественной Безопасности Военно-Революционному Комитету, который устанавливает власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и разоружает белую гвардию и юнкеров, Штаб Военно-Революционного Комитета приказывает немедленно прекратить всякую артиллерийскую стрельбу впредь до особого распоряжения, оставляя в силе все остальные способы военной борьбы.

Член Военно-Революционного Комитета.
Секретарь»[1].

Приказ ВРК о прекращении артиллерийского огня на Миусской площади заставил в этом районе дать еще не побежденному противнику возможность некоторой передышки, так как засевшего в неприступных особняках и крупнейших домах противника другим оружием взять было нельзя. Штыковая атака или штурм этих домов без артиллерии был совершенно немыслим, и эта борьба могла длиться неделями. Между тем противник, пользуясь чиновничьим аппаратом Временного правительства, подтягивал все новые и новые контрреволюционные части.

Весть о договоре с юнкерами и приказ этот произвели в районах удручающее впечатление и вызвали сильное недовольство. Привожу отрывок из «Социал-демократа» от 4 ноября за № 200. В протесте Красной гвардии там, между прочим, сказано:

«Освобождая юнкеров от ареста, В.-р. комитет дает им возможность снова восстать против народа. Мы требуем, чтобы все арестованные юнкера и прочая буржуазная сволочь были преданы властному революционному суду».

Для этого требования было достаточно оснований. Сдавая оружие и прощаясь друг с другом перед разъездом из Москвы, юнкера не стеснялись и говорили: «Через месяц встретимся на Дону!»

Однако, несмотря на протест районов, договор был заключен в следующем виде.

Договор

Между Военно-Революционным Комитетом и Комитетом Общественной Безопасности, 2 ноября с. г., 5 час. в.

1. Комитет Общественной Безопасности прекращает свое существование.

2. Белая Гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/5.

сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-Революционный Комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в п. 2, организуется Комиссия из представителей Военно-Революционного Комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписи мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются.

Представители Военно-Революционного Комитета: В. Смирнов.
П. Смидович.

Представители Комитета Общественной Безопасности (три подписи).

Представители Солдатского комитета войск, остающихся верными Временному Правительству (четыре подписи).

Представители Московск. организации объединенных Интернационалистов Р. С. Д. Р. П. (две подписи).

Представители Московской организации Р. С. Д. Р. П. (объедин.) (две подписи).

Представители от Польской социалист. партии (левицы) (две подписи).

Представители «Бунда» (две подписи).

Представители Моск. Обл. Ком. Сов. Р. С. и К. Д. (подпись).

Представители Центр. Исполн. Ком. Всероссийского жел. дор. союза (подпись).

От Информационного бюро Соц. Революционеров Интернационалистов (две подписи).

Представитель Моск. организации Евр. Соц. Дем. раб. п. (Поалицион).

К договору имелись приложения о технической сдаче (инструкция) и сопроводительное заявление.

Сопроводительное заявление.

Все военнослужащие и Белая Гвардия заявляют, что они вели борьбу не для достижения политических целей, а для водворения государственного порядка и охранения жизни и имущества жителей города Москвы.

Подписи (Якулов и Кобро).

Инструкция

о техническом выполнении договора, состоявшегося 2/XI с. г. между Комитетом Общественного спасения и Военно-Революционным Комитетом, принятая технической комиссией в составе: от Военно-Революционного Комитета тт. Ломов, Смирнов, Нахгальцев; от командного состава: полковник

Харламов, поручик Якулов, юнкер Кобро, от нейтрального района тт. Михалевский, Зитте[1], Венветченко [2].

1. В Александровском военном училище и при надобности в реквизируемые помещения ресторана «Прага» и Художественного Электротеатра собираются все наличные боевые силы соединенных войск, оставшихся верными Временному Правительству.

2. Нейтральная зона вокруг училища проводится по линии, внесенной в протокол.

3. В первый день сдачи оружия, т. е. с 3/XI, по линии этой зоны располагаются достаточные кадры комиссаров нейтральной зоны, заменяемой со второго дня, т. е. с 4X/I, отрядами смешанных войск Военно-Революционного Комитета. С этого дня вокруг училища остаются расставленными впродолжение трех дней кадры нейтральных комиссаров. Внутри училища также все это время имеются комиссары. С 7/XI наружные цепи комиссаров снимаются, но внутри училища комиссары остаются до 10/XI сего года.

4. В Александровском училище при разоружении его оставляется количество винтовок лишь по списочному составу юнкеров этого именно училища без боевых патронов к винтовкам.

5. 4 ноября Военно-Революционным Комитетом со своей стороны назначается особый комиссар по Александровскому училищу.

6. Кремль вслед за оставлением его юнкерами занимается отрядами войск Военно-Революционного Комитета, причем первый день доступ публики в Кремль воспрещается. В течение семи дней Троицкие, Боровицкие ворота должны быть закрыты.

7. Чины ударно-революционных частей по разоружении поступают в распоряжение Московского уездного воинского начальника для препровождения в одиночном порядке в д. армию.

8. Казакам с их офицерами, ввиду того, что они не принимали участия в военных действиях против войск Военно-Революционного Комитета, предоставляется право свободного выезда в места их расквартирования при сохранении оружия. Военно-Революционный Комитет должен дать пропуск им на свободный выезд частей.

9. Все граждане, в силу той или иной причины находящиеся в Кремле, Александровском училище и штабе, получают свободный выход.

10. Оружие сдается во внутреннем дворе училища на грузовики в распоряжение Военно-Революционного Комитета в присутствии нейтральных комиссаров, представителей солдатской десятки и члена Военно-Революционного Комитета. О сдаче оружия Военно-Революционный Комитет объявляет во всеобщее сведение.

11. При освобождении пленных Военно-Революционного Комитета юнкера всех училищ и школ могут возвратиться в свои части, в противном случае направляются в распоряжение уездного воинского начальника.

Подлинную подписали:

Председатель Михалевский. Члены: полковник Харламов, подпоручик Якулов, юнкер Кобро, Нахгальцев и Венветченко.

Верно: нач. штаба полка Харламов.

---

[1] Меньшевик.

[2] Левый эсер.

Для того чтобы склонить Красную гвардию и революционные войска к заключению перемирия, на места, в частности в Замоскворецкий район, приехал в 4 часа утра 2 ноября из ВРК т. Смидович и от белой гвардии Руднев с целой делегацией. Красная гвардия в районах с большим негодованием встретила представителей «общественных организаций», называя их изменниками, разоблачая их обман с предложением перемирия 29-го числа. Красногвардейцы и революционные солдаты говорили приблизительно, такими словами:

Отряд Красной гвардии под командой тт. Королева и Сироты через Никольские ворота занимает Кремль.

«Вы нарушили перемирие, вы первые начали стрелять, не дождавшись конца перемирия, и изменническим образом выбрасывали свои белые флаги, расстреливая в то же время наших красногвардейцев и войсковые части. Вы хотите перемирия для того, чтобы окольными путями пробраться в наши огнесклады. С таким противником итти на какое-нибудь перемирие не можем. Мы требуем полной капитуляции без всяких условий».

Красная гвардия и революционные солдаты даже и слышать не хотели о перемирии и говорили, что доведут бой до конца.

Видя такое настроение масс, т. Смидович предложил пишущему эти строки поехать в ЦВРК, где мне было предложено взять из Замоскворечья отряд Красной гвардии и революционных солдат, чтобы занять Кремль.

По получении приказа, я взял отряд из замоскворецких красногвардейцев, около 120 человек, и 50 человек из 55-го полка и рано утром 2 ноября двинулся с этим отрядом на Красную площадь к Спасским воротам.

Красная гвардия хоронит своих героев павших в бою. Тов. Васильев несет знамя.

Ворота мы взломали. В это время с церковных колоколен Кремля, Красной площади и с крыш торговых рядов посыпался пулеметный огонь, к счастью, не рассчитанный верно и взятый выше цели. Я со своим отрядом прошел во двор под прикрытием Кремлевской стены... И что мы увидели! У самого входа в ворота была масса сломанных брошенных винтовок, шашек, кортиков, были разбросаны ручные гранаты и бомбы, пироксилиновые шашки и т. п., так что даже было трудно ступить, чтобы не попасть на бомбу или пироксилиновую шашку. Нам преграждали путь также большие куски кирпичных стен, оторванные от домов артиллерией, и кучи военных припасов. Нужно было итти с большой осторожностью, чтобы не попасть в волчьи ямы, может быть заготовленные юнкерами. Лавируя под обстрелом, под

прикрытием зданий Кремля, мы направились к Николаевскому дворцу. В это время к обстреливавшим нас присоединились скрытые в Николаевском дворце юнкера, несмотря на то, что они в переговорах с Военно-революционным комитетом заявляли о своей сдаче. Вдруг навстречу нам выбегают из часовни около сорока

Похоронная процессия жертв Октябрьской революции на Театральной площади.

попов и монахов с иконами в руках, с криком: «Ратуйте, братцы! Не убивайте!» Я их заставил вернуться обратно вместе с их иконами и заявил им:

— Мы так предательски не поступаем, как вы! Мы не расправляемся с пленными! Передайте своим: раз они дали слово о том, что сдаются, то пусть они немедленно сдают оружие.

На это мы им дали пятиминутный срок. Через пять минут из Николаевского дворца и из других зданий высыпали офицеры, юнкера, студенты и пошли к нам навстречу. Некоторые из них кончали самоубийством, другие падали в обморок тут же на площади Кремля. А некоторые во главе с полковником Пекарским выходили без оружия, но имели при себе спрятанные ручные гранаты.

В это же время другим отрядом Красной гвардии под командой т. Петрова были освобождены арестованные революционные солдаты 56-го полка во главе с бывшим комендантом арсенала

Кремля, т. Берзиным. Освобожденные из тюрьмы вышли истерзанными и проголодавшимися. Около пяти дней их держали без продовольствия. Некоторые оказались больными после всего пережитого в плену у белых. Освобожденные солдаты тотчас, схватив брошенные юнкерами винтовки, бросились на полковника, который

Похороны жертв Октябрьской революции у Кремлевской стены.

расстреливал их товарищей в Кремле, а также на юнкеров, державших в руках гранаты, и на месте их расстреляли.

Постепенно мы занимали помещения, выгоняли оттуда на площадь оставшихся юнкеров и оцепляли их конвоем. Тов. Петров со своим отрядом красногвардейцев Городского района, вступивший в Кремль со стороны Троицких ворот и освободивший заключенных, соединился с нашими частями. Со стороны Никольских ворот вошли тт. Сирота и Королев со своим отрядом красногвардейцев и военных частей.

Арестованные юнкера были отправлены в тюрьмы под строгой охраны, так как возмущенные их жестокостью рабочие и красногвардейцы хотели расправиться с ними на месте.

Победа была одержана. Мы обязаны ей главным образом революционному подъему широких масс трудящихся, руководимых ленинцами-большевиками, шедшими непосредственно с массами и ими руководившими.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица сведений о состоянии армий за время с 1 по 30 октября 1917 года.

Название эксцессов	Фронты													Кавказская армия	Примечание
	Северный			Западный			Ю. Западн.				Румынск.				
	12	1	5	3	10	2	0с	11	7	8	9	4	6		
	Количество														
Братание	—		2	15	10	5	11	—	2	4	1	3	—	—	
Самовольное оставление постов и позиций	3	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Невыполнение боевых приказов	7	13	13	11	19	6	7	2	1	7	3	3	10	2	
Неисполнение небоевых приказов	—	1	6	8	9	6	3	1	2	—	1	—	2	—	
Отказ от участия в репрессиях против неповинующихся частей	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	
Отказ от занятий	Ч	Ч	Ч	6	Ч	Ч	4	9	8	1	5	4	3	3	
Отказ от работ	Ч	4	11	10	Ч	Ч	11	7	4	2	6	3	9	6	
Грабежи, погромы и бесчинства	—	—	1	11	2	4	—	—	4	—	—	—	4	9	
Убийство лиц командн. состава и офиц.	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	2	
Насилие над ними	3	1	5	1	5	8	—	—	2	—	—	—	—	4	
Оскорбление их же	4	5	4	3	2	5	1	1	5	—	—	—	—	3	
Насилие над комисс. и член. комитетов	—	—	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	
Оскорбление их же	—	—	1	—	1	1	—	2	—	—	—	—	—	—	
Требование увольнения лиц командн. состава	—	2	3	3	1	10	—	1	—	—	2	—	—	2	

Буквой «Ч» отмечены эксцессы, происходящие по донесениям часто, но без указания их количества.

Название эксцессов	Фронты													Кавказская армия	Примечание
	Северный			Западный			Ю.-Западн.				Румынск.				
	12	1	5	3	10	2	Ос.	11	7	8	9	4	6		
	Количество														
Выражение недоверия комитетам	1	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Сложение комитетами своих полномочий	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	
Требование частей немедленного заключ. мира	4	—	1	2	3	4	5	—	—	—	—	—	3	—	
Приветствование наших делегатов, как обстоятельство, приближающее мир	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	
Призыв к избиению офицеров в целях скорейшего заключения мира	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Попытка прекратить боев. действия против неприятеля и братание	—	—	2	—	—	2	—	2	1	2	—	—	—	—	
Требование улучшен. пищи и обмундиров.	—	—	1	5	2	—	1	—	2	1	—	—	—	—	
Требование выдачи на руки артельн. и хоз. сумм	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
Применение вооруж. силы к неповин. частям	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	2	1	—	
Число дезерт. в тыл.	288	—	172	359	67	—	—	5	55	229	—	—	141	92	
Число возвратившихся	29	—	7	94	17	—	—	—	3	48	—	—	23	—	

Начальник Военно-Политического Отдела Помощника начальника штаба верховного главнокомандующего, генерального штаба подполковник Новиков.

За начальника 1-го Отделения подпоручик Бельский.

Дело № 2172 С/ч. ВИА. (Стр. 82—89)

Объяснительная записка к таблице сведений о состоянии армий за время с 1 по 30 октября 1917 года.

Представляемая таблица не дает исчерпывающей сводки фактического материала, на основании которого можно было бы сделать совершенно точные выводы о действительном состоянии всей действующей армии и степени боеспособности ее отдельных частей, так как в донесениях штабов обычно отмечаются только наиболее характерные и яркие факты, иллюстрирующие проявление различных отрицательных явлений, наблюдаемых в армии в связи с переживаемыми страной и народом событиями.

Приэтом часто факты этого порядка только регистрируются без точного указания их вызвавших причин, постепенности развития, мер, принятых к ликвидации, и полученных от этого результатов.

Отсутствуют также подробности в сообщениях о положительных явлениях в армии и жизни отдельных частей, что составляет большой пробел, так как проявления здорового духа в армии, способного противостоять действию многих разлагающих сил, имеют очень большое значение.

Во многом это объясняется тем, что все внимание командного состава сосредоточено в настоящее время на болезненном процессе, охватившем армию, в котором все отдельные явления, сливаясь в одну мрачную массу, действуют угнетающе, заслоняя собою явления положительные.

Далее сообщение о настроении армии не поддающемся точному определению до тех пор, пока оно не выразилось в определенных действиях, носит на себе несомненно печать субъективности в оценке и основано в большинстве случаев на личных впечатлениях.

Несмотря на отмеченные недостатки, извлеченный из сводок фактический материал при попытке его к систематизации в таб-

лице, дает некоторую возможность наглядного изображения состояния отдельных армий и сравнения их между собой.

К устранению указанных недостатков в настоящее время уже приняты меры: всем штабам сделаны соответствующие указания о собирании и обработке материалов, необходимых для всестороннего изучения жизни армии.

Переходя к рассмотрению сообщаемого штабами фактического материала, необходимо прежде всего остановить внимание на наиболее серьезных видах нарушения воинского долга и дисциплины, свидетельствующих о действительном падении боеспособности армии.

В целом ряде таких нарушений самым важным является, несомненно, братание с противником, так как, с одной стороны, оно служит проявлением наивысшей деморализации войск, а с другой стороны,—сильнее всего подрывает основы боеспособности и дисциплины, вызывая целый ряд эксцессов и осложнений.

Сказанное положение подтверждается фактами; как видно из таблицы, случаи братания чаще всего наблюдаются в армиях Западного фронта и в Особой армии, наиболее неблагополучных и в других отношениях, изобилующих всевозможными «эксцессами».

По донесениям штабов, случаи братания в последнее время все более учащаются, принимая в отдельных армиях (3, Особая, 10) массовый характер. На Западном фронте братание особенно усилилось в связи с последним выступлением большевиков.

Пока непосредственно входят в общение с неприятельскими солдатами отдельные люди и небольшие команды, которые ведут с ними переговоры, выменивают на хлеб и покупают табак и главным образом вино и спирт. Всякий раз неприятельские солдаты снабжают наших прокламациями, издающимися в Германии на русском языке, газетами и ведут разговоры о бесцельности войны для России, действующей якобы в интересах Англии.

Широкие массы, по донесениям командного состава, непосредственного участия в братании не принимают, но относятся к нему очень сочувственно и с большим озлоблением устраняют все к этому препятствия. Проявляется это в угрозах пехоты артиллерии, стреляющей по братающимся, и насилиях над артиллеристами-наблюдателями, доносящими о братании из окопов на батареи (5 армия, 152 полк, Особая армия, 690 и 3 Туркестанский полк).

В 196 полку (49 див. 2 корпуса 4 арм.) имел место следующий случай: братание было прекращено огнем артиллерийским и из траншейных орудий; к командиру стрелявшего батальона явилась депутация с требованием прекратить огонь, но получила отказ; ночью в землянку этого командира было брошено три бомбы, к счастью, не причинившие вреда.

В донесениях войск штабов отмечается, что борьба с братанием путем воздействия и убеждения командного состава, комитетов и комиссаров никаких результатов не дает, и единственным верным средством для настоящего времени был обстрел братающихся. Несомненно, что с развитием братания применение вооруженной силы будет становиться труднее и таким образом постепенно будет отпадать последнее средство в борьбе с этим злом.

Установить причины, в силу которых братание в одних армиях принимает массовый характер, а в других наблюдается реже или совсем отсутствует, не представляется возможным за недостатком точных данных.

Заслуживает большого внимания в этом отношении донесение командира I гренадерского корпуса (2 армия) о том, что принимавшие участие в боевых действиях части корпуса были очень решительно настроены против братания и к братающимся относились враждебно и с презрением. Естественно, что активные действия против неприятеля, заставляющие видеть в нем действительно врага, исключают возможность братания.

Может быть, этим именно и надлежит объяснить полное отсутствие братания на Северном фронте, где свежо еще воспоминание о недавних боях.

Об отношении рядовой солдатской массы к братанию, к сожалению, в донесениях штабов сведений очень немного, но зато имеющиеся очень характерны и указывают на то, что братание ведется сознательно и с определенной целью: так, солдаты 248 пех. полка (38 корпуса 10 армии) заявили, что путем братания они надеются добиться скорого мира, а собрание представителей полковых, ротных и командных комитетов 38 дивизии (5 армия) вынесло резолюцию о необходимости организованного братания, вследствие того, что правительство недостаточно решительно проводит политику, направленную к скорейшему заключению мира.

О состоянии боеспособности армии из всех штабов, со всех фронтов поступают все более пессимистические и мрачные отзывы.

Вполне сохранившимися, дисциплинированными и боеспособными в полном смысле этого слова остаются в настоящее время только казачьи войска, все остальные различаются только большей или меньшей степенью разложения.

Характерно в этом отношении падение боеспособности в зависимости от рода оружия: наиболее сохранилась кавалерия, за ней следуют специальные войска и артиллерия, и хуже всего положение в пехоте.

Пехотных частей, несущих службу в боевой линии удовлетворительно, по донесениям командного состава, очень немного; большинство, по тем же сведениям, несет службу неохотно, вяло, трусливо, с массой нарушений устава и порядка.

Ровнее и лучше, чем в других, но далеко не безупречно выполняется служба в 7, 11 и Кавказской армиях; последняя находится вообще в несколько иных условиях, вследствие особенностей фронта.

Установить причины, вследствие которых перечисленные армии более сохранились, не представляется возможным за неимением необходимых материалов и сведений.

Разведочная служба, почти единственный в настоящее время вид активных боевых действий, несется, по отзывам командного состава, плохо и неохотно; в разведку ходят в большинстве случаев только охотники, среди них много офицеров. Уклонения от разведки происходят под всевозможными предлогами: часты указания на плохую обувь, слабость от недоедания, утомление и т. п., иногда даже на неправильность и бесцельность данной задачи.

Так, например, часть команды разведчиков 86-го полка (1 армия) отказалась выдвинуться вперед с авангардами на том основании, что разведчики должны работать только со всем полком.

В 12, 5 и 10 армиях зарегистрировано несколько случаев самовольного оставления позиций: в 12 армии—заставами, вследствие неприбытия в срок смены, в 5 и 10—одиночными людьми, причем в 10 армии самовольно оставивший свой пост наблюдатель направился к окопам противника и у вышедших ему навстречу германских солдат обменял сахар на табак.

Все чаще становятся случаи неисполнения боевых приказов. Выделяется в этом отношении 10 армия, за ней следует 1, 5, 3 и 6 армии. Большинство неисполненных боевых приказов выражается в отказах отдельных частей (до дивизий включительно)

и команд от выступления на позиции для смены; реже случаи отказов от разведки и сторожевой службы.

Почти все зарегистрированные случаи имеют много общих черт: мотивами неисполнения боевых приказов служат обычно указания на утомление, плохое питание, недостаток обмундирования, в особенности сапог и теплого платья, малочисленность боевого состава и плохое устройство позиций. Нередки случаи обсуждения боевых приказов и критики их: так, например, 116 дивизия (12 армия), назначенная на смену 44 дивизии, отказалась на том основании, что приказ бессмыслен, так как ей, как находящейся в резерве, надлежало стать на побережьи, а не итти на смену 44 дивизии.

Все зарегистрированные случаи неисполнения боевых приказов, за исключением 116 дивизии (расформированной), удалось, не прибегая к вооруженной силе, так или иначе ликвидировать главным образом путем воздействия командного состава, комитетов и комиссаров, большинство которых в этом случае действовало энергично.

Но несмотря на это, каждый из таких эксцессов всякий раз очень тяжело отражался на отношениях солдат к офицерам, неуклонно обостряя и ухудшая их, что в свою очередь вызывало целый ряд столкновений и недоразумений. Объясняется это тем, что офицеры всегда шли против желания массы, оставаясь верными долгу, а иногда даже, как это имело место в 24 дивизии (I армия), занимали позиции одни с вестовыми и небольшим числом охотников.

Во многих случаях успех комитетов в воздействии на неповинующиеся части получался ценой потери их авторитета и возбуждения недоверчивого, а иногда и враждебного отношения масс, переставших видеть в комитетах защитников своих интересов.

Установить причины колебания количества случаев неисполнения боевых приказов по отдельным армиям—невозможно, отчасти, за отсутствием точных данных, отчасти потому, что причины эти нередко носят часто случайный характер и объясняются деятельностью или влиянием отдельных лиц. Неисполнение различных приказов, не имеющих значения боевых, происходит очень часто, и вследствие этого штабы в большинстве случаев, не регистрируя, отмечают их только в общих выражениях.

Причины неисполнения самые разнообразные, а в основе же их лежит полная утрата командным составом власти, авторитета и уважения и безнаказанность виновных в неисполнении.

Из случаев, отмеченных в таблице, большинство относится к частям, находящимся в резерве, и заключается в самовольной перемене места стоянки.

Отказы частей от ведения занятий и выполнения работ принимают постепенно в большинстве армий массовый характер, и борьба с этим явлением становится, повидимому, невозможной.

Прежде всего донесениями из многих армий устанавливается укрепляющееся в сознание масс положение, что отведенные в резерв части этим самым приобретают право на абсолютный покой и отдых, поэтому протесты против работ и занятий этих частей особенно настойчивы и энергичны.

Находящиеся в боевой линии части всячески уклоняются от работ даже по укреплению позиций. Мотивы отказов от работ и занятий во всех армиях одинаковы и сводятся к указаниям на утомление, болезненное состояние и слабость, вызываемые недоеданием, плохое состояние обуви и обмундирования, а также на бесполезность занятий, так как «мы все уже знаем», и бесцельность всяких работ ввиду скорого окончания войны. Ссылки на недоедание и плохое состояние обуви, по отзывам командного состава, часто бывают основательны, и действительно бывали случаи, когда улучшение пищи и ремонт обуви давали возможность понудить части к ведению занятий и выполнению работ: так, например, в 5 армии пробывшие на курсе траншейной артиллерии солдаты 27, 37 и 45 корпусов отказались от занятий, мотивируя отказ невыдачей каши. Инцидент был улажен, когда вместо каши была усилена дача хлеба.

Отношение солдатских масс к командному составу и офицерам вообще заметно ухудшается, растет озлобление, чаще становятся на этой почве всевозможные эксцессы.

За отчетный период обращают внимание отличающиеся невероятной жестокостью убийства: в 10 армии подполковника Макаревича и в 9 генерала Зиборова.

Необходимо отметить, что по донесению командующего 9 армией, во многих частях убийство генерала Зиборова не встретило осуждения, бывали даже случаи оправдания этого преступления.

Случаев ареста офицеров и лиц командного состава, без всяких для этого оснований, насилий над ними, тяжелых и совершенно незаслуженных оскорблений их словами—много; распределение эксцессов этого рода по отдельным армиям показано в таблице.

Не останавливаясь на описании отдельных эксцессов, которые обычно проявляются в самых диких и грубых формах, необходимо отметить, что по характеру своему все зарегистрированные штабами эксцессы можно распределить на три основные вида: 1) возникающие на почве выполнения служебных обязанностей лицами командного состава и офицерами вообще и предъявления ими к солдатам вытекающих из этого требований; 2) возникающие вследствие огульного подозрения офицеров и высшего командного состава в контрреволюционности и обвинении их в намеренном затягивании войны и 3) являющиеся результатом более или менее организованного выступления масс и низших комитетов против привилегий, которыми пользуются офицеры: большее в сравнение с солдатами содержание, улучшенная пища, расположение в отдельных помещениях и землянках, пользование казенной прислугой.

В последнее время эксцессы последнего вида начинают значительно учащаться во всех почти армиях.

Частями и комитетами выносятся резолюции и постановления о переводе офицеров на котел, уравнение офицеров и их семей в денежном довольствии с солдатами, о воспрещении выдачи им обмундирования из интендантства, размещения совместно с солдатами и т. п.

Бывали попытки отдельных частей осуществления этих резолюций, всегда вызывавшие бурные конфликты. Наблюдаются, конечно, отдельные эксцессы, которые не подходят ни под один из перечисленных видов, но такие обычно объясняются опьянением или полной распущенностью и бессмысленной озлобленностью виновных, носят характер случайный и не представляют поэтому интереса для изучения.

Отношение солдатских масс к войсковым организациям, по отзывам всех штабов, недостаточно сознательное: за организационной и политической деятельностью высших комитетов массы вследствие некультурности следить не могут и не понимают значения этой работы; низшие же комитеты, входящие в непосредственное соприкосновение с массами, вследствие неподготовленности своего состава к общественной работе оказывают слабое влияние и часто поддаются стихийному настроению толпы, идя в своих решениях за ее требованиями, а не руководя ею.

Поэтому широкие массы усвоили себе взгляд на комитеты как на организацию, призванную защищать их солдатские интересы, понимая эти интересы крайне элементарно.

В сводках последнего времени постоянно отмечается падение авторитета комитетов, что объясняется энергичной, особенно высших войсковых организаций, борьбой с прогрессирующим развалом армии, стремлением их итти в согласии с командным составом против стихийного движения масс, против их «интересов».

Случаи насилий, оскорблений членов войсковых организаций и выражение недоверия комитетам значительно реже, нежели в отношении лиц командного состава и офицеров.

Отношение широких масс к войне, по донесениям комадного состава, самое отрицательное, стремление к миру становится стихийным, лучшим подтверждением чему служит громадный успех большевистских лозунгов и идей на фронте.

Стремление к миру настолько сильно, что, по донесениям командующих 5, 12, и 11 армиями, в некоторых частях наши неудачи на Северном фронте были встречены с радостью, как обстоятельство, могущее ускорить мир.

Мотив многочисленных выражений недоверия Временному правительству—это недостаточно энергичная политика его в вопросе о мире. Этим же объясняется в последнем донесении штаба Западного фронта от 30 октября та быстрота и легкость, с которой многие части открыто приняли сторону большевиков.

Мир во что бы то ни стало—это, по донесениям командного состава, лозунг солдатских масс в последнее время.

Очень интересны и характерны следующие донесения командующих Особой и 7 армиями: в 1 Туркестанском корпусе (Особая армия) некоторые части объявили офицеров врагами солдат, так как они за войну, и сами же солдаты объясняют, что, ухудшая положение в армии, они решили таким путем сделать дальнейшее ведение войны невозможным. Во 2 корпусе (11 армия) солдаты с той же открыто высказываемой целью грабят склады казенного имущества.

Общее настроение солдатских масс, о котором говорится во всех сводках штабов и донесениях командного состава, подвержено известным колебаниям и, направленое в своей основе против войны, бывает то более спокойным и апатичным, то становится более активным, вызывающим множество эксцессов. При рассмотрении материалов за более продолжительное время в этом колебании можно наблюсти известную закономерность и причинность, выражающуюся в зависимости от общего политического состояния: пассивность и выжидательное настроение замечаются в периоды известного равновесия политических сил; всякая же

попытка усиления более правых или крайних левых течений в политике сразу же повышает настроение и делает его активным: в армии поднимается движение, всегда направленное в сторону крайних левых течений.

Это явление очень рельефно проявлялось во время корниловского наступления и наблюдается теперь.

Как сказано уже выше, в основе болезненного состояния армии командным составом усматривается достигающее стихийных размеров стремление солдатских масс к миру во что бы то ни стало, добытому какой угодно ценой. Стремление к миру постоянно растет, питаясь ухудшением положения армии, ухудшением продовольствия, обуви, теплого платья, осенней непогодой, заставляющей острее чувствовать все лишения.

На этой почве громадное развитие в армии получает большевистское течение, усилившееся в последнее время в связи с предвыборной агитацией в Учредительное собрание. Лозунги и идеи большевизма упрощаются массами, сознание которых воспринимает из всего учения только требование мира, передачи власти советам и земли крестьянам. Эти лозунги организуют стихию и направляют ее в русло.

Бороться с этим течением почти невозможно: некультурные массы, лишенные здорового чувства патриотизма и национального единства, не сознают задач и целей войны, не понимают невозможного для России немедленного, отдельного от союзников, заключения мира и, наблюдая анархию в тылу и отсутствие твердой воли к продолжению войны в народе, считают, что для России фактически война уже закончилась.

Меры, принятые к сокращению численного состава армии и облегчению этим ее довольствия и снабжения, пока, по донесениям штабов, желательного результата не дали, ухудшив, наоборот, положение, вызвав зависть и озлобление в остающихся и удалив из армии наиболее сознательный и дисциплинированный элемент.

Общее заключение командного состава о состоянии армии можно резюмировать в следующих положениях: армия разлагается, дисциплины не существует, командный состав лишен не только авторитета власти, но даже просто уважения; влияние комитетов, пытающихся сдерживать массы, падает, в дополнение ко всему—на армию надвигается голод.

К этой оценке положения присоединяются также и голоса некоторых представителей комиссариата. Очень характерно следую-

щее заключение комиссара Западного фронта, Жданова, данное к 22 октября:

«Нервное настроение в армии нарастает с каждым днем; нарушения дисциплины захватывают новые части. Пропаганда большевиков преобладает и пользуется успехом.

Массы упрощают лозунги, делая из них разрушающие выводы, без всякой мысли о влиянии совершаемого на судьбы родины и революции. Есть угрозы уйти с фронта, если мир не будет заключен в ближайшее время. Преступные элементы не могут быть преданы суду, так как дознания в редких случаях обнаруживают виновных. Волнующим вопросом является мир во что бы то ни стало и на каких угодно условиях. Возбуждает недовольство дороговизна предметов первой необходимости, табачных изделий и уменьшение дачи хлеба.

Доверие к комитетам падает, их отказываются слушать, прогоняют, избивают. Запуганные комитеты слагают полномочия, не дожидаясь перевыборов. Ненависть к офицерам растет в связи с распространением убеждения, что офицеры затягивают войну. Настроение комитетов, офицеров и командного состава, подавленных стихийным количеством нарушений дисциплины, паническое. Руки опустились. Развал достигает своего предела».

Подписал: Начальник Военно-политического отдела управления помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего, генерального штаба подполковник Новиков.

Скрепил: За начальника 1 Отделения, подпоручик Бельский.

С подлинным верно: За начальника 1 Отделения, подпоручик Бельский.

Приказы, разосланные военно-революционным комитетом.

Число	№№ приказа	Кому послан приказ и о чем	Пулеметы	Винтовки	Револьверы	Ручные гранаты ваг	Ручные гранаты ящ	Ручные гранаты шт.	Патроны ваг	Патроны ящ.	Патроны шт.	Шрапн. гранаты ваг	Шрапн. гранаты ящ	Шрапн. гранаты шт.	Фугасн. сн. ваг.	Фугасн. сн. ящ.	Фугасн. сн. шт.	Бомбы ваг.	Бомбы ящ.	Бомбы шт.	3 д. гр. ваг.	3 д. гр. ящ	3 д. гр. шт.	Порох	
1	114	**Лефортовскому Районному Комитету**																							
—		отпустить Симоновскому району	1	—			—																		
		» Воен.-Револ. Комитету	—	500	300	–	-	—																	
—		» Хамовническому району			—	—	—	200																	
		Сокольническому району																							
31	7	отпустить Главному Штабу	—				100																		
		Московско-Ряз.-Каз. жел. дороге																							
—	363	отпустить 1 зап. артилл. бригаде	—	200	—																				
—	192	» Воен.-Револ. Комитету	—	300	—	—	—	—																	
	322	» Хамовническому району	—	300			—	—		30															
—	296	» Военно-Револ. Комитету	—	300	—	—																			
		Мызо-Раевскому гарнизону																							
2	355	отпустить Воен.-Революц. Комитету	-	—		2	—	—	3	—	-	5	—				15	2	—					155 п.	
1	123	» по районам	—	[illegible]	—																				
		Зарайскому Воен.-Революц. Комитету																							
		отпустить Воен.-Революц. Комитету	—	—	—		—																50	—		
		Железнодорожному узлу																							
1	172	отпустить Воен.-Револ. Комитету	-	300	—		—																		
2	281	» Моск. латышск. Объед. Секции	—	300		—	.																		
2	352	» фабр. Крестовникова	—	50	—	—	—	—																	
2	264 271	» Воен.-Револ. Комитету	—	600	—	-	—																		
3	528	» Замоскворецкому району		3 000		—	—	—																	
6	823	» Подолвскому Совету Р. Д.	—	500	—	—		—																	
8	1 057	» Воен.-Револ. Комитету	-	все	—		—																		Не указано колич.
		Городскому району																							
31	106	доставить с Каз. ж. д. для Воен.-Револ. Комитета		1 500	—	—	-	—																	—
		Комиссару 55 полка																							
27	310	отпустить Воен.-Револ. Комитету	все	оруж	ие и	па	тр	о	ны	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Не указано колич

Требования патронному складу при Симоновском совете рабочих депутатов

Число	№№ требов.	Наименование требующего учреждения	3-лин. патроны	Берданские патроны	Германские патроны	Австрийск. патроны	Японские патроны	Патроны «Вагерлее»	Итальянск. патроны	Французск. патроны	4,2-лин винт. патр.	Патроны браунинга	Патроны кольта	Патроны винчи	4,2-лин. рев. патр	Патроны «Гра»	Пулеметн. ленты	Патроны маузера	Ручные бомбы	Винтовки
29 X	—	Рогожский район	64 800	—	600	—	—	9 600	—	—	5 760	1 700	—	3 500	—	15 000			—	—
30/X	—	Железнодорожный комитет	6 000	—		—		—	—	—	—	—	—	—	—	3 600			—	—
»	—	Благушинско-Лефортовск. район	40 000	—	—	—		—	—	—	—	—	—	1 411	—	—	—			
1 XI	415	Воен.-Револ. Комит. ж.-д. узла	3 600	—		—	—					—	—		—	—		—		
—	—	Городской район	129 000	—	—	—	—	40 000	—	—	100	300	2 500	—	—	—	100	100		
—	—	Сокольнический район	60 000	—	—	—	—	—	—				—					—	—	
—	—	Динамо Бари	6 000	—	—	—	—				11 520	—	—	—	—	—			—	—
	—	Замоскворецкий район	74 000	40 000	15 000	15 000	—	—	—		30 736	—	24 000	3 000		—	51	—	—	
—	—	Басманный район	—	—	—	—		—	—		2 304	100	—	3 000	—	—		—	11	
—	—	55 пехотн. запасн. полк	36 000	14 608	18 000	18 000	—	113 800	—	—	4 608	400	1 000	—	—		—	—	—	—
—	—	Моск.-Каз. жел.-дор. Район. Ком.	18 000	—	—	—	—	—	—			—	—		—	—	—	—		
—	—	Хамовнический район	18 000	—	—	—	—	—	—			—	—		—	—	—	—	—	—
—	—	Ниж.-Муромск. жел.-дор. Ком.	3 000	—	—	—	—					—	—	—		—	—	—	—	—
—	—	Симон. Воен.-Револ. Комитет	71 695	4 456	1 160	—	—	14 200	4 800	—	14 976	150	—	1 220		—	8	—	50	28
	—	251 пех. запасн. полк	60 000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	—	—	6	—	—	—
—	—	Моск. маст. тяжел. артиллер.	37 000	—	—	—	—	24 000	—	—	5 700	—	200	—	50	—	—			—
—	—	Военно-Револ. Комитет	516 000	12 672	24 600	9 000	1 440	116 800	8 000	6 000	61 056	11 325	3 300	3 000	300	—	280		2 100	—

РАСХОД СНАРЯДОВ ЗА 28, 29, 30, 31 ОКТЯБРЯ, 1, 2 И 3 НОЯБРЯ 1917 ГОДА ИЗ МОСКОВСКОГО СКЛАДА ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПРИПАСОВ СОГЛАСНО ПРИКАЗУ ЦВРК:

В Штаб Осадной мастерской	155 яш. 42″ гранат	620 шт.
» » » »	100 » 42″ шрапнелей	400 »
193 запасному полку	20 ящ. 3″ гранат	160 »
» »	20 » 3″ шрапнелей	160 »
В Благушенский район	16 ящ. 6″ бомб	32 »
» »	4 » зарядов	32 »
» »	47 » 3″ гранат	141 »
» »	вытяжных трубок	40 »
» »	22 ящ. 120 *мм* бомб	130 »
» »	4 » зарядов 120 *мм*	130 »
1 арт. зап. бригаде	36 ящ. 3″ гранат	288 »
« » «	41 » 3″ шрапнелей	328 »
Центральному Комитету	16 ящ. 6″ бомб	32 »
» »	4 » зарядов	32 »
» »	вытяжных трубок	240 »
Сокольническому району	48 ящ. гранат 42″	192 »
» »	20 » бомб 48″	60 »
» »	3 » зарядов с гильзами	60 »
» »	16 » бомб 6″	32 »
» »	4 » зарядов к пуш. 200 п.	32 »
» »	вытяжных трубок	40 »
» »	500 ящ. шрапнелей 3″	400 »
» »	20 » гранат 3″	160 »
» »	16 » » 42″ об. 1877 год	80 »
» »	3 » » зарядов 42″	80 »
»	берданочных патронов	100 ящ.
» »	ручных бомб 60 ящ.	720 шт.
Замоскворецкому району	» » 120 »	1 440 »
» »	пироксилиновых шашек	464 »
» »	Бикфордов шнур	24 арш.
» »	38 ящ. бомб 6″	76 шт.
» »	зарядов 6″ к пуш. 200 пуд.	72 «
» »	вытяжных трубок	120 »
» »	берданочных патронов	20 ящ.
Мытищенскому »	винтовок 3″	200 »
» »	Берданок	75 »
» »	ручных бомб 20 ящ.	240 »
» »	патронов 3″	15 ящ
» »	» к Берданке	15 »
В город Богородск	ручных бомб 10 ящ.	120 шт.
» » »	Берданок	250 »
« » »	патронов к берданкам	10 ящ.

Комиссар (подпись неразборчива)

Члены:

ВЫДАНО ЗА 28, 29, 30, 31 ОКТЯБРЯ, 1, 2 И 3 НОЯБРЯ ИЗ СКЛАДА ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПРИПАСОВ СОГЛАСНО ПРИКАЗУ ЦВРК:

6″ бомб тротиловых 86 ящ. по 2 шт.	172	бомбы
42″ гранат скоростр. 223 ящ. по 4 шт.	892	гран.
42″ шрапнелей скоростр. 100 ящ. по 4 шт.	400	шрап.
3″ гранат 63 ящ. по 8 шт.	504	гран.
3″ шрапнелей 109 ящ. по 8 шт.	872	шрап.
42″ гран. 1877 года 16 ящ. по 5 шт.	80	гран.
6″ зарядов с гильзами полевой пуш. 3 ящ. по 12 шт.	36	заряд.
155 *мм* заряды к французской пуш. 2 ящ. по 20 шт.	40	»
6″ заряды к пушке 200 пудов 12 ящ. по 8 шт.	96	»
120 *мм* бомб 20 ящ. по 6 шт.	120	бомб
120 *мм* заряды к пушке франц. 6 ящ. по 20 шт.	130	»
Берданочных патронов	135	ящ.
Ручных бомб	140	ящ.
Вытяжных трубок	400	шт.
48″ мортирных бомб 20 ящ. по 2 шт.	40	бомб
48″ мортирных зарядов 2 ящ. по 20 шт.	40	заряд.
Пироксилину в шашках 2 »	464	шашки
Бикфордов шнур	24	арш.

(Подпись неразборчива).

БАЛАНС НА 16 НОЯБРЯ

Приход

Винтовки						Патроны																				Револьверные разные			Револьверы разных систем		Снаряды		Пулеметы	Пулеметные ленты		Шашки	Кирки	Лопаты	Топоры	Ломы	Тесаки
						Винтовочные																																			
						Русские			Итальянские			Немецк.			Берданск.			Разные																								
Русские	Итальянские	Французские	Берданские	Разные	Ружья	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	штуки	ящики	штуки	ящики	штуки						
9 931	217	11	219	607	47	909	—	—	56	—	8 225	41	—	60	68	3 360	568	—	560							13	—	18 125	21	38	114	64	5	108	18	584	58	223	18	52	40
9 931	217	11	219	607	47	909	—	—	56	—	8 225	41	—	60	68	3 360	568	—	560							13	—	18 125	21	38	114	64	5	108	18	584	58	223	18	52	40

Расход

Винтовки						Патроны																				Револьверные разные			Револьверы разных систем		Снаряды		Пулеметы	Пулеметные ленты		Шашки	Кирки	Лопаты	Топоры	Ломы	Тесаки
						Винтовочные																																			
						Русские			Итальянские			Немецк.			Берданск.			Разные																								
Русские	Итальянские	Французские	Берданские	Разные	Ружья	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	пачки	штуки	ящики	штуки	ящики	штуки	ящики	штуки						
8 605	35	1	40	—	43	873	—	—	26	—	425	40	—	60	21	3 360	520	—	555							13	—	17 925	21	38	114	64	—	8	57	404	14	107	—	—	—
1 326	182	10	179	607	4	72	—	—	43	—	—	1	—	—	47	—	—	48	—	5							—	—	200	—	—	—		5	—	161	180	44	116	18	52	40
9 931	217	11	219	607	47	909	—	—	69	—	425	41	—	60	68	3 360	568	—	560							13	—	18 125	21	38	114	64	5	108	18	584	58	223	18	52	40

Заведующий арсеналом оружия при Военно-Московском Революционном Комитете Совета Рабочих и Солдатских Депутатов

2/XII 1917 г.

К. Розенталь.

Требования патронному складу при Симоновском совете раб. деп., посланные через В.-Р. К-т Симоновского совета.

Число	№№ требов.	Наименование требующего учреждения	3-лин. патроны	Берданские	Германские	Австрийск.	Японские	«Ветерле»	Итальянск.	Французск.	4,2-лин. винтовки	Браунинги	Кольты	Наганы	4,2-лин. рев.	«Гра»	
2/XI	351	Заводской к-т Крестовникова.	1 200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
»	369	Железнодорожн. район Московского узла	30 000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
»	293	Московской Латышской объедин. секции	12 000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
3/XI	529	Замоскворецкого района . .	60 000	11 520	3 000	3 000	—	—	—	—	—	—	6 000	—	—	—	
4/XI	217	5-го Зап. Саперн. полка . .	50 400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	391	Благушинско-Лефорт. В.-Р. Ком.	30 000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	822	Подольского Совета Рабоч. Деп.	60 000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аванесов 45
Авенек 15
Александров 60
Алексеев 61
Алексеева 61
Алексеев (белогвардеец) 35, 103
Алешин 14
Алкснис 13
Алсин 13
Алферов 14
Ангарский 10, 11, 14, 25, 61, 81, 82
Андреев 39, 61
Андрианов 13
Андрюшин 39
Аносов 61
Антон 10
Антонов 14
Ануфриенко (белогвардеец) 99, 102
Аратунянц 13, 143
Ароштам Гриша 61
Аросев 10, 101, 136
Астраханцев 61
Аузинь 15

Бабакин 61
Багаров 15
Багров 119
Базякин 108
Бакин 14
Бакланов 61
Баранов 39
Баулич 14
Безюн 39
Белоусов 61
Бельский (белогвардеец) 161, 171
Беленький 60
Бергман А. 15, 143
Берзин 10, 16, 24, 52, 59, 74, 75, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 103, 104, 108, 111, 159
Берзина 62, 120
Берклау 14, 60
Берчуков 88
Биксон 36
Бирюков 36
Близ (Блиэ) 61, 82
Блохин 58, 84, 85, 100, 127, 145
Боголепов 10
Богров 60
Борисов 13, 147
Бредис 15
Бродская Сара 61
Брун 12, 14
Брызгин 39
Бугров 13
Буденко 61
Будзинский 56, 57, 58, 60, 64, 75
Буланов 14
Булимов 61
Булыгин (белогвардеец) 66, 67
Бундурин 67
Бураков 15
Бухарин 10, 86
Бученков 61

Вакса 84
Ванторин 61
Васильев 13, 14, 52, 118, 133, 157
Васильев И. В. 60
Васьков 61
Варенцова 9, 13, 16, 128
Вдовин 36
Ведерников 15, 16, 29, 30, 47, 77, 132, 138
Венветченко (лев. с.-р.) 155
Веселов В. П. 61, 123
Владимирский М. Ф. 54, 56, 86
Визер 62
Викман 13
Витковский 12, 60
Волгин 13
Волин 60, 137
Волков 14, 16
Волконский С. 61
Воропаев 15
Врублевский 61
Вятич 14

Гайзель 15
Гвилинский 133
Гедеман 15
Герасимов 14, 39
Голенко 10, 11
Голубев 60
Гончаров 14, 118, 146
Гопиус 21, 29, 143
Горбинов 14
Горбунов 15
Горячкин 14
Горький 36
Гофман 14
Григорьев 14
Гусев 14, 61, 147
Гущин Петр 36

Давыдов 39
Дарзнек 61
Даугерт 36
Дзержинский 10, 12, 16
Девингтель 62
Демидов 14, 15, 29, 52, 60, 62, 116, 118
Добрынин 9, 12, 13, 15, 16, 21, 22, 77, 143
Додонова М. 44
Дорошевич (белогвардеец) 128
Дикарева 62
Дрожжин 14
Дубровин 141, 142
Дубровина 90
Дунецкий 88
Духонин (белогвардеец) 128

Евтеев 98
Егоров 15, 61
Ежак 15
Елохин 14
Емельянов 60
Ерофеев 15
Ермоленко 36
Ершов 74
Есин 14
Ефремов 61, 137, 147

Жаров 13
Жданов (белогвардеец) 112, 171
Жикин 14
Журавлев 14

Забродин 60
Зайцев А. П. 36
Зайцев В. 151
Закис 61
Зарин 62
Захаров 15
Землячка 86
Зибаров (белогвардеец) 167
Зимин 9, 14, 15, 16, 52, 61, 77, 93
Зиновьев 72
Зитте (лев. с. р.) 155
Златоверов 60, 143
Знаменский 11, 14, 60
Зотов 14
Зубарев 61
Зубков 10, 60

Иванов 14, 60, 101
Игнатов 10, 128
Иевлев 14, 102
Известьева 62, 120, 124, 125
Ильин 10
Исаев 123

Кабанов 14, 15
Казанова 62, 120
Каледин (белогвардеец) 35
Калачев 60
Калинин 15
Калнин 14, 15
Калятов 39
Каменев 9, 72
Каризма 61
Карпов 13, 14, 61, 83, 144, 145
Касперович 14, 61
Качалин 14, 118, 125
Кауров (мальчик) 128
Квесис 14, 15, 60, 118, 143
Керенский (белогвардеец) 35, 55, 112
Кимборт 13
Кисляков 40
Климов 14
Климова 14
Кобенков 61
Кобинков (меньшевик) 82
Кобозев 60
Кобро (белогвардеец) 154, 155
Кочетов 39
Козелев 12, 56
Козлов 12
Козычев 59
Кокоткова 61
Колпин 15
Кондратьев 60
Константинов 18, 38, 61
Коренной 60
Корзинов 60
Коробочкин 119, 120
Королев 156, 159
Корнилов (бел.) 35, 36, 38
Кржишталович 14
Крохин 141
Крюков 29
Коскин С. Е. 36
Коссиор 60, 147
Котлин 15
Котов 61
Кох 14, 61
Кузнецов П. А. 36
Кузнецов (лев. с.-р.) 60
Кулешев 61

Кунина 14
Кураев 15, 18, 61
Кушнер 132

Лайва 61
Ларионов 15
Ласис 62
Лебедев 13
Ленин 7, 9, 10, 17, 24, 42, 51, 55, 56, 65, 95, 96, 101, 143
Леппе 62
Лидак 9, 14, 16, 118, 146
Липицкий 52
Лисовский 60
Лихачев 61
Лиховилов (бел.) 90
Лобанов 13, 108
Ломов 56, 57, 112, 154
Лопатко-Романов 15, 61
Лысов 14, 61, 81, 146
Людвинская 60

Маер 39
Майоров 38, 39, 40
Макаревич 14, 167
Макаров А. А. 36
Макотин 38
Максимов 14
Малевик М. Е. 36
Маленков 9, 12, 14, 15, 44, 61, 66, 77, 86, 93
Малиновский 16, 24, 29, 47, 94, 141
Малицкий (бел.) 92
Мальков 30, 52
Мамонтов 75
Мануйлов 14
Мануковский 14
Масленников 14, 118
Масюченко 88
Медведь Ф. Д. 14, 61
Меднис 61, 82
Межзил 141
Мезис 15
Мельников 39
Меркулов 13, 16, 60, 143
Мессинг 14
Мехлис 29
Мизернов 61
Минин 15
Мисоров 39
Миткевич 14
Митрофанов 14
Михалевский 155
Можокин 61
Моклиновский 39
Моравский (меньш.) 44
Морозов 13, 138
Мосягин 87
Муравьев 14, 60
Муралов Н. И. 7, 56, 57, 58, 100, 101, 111, 132, 134, 138, 139, 147
Мурсов 15
Мышкин 13, 143

Найсин 13
Наперстков 15
Наседкин 14
Наталовский 12
Нахгальцев 154
Нефедов 14
Никитин (меньш.) 22
Никифоров 36
Николаев (меньш.) 57
Нитяренко (без.) 92
Новиков (без.) 161, 171
Ногин 54, 55, 95, 100, 101, 112

Обгаров 13
Облодуев 15
Обух 12
Овсянников 10
Огильба 61
Озеров 12
Ольминский 10, 86
Ольцов 39, 40
Опухтин 15
Орехов 59
Орещенко 14, 52
Осипов 15, 29, 62

Павлычев 52
Падзевич 61
Палашевский 36
Пан 9, 12, 13, 20, 21, 59
Панкин 14
Панкратов-Маркин 60
Панов 14, 15, 60, 82
Панферов 14
Панченко 14, 82
Паронин 129, 150
Парфенов 15
Пастухов 143
Пекарский (бел.) 158
Пельше 60
Переверзев 9, 12, 14, 29, 44, 62, 84, 127, 145
Петров 13, 14, 22, 29, 52, 60, 77, 128, 158, 159
Петров (бел.) 90
Петрова Мария 9, 12, 15
Петушков 14
Пече Я. 3, 4, 6, 12, 13, 14, 15, 16, 20, 25, 47, 52, 60, 65
Пилацкая 13, 128
Пичугин (лев. с.-р.) 14
Плющев 14
Подкидышев 145
Померанцев 61, 141
Попов 10, 14, 61
Попова 14
Потапов 128
Пресняков 14, 61

Прокопенко 13
Прохоров 15, 60, 61
Пунцов 61
Пустров 39
Путрин 36
Пятницкий 14, 56, 61

Ратежин 13
Рейнсон 15
Резаков 14
Речиков 14
Рогов 74
Рогинский А. Ф. 36
Розанова 14
Розенгольц 75, 132
Розенталь 179
Розенштейн 60
Розит 61
Розова 60, 119
Ростовщиков 52
Ротшильд 12, 60
Рубинштейн 62
Руднев (бел.) 67, 72, 91, 138, 152, 156
Рыков А. И. 10, 56, 57
Рыкунов 60
Рябинин 15
Рябцев (бел.) 5, 53, 54, 57, 68, 73, 74, 77, 79, 80, 81, 83, 91, 97, 100, 101, 103, 104, 111, 114, 132, 138, 142, 146
Ряжский 36
Рязанов 74
Рязанцев 14

Саблин 126
Савельев 61
Савин 14
Саврасов 14, 61, 81
Салатанов 14
Сальников 36
Самарин 61
Самойлов 10, 14
Саруль 14
Свободин 14
Селезнев 61
Семенов 13
Сентябов 14, 15, 77, 93
Сиамук 14
Сибиряк 10, 11
Сидоров 60, 98, 99, 100, 105, 107
Силаев А. П. 14
Синиашко 39
Сирота 156, 159
Сиротин 15
Скрамс 13, 138
Скворцов 38, 39
Слесарев 13, 52, 60
Смидович 85, 154, 156, 157
Смирнов 12, 61
Смирнов В. М. 56, 57, 154
Смирнов И. 15
Смирнова 61
Соболев 15
Соболева 62, 120
Соловьев 61, 81
Соловьев З. С. 14
Соловьев Ив. 56
Сокольников 10
Сочейкин П. В. 36
Спасский (с.-р.) 44
Ставрович 14
Стефановский 14, 76
Стефашкин 52, 61, 69, 87, 128
Страхов 18, 94, 95, 96, 100, 101, 102, 107
Стрелков 9, 12, 21, 143
Стуков 56, 100, 134
Субботин 61
Суков 140
Суриков 39
Сухонин 140
Сычев 12, 13, 59

Тандетников 141
Тандитный 61
Телешов 14
Тетельбаум (меньш.) 57
Тергин 36
Титов 14
Тихонов 18
Ткаченко 13
Трифонов (меньш.) 44

Уваров 12
Усагин 10
Усиевич 12, 15, 22, 30, 47, 56, 57, 77, 86, 132, 138, 152
Уткин 14

Файдыш 12, 60, 137
Фанилин 39
Фаслер 14, 60, 82, 83
Федосов 14, 60, 82, 83
Федотов 58, 126, 128, 130
Фельдман 12, 13, 19, 20, 21
Филатов 61
Филлер 13
Филиппов 14
Фирсов 61, 88
Фомин 60
Фонченко 14, 60
Фролов (с.-р.) 44
Фрунзе 143

Харитонов П. Ф. 36
Харламов (бел.) 155
Ходоровский 60
Хорошков (бел.) 110
Хрустин 13
Хунтодзе (объединенец) 44

Царьков 36
Цивцивадзе Илья 52, 58, 60

Черняк 14, 61
Черняцкий 14
Чернышев 15, 38, 61
Чиклин 140
Чинчинадзе 75
Чистов 15
Чистяков 14
Чугунов 40

Шаль 128
Шаховской (князь, бел.) 53
Шведов 141
Шевелев 145
Шелехес 14, 61
Шеногин 13, 60
Шигаев 61
Шиллерт 13, 21, 60
Ширко 36
Шитов 14
Шленев 60
Шлихтер 54
Шломан 61, 82
Шляпников 61
Шольт 61
Штернберг 9, 10, 11, 12, 15, 16, 19, 29, 30, 44, 47, 52, 60, 77, 86, 94, 134, 143
Штродах 75
Шумкин 61

Щербаков 62, 62

Эвальд 15, 62
Эйхман 61
Эпштейн 13
Эссен 85

Юревич 9, 14, 15, 81
Юркин 36
Юшин 36

Яковлева В. Н. 5
Яковлева Н. 56
Якулов (бел.) 154, 155
Янушевский 64, 75
Ярема 14
Ярославский Ем. 35, 52, 56, 59, 81, 94, 100, 101, 111
Ярочин 146

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От Истпарта 3
Предисловие 7
I. Организация Красной гвардии и вооружение рабочего класса 9
1. Первые решения Московского комитета партии большевиков о Красной гвардии 9
2. Организация центрального и районных штабов Красной гвардии в Москве 12
3. Как вооружалась и обучалась Красная гвардия 16
II. Июльские дни в Москве и Красная гвардия 25
III. Организация оперативного штаба Красной гвардии и разработка стратегического плана восстания . . . 29
IV. Московское совещание 32
V. Корниловские дни и Красная гвардия 35
VI. Вооруженное выступление и Главный штаб Красной гвардии 43
VII. Устав Красной гвардии 47
Дружина. Дружинники, их права и обязанности. Оружие 48
VIII. Накануне Октября 50
1. Политические течения и выборы Военно-революционного комитета . 59
2. Центральный штаб Красной гвардии 59
3. Вооружение белых накануне Октября 65
IX. Красная гвардия в борьбе за власть советов . . . .
1. Общая обстановка вначале боев 71
2. Характеристика руководства в начале октябрьских боев 76
3. Вооружение Красной Гвардии и революционных воинских частей в октябрьские дни 84
4. Викжель 89
X. Борьба за Кремль и его сдача 94
XI. Первый период боев—до заключеня перемирия . . . 115
XII. Перемирие 30 октября 131
XIII. После перемирия 136
XIV. Капитуляция белых и занятие Кремля 152
Приложения.
1. Таблица сведений о состоянии армии за время с 1 по 30 октября 1917 г. 160

Стр.

2. Объяснительная записка к таблице 162
3. Приказы ВРК об отпуске оружия 172
4. Требования патронному складу при Симоновском совете рабочих депутатов 174
5. Сводка о выдаче снарядов и огнеприпасов из Мызо-Раевского склада огнеприпасов 176
6. Баланс оружия арсенала Военно-революционного комитета 178
7. Требования патронному складу (при Симоновском совете рабочих депутатов), посланные через ВРК Симоновского совета 180
Именной указатель 181

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

А. Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МОСКВА В 1917 ГОДУ

Стр. 196. Ц. 1 р. 75 к.

М. С. КЕДРОВ

ЗА СОВЕТСКИЙ СЕВЕР

Личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1917 г.

(Истпарт)

Стр. 202 + 1 карта. Ц. 2 р. 25 к.

Д. НАДЕЖНЫЙ

НА ПОДСТУПАХ К ПЕТРОГРАДУ ЛЕТОМ 1919 ГОДА

Стр. 167. С 10 схемами. Ц. 1 р. 20 к.

Н. ИЛЬЮХОВ и М. ТИТОВ

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРИМОРЬЕ 1919—1920 гг.

Стр. 252. (Истпарт) Ц. 2 р. 50 к.

И. КУТЯКОВ

С ЧАПАЕВЫМ ПО УРАЛЬСКИМ СТЕПЯМ

Борьба с уральской чехословацкой контрреволюцией

Под ред. Т. Хвесина

С предисл. А. Верховского

Стр. 144. Ц. 1 р. 25 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата. Эти же книги можно купить или выписать в киосках „Книга—Деревне" при почтовых конторах.

Кому Начальникам боевых участков
1917 г. 29 окт. 18 час. 30 мин.
№ [redacted]2 Мѣсто отправленія
Съ кѣмъ отправлено
908 18 11/VI № 1403

Приказываю немедленно прекратить стрельбу. Противная сторона издает одновременно такой же приказ. Представители демократических органов наблюдают за немедленным [illegible] всегда за сим [illegible] нейтральной зоны. К 19 часам 30 минутам должна быть прекращена всякая стрельба безусловно и категорически. Всем начальникам лично наблюсти за этим.

Командующий войсками
Полковник Рябцев

Приказ Рябцева о прекращении стрельбы.

908 18 11/VI 1403 16/II

ДОГОВОРЪ

между Военно-Революціоннымъ Комитетомъ и Комитетомъ Общественной Безопасности, 2 Ноября с.г., 5 ч. в.

1. Комитетъ Общественной Безопасности прекращаетъ свое существованіе.

2. Бѣлая гвардія возвращаетъ оружіе и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенномъ ихъ званію оружіи. Въ Юнкерскихъ Училищахъ сохраняется лишь то оружіе, которое необходимо для обученія. Все остальное оружіе юнкерами возвращается. Военно-Революціонный Комитетъ гарантируетъ всѣмъ свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрѣшенія вопроса о способахъ осуществленія разоруженія, о коемъ говорится въ п.2, организуется комиссія изъ представителей Военно-Революціоннаго Комитета, представителей командного состава и представителей организацій, принимавшихъ участіе въ посредничествѣ.

4. Съ момента подписи мирнаго договора обѣ стороны немедленно отдаютъ приказъ о прекращеніи всякой стрѣльбы и всякихъ военныхъ дѣйствій съ принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ къ неуклонному исполненію этого приказа на мѣстахъ.

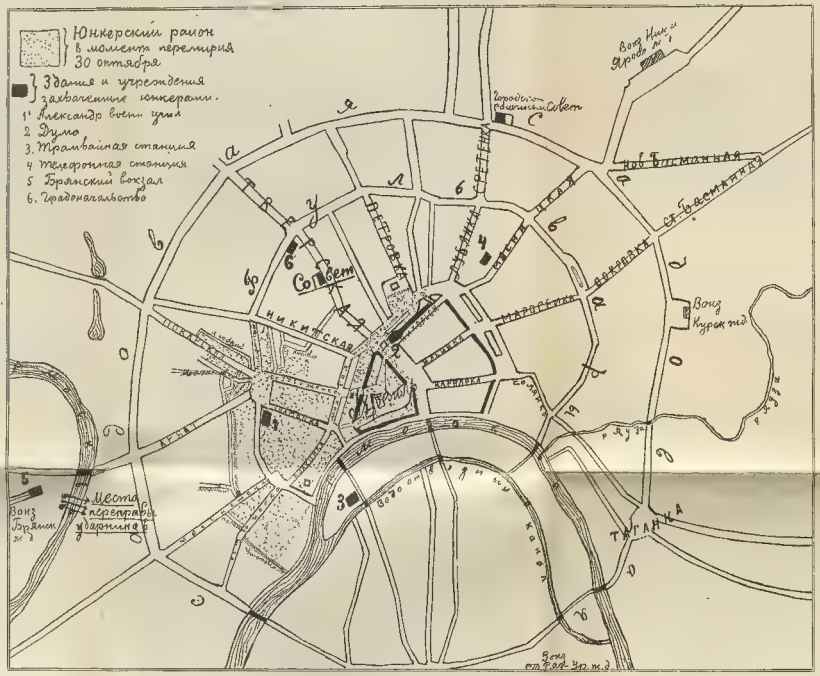
5. По подписаніи соглашенія всѣ плѣнные обѣихъ сторонъ немедленно освобождаются.

Представители Военно-Революціоннаго Комитета — В. Смирнов, П. Смидович

Представители Комитета Общественной Безопасности — В. Руднев, И. Сорокин, С. Студенецкий

Представители Всероссийского Комитета Войск, оставшихся верными Временному Правительству — [illegible] Юнкер [illegible] Кутузов

Договор, заключенный между Военно-революционным комитетом и Комитетом общественной безопасности 2 ноября 1917 г.



План театра военных действий в Октябрьские дни.